

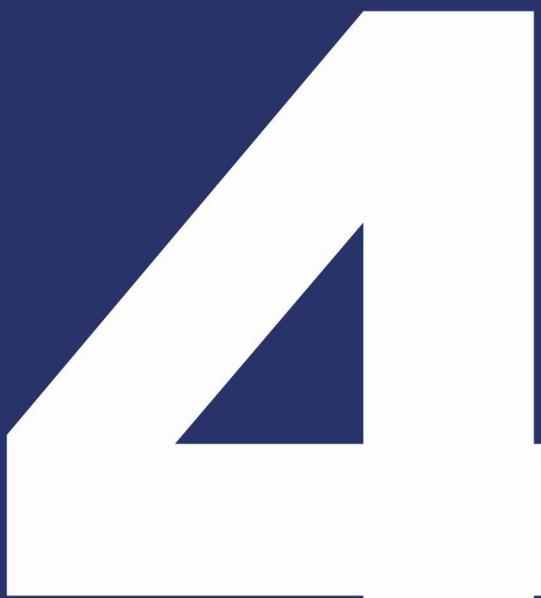
ISSN 2619-0648

Научный журнал

Ex jure

2023

Ежеквартальный
научный журнал
Издаётся с 2018 г.

Ex jure

ISSN: 2619-0648

2023. № 4

Учредитель и издатель:

Пермский
государственный
национальный
исследовательский
университет

Адрес учредителя,
издателя и редакции:

614068, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
Http://ex-jure.psu.ru

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-73154
от 22 июня 2018 г.

Подписка на журнал
осуществляется онлайн
на сайте «Пресса России».
Объединенный каталог»
[https://www.pressa-rf.ru/
cat/1/edition/e83987/](https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/e83987/)
Подписной индекс 83987

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Голубцов Валерий Геннадьевич (председатель) – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Габов Андрей Владимирович – д. ю. н., член-корреспондент Российской академии наук, Заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, г. Москва;

Головина Светлана Юрьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Гонгало Бронислав Мечиславович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Вавилин Евгений Валерьевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой семейного и жилищного права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Ерикова Инна Владимировна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой предпринимательского права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Зайцев Владимир Васильевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Запольский Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Зуев Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой правоохранительной деятельности и национальной безопасности Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск;

Кочев Владимир Александрович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Кузнецова Ольга Анатольевна (главный редактор) – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права, зам. декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Тарханов Ильдар Абдулхакович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права, научный руководитель юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Толстик Владимир Алексеевич – д. ю. н., профессор, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД РФ, г. Нижний Новгород.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кузнецова Ольга Анатольевна (главный редактор) – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права, заместитель декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Аристов Евгений Вячеславович – д. ю. н., доцент, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

Безруков Сергей Сергеевич – д. ю. н., доцент, начальник отдела Научно-исследовательского центра по исследованию проблем расследования преступлений Всероссийского научно-исследовательского института МВД РФ, г. Москва;

Валеев Дамир Хамитович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь; заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Васильева Юлия Валерьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Каплунов Андрей Иванович – д. ю. н., профессор, руководитель научной школы «Административная и административно-процессуальная деятельность МВД России» Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург;

Комиссарова Елена Генриховна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Липинский Дмитрий Анатольевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти;

Лопашенко Наталья Александровна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов;

Матвеев Антон Геннадьевич – д. ю. н., доцент, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Незнамова Зинаида Александровна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Пастухов Павел Сысоевич – д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминастики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Поляков Сергей Борисович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Романовский Георгий Борисович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой уголовного права Пензенского государственного университета, г. Пенза;

Стахов Александр Иванович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой административного права и процесса Российской государственной университета правосудия, г. Москва.

Федорова Марина Юрьевна – д. ю. н., профессор, Советник Конституционного суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Founder and publisher:
Perm State University

Address of the Founder,
Editorial Board, Editorial
Staff and Editorial Office:

15, Bukireva st., Perm,
Russia, 614068
Phone, +7 (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
[Http://ex-jure.psu.ru](http://ex-jure.psu.ru)

EDITORIAL BOARD

Golubtsov Valeriy Gennadyevich (Head of the Editorial Board) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm;

Gabov Andrey Vladimirovich – Doctor of Juridical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Business and Corporate Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Moscow;

Golovina Svetlana Yurevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor Law, The Ural State Law University, Ekaterinburg;

Gongalo Bronislav Mechislavovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, The Ural State Law University, Ekaterinburg;

Vavilin Yevgeniy Valeryevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice-Rector of Scientific Affairs, Head of the Department of Family and Housing Law, The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Yershova Inna Valentinovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law, The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Zaitsev Vladimir Vasilievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Legal Support of Market Economy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Zapolskyi Sergey Vasilievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Branch of Administrative Law and Administrative Procedure of the Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Zuev Sergei Vasilevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Law Enforcement and National Security, The South Ural State University, Chelyabinsk;

Kochev Vladimir Aleksandrovich – Professor, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Administrative and Constitutional Law, Perm State University, Perm;

Kuznetsova Olga Anatolyevna (Editor in Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

Tarkhanov Ildar Abdulhakovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Criminal Law, Research Supervisor of the Law Faculty, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan;

Tolstik Vladimir Alekseevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Nizhny Novgorod

EDITORIAL STAFF

Kuznetsova Olga Anatolyevna (Editor in Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

Aristov Evgeny Vyacheslavovich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process, Perm State University, Perm;

Bezrukov Sergey Sergeevich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Division Research Center for the Study of Investigation of Crimes Issues Federal Public Establishment, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow;

Valeev Damir Khamitovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm; Vice Dean of the Law Faculty, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan;

Vasileva Yuliya Valerevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and International Law, Perm State University, Perm;

Kaplunov Andrei Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Scientific School «Administrative and Administrative-Procedural Activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia», Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg;

Komissarova Elena Genrikhovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm;

Lipinsky Dmitriy Anatolyevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Togliatti;

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive law, Saratov State Law Academy, Saratov;

Matveev Anton Gennadievich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm;

Neznamova Zinaida Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Ural State Law University, Ekaterinburg;

Pastukhov Pavel Sysoevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Criminal Procedure and Criminology, Perm State University, Perm;

Polyakov Sergei Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Perm State University, Perm;

Romanovskiy Georgiy Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law, Penza State University, Penza;

Stahov Aleksandr Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, Russian State University of Justice, Moscow;

Fedorova Marina Yurevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Adviser of the Constitutional Court of the Russian Federation, Saint-Petersburg

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Борисевич Г. Я.</i>	
К 65-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНАЛИСТИКИ ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	7
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Афанасьева С. И.</i>	
О НЕОБХОДИМОСТИ ГАРМОНИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ И ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ СУДОПРОИЗВОДСТВА	17
<i>Борисевич Г. Я.</i>	
О СИСТЕМЕ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ИНСТИТУТОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПЕРЕСМОТР СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	33
<i>Быков Д. С.</i>	
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА НА ИНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК СПОСОБЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	58
<i>Гасанов И. Т.</i>	
ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	69
<i>Добровлянина О. В.</i>	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ СУДЕЙ	85
<i>Долгинов С. Д.</i>	
ПРОВЕРКА ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ ПРИ ДОПРОСЕ	95
<i>Килина И. В.</i>	
К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	107
<i>Ли О. Ю.</i>	
ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ТЯЖЕСТИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ	121
<i>Малыгин К. В.</i>	
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В ПРОЦЕССЕ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	133
<i>Пастухов П. С.</i>	
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ИНОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	145
ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ	
В EX JURE	162

CONTENTS

<i>Borisevich G. Ya.</i>	
TO THE 65TH ANNIVERSARY OF THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS AT PERM STATE UNIVERSITY	7
CRIMINAL LAW SCIENCES	
<i>Afanaseva S. I.</i>	
ON THE NEED TO HARMONIZE LEGAL REGULATION OF THE USE OF VIDEO CONFERENCING AND WEB CONFERENCING IN VARIOUS FORMS OF LEGAL PROCEEDINGS	17
<i>Borisevich G. Ya.</i>	
ON THE SYSTEM OF INTER-BRANCH INSTITUTIONS REGULATING THE JUDICIAL REVIEW OF COURT DECISIONS IN THE PROCEDURAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION	33
<i>Bykov D. S.</i>	
THE IMPACT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY ON OTHER PROCEDURAL ACTIONS AS METHODS OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS	58
<i>Gasanov I. T.</i>	
STAGES OF THE FORMATION OF CASSATION PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES: FROM THE CHARTER OF CRIMINAL PROCEEDINGS TO THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION	69
<i>Dobrovlyanova O. V.</i>	
LEGAL REGULATION OF INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS IN RELATION TO JUDGES	85
<i>Dolginev S. D.</i>	
VERIFICATION OF THE RELIABILITY OF TESTIMONY DURING INTERROGATION	95
<i>Kilina I. V.</i>	
ON DIRECTIONS FOR REFORMING THE INSTITUTION OF ALTERNATIVE WAYS OF RESOLVING CRIMINAL LAW CONFLICTS	107
<i>Li O. Yu.</i>	
ORGANIZATIONAL AND PROCEDURAL PROBLEMS OF ESTABLISHING THE SEVERITY OF HARM TO HEALTH	121
<i>Malygin K. V.</i>	
PROBLEMS OF ENSURING THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS IN THE PROCESS OF SEIZURE OF ELECTRONIC INFORMATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS	133
<i>Pastukhov P. S.</i>	
FORENSIC INVESTIGATION AS ANOTHER PROCEDURAL ACTION IN THE SYSTEM OF MEANS OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS	145
RULES OF SUBMISSION AND PUBLICATION SCIENTIFIC ARTICLES IN EX JURE	163

Уважаемые коллеги!

Вашему вниманию представлен номер журнала *Ex jure*,
посвященный 65-летию кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета ПГНИУ

УДК 343.1

DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-7-16

К 65-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Г. Я. Борисевич

Заведующая кафедрой уголовного
процесса и криминалистики, кандидат
юридических наук, доцент, почетный
работник высшего профессионального
образования Российской Федерации

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: galinaborisevich8@yandex.ru

Аннотация: описаны этапы формирования и развития кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Пермского университета и представлены наиболее значимые результаты ее научно-исследовательской, учебно-методической, общественной и воспитательной деятельности.

Ключевые слова: кафедра уголовного процесса и криминалистики; юридический факультет; Пермский государственный национальный исследовательский университет; научная, учебно-методическая работа; достижения

© Борисевич Г. Я., 2023

TO THE 65TH ANNIVERSARY OF THE DEPARTMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS AT PERM STATE UNIVERSITY

G. Ya. Borisevich

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: galinaborisevich8@yandex.ru

Abstract: the article describes the stages of development of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Faculty of Perm State University are shown and presents the most significant results of research, educational, methodological, social and educational activities.

Keywords: Department of Criminal Procedure and Criminalistics; Law Faculty; Perm State University; scientific, educational and methodological work; achievements

65 лет – весьма солидный возраст для любой кафедры, и в частности кафедры уголовного процесса и криминалистики – самостоятельно го учебно-научного образования в структуре юридического факультета Пермского классического университета. Такая дата побуждает оглянуться назад, подвести наиболее значимые итоги и спланировать будущее.

Творческий коллектив единомышленников в своем составе с момента создания и по настоящее время остается сравнительно небольшим: доктор юридических наук, профессор Павел Сысоевич Пастухов; кандидаты юридических наук, доценты Галина Яковлевна Борисевич, Сергей Данилович Долгинов, Светлана Ивановна Афанасьева, Ольга Владимировна Добровлянина, Ирина Владимировна Килина; кандидат медицинских наук, доцент Ольга Юрьевна Ли; старшие преподаватели-эксперты Дмитрий Николаевич Энглези (по совместительству заведующий лабораторией судебных экспертиз), Олег Иванович Бульбенко (по совместительству инженер кафедры); ассистент Исмаил Тавакгюлович Гасанов. Преподаватели-эксперты Алексей Александрович Курбатов и Юрий Владимирович Долгушев работают по договорам гражданско-правового характера. Объединенный общими целями и задачами коллектив имеет свою историю развития¹.

¹ См.: Борисевич Г. Я. Сплав молодости и опыта // Клуб юристов. 2002. № 9. С. 2; Выпускники факультета: Чего пожелать тебе, кафедра? // Клуб юристов. 2006. № 10. С. 3; Борисевич Г. Я. Памяти Учителя (В. А. Похмелкин) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. Вып. 3.

Ранний состав кафедры

*Сидят: Е. М. Широкова, В. И. Симонов, В. А. Похмелкин, Л. В. Ильина, И. Я. Моисеенко
Стоят: Е. Г. Мальцев, Е. Н. Сергейчикова, Г. М. Бильтык, Г. И. Налимов,
В. Е. Гордеев, В. И. Жирютин*

В 1958 году на юридическом факультете была образована кафедра уголовного права, процесса и криминалистики (до 1948 года она объединялась с кафедрой гражданского права). Первыми заведующими кафедрой были кандидаты юридических наук, доценты Михаил Иванович Фёдоров, Валерий Андреевич Похмелкин и Владимир Иванович Симонов – блестящие выпускники аспирантуры вузов Москвы и Екатеринбурга, профессионалы высокого класса и очень талантливые педагоги.

C. 5–12; *Она же. Слово о кафедре уголовного процесса и криминалистики // Выпускники юридического факультета об университете, коллегах, профессии: сб. статей: 100-летию ПГНИУ посвящается / под общ. ред. Г. Я. Борисевич; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016. С. 44–50; Моисеенко И. Я. Криминалистика в моей жизни // Там же. С. 116–123; Пастухов П. С., Борисевич Г. Я. Кафедра уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета в эпоху перемен // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 3. С. 49–61; Любовь к профессии сквозь года. Юбилей заведующей кафедрой уголовного процесса и криминалистики ПГНИУ Галины Яковлевны Борисевич // Адвокат Прикамья – Совет молодых адвокатов. 2021. № 1. С. 17.*

В 1977 году приказом ректора университета из общей кафедры была выделена (на общественных началах) кафедра уголовного процесса и криминалистики, которой до 1983 года продолжил заведовать доцент В. А. Похмелкин. С 1983 по 1988 год кафедру возглавлял кандидат юридических наук, доцент Василий Иванович Жирютин – выпускник юридического факультета Пермского госуниверситета, в прошлом эксперт криминалистической службы УВД Пермской области. С 1988 года по настоящее время кафедрой руководит кандидат юридических наук, доцент Галина Яковлевна Борисевич². В 1990 году приказом ректора Пермского университета кафедра приобрела официальный статус самостоятельного структурного подразделения факультета.

Практически со дня образования кафедры, в течение нескольких десятилетий, в ее составе трудились ветераны – кандидаты юридических наук, доценты В. А. Похмелкин, Е. Г. Мальцев, И. Я. Моисеенко, В. Е. Гордеев, Л. В. Ильина, В. И. Жирютин. Изначально именно они представляли собой крепкий «фундамент» кафедры – коллектив настоящих советских людей, хорошо образованных, интеллигентных, доброжелательных, подлинных профессионалов, сумевших передать студентам и молодым коллегам-преподавателям знания, опыт жизни. Благодаря им на кафедре сложились замечательные традиции в осуществлении учебной, научной, методической, общественной, воспитательной деятельности, в формировании взаимодействия с судами, правоохранительными органами города Перми и Пермского края.

Впоследствии коллектив кафедры обновился. В 2000-е годы ушли из жизни доценты В. А. Похмелкин, Е. Г. Мальцев и В. Е. Гордеев, участник Великой Отечественной войны. Эти годы стали временем перемен. Кафедра приняла в свой состав уже сложившихся специалистов с опытом работы в право-

---

² Борисевич Г. Я. после окончания в 1969 году Пермского государственного университета трудилась следователем в органах внутренних дел. С 1972 года работает в университете – сначала в должности ассистента, потом старшего преподавателя, доцента. В 1986 году в Ленинградском государственном университете защитила кандидатскую диссертацию по теме «Обеспечение прав и законных интересов осужденного в стадии исполнения приговоров, определений, постановлений судов». Имеет 130 научных работ. Занимается исследованием проблем исполнения судебных актов в уголовном судопроизводстве; проблем межотраслевых институтов: ювенальной юстиции, преюдиции, апелляционного, кассационного и надзорного производства. В 2002–2007 и 2017–2021 годах принимала участие в работе квалификационной коллегии судей Пермского краевого суда; в 2017–2020 – в работе квалификационной комиссии Адвокатской палаты Пермского края. Избиралась в Общественный совет при ГУВД Пермского края, в редакционный совет журнала Управления Судебного департамента в Пермской области «Судебная власть». В 2004 году была награждена грамотой Министерства образования РФ; в 2006 году – знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», в 2021 – медалью «За безупречный труд и отличие» III степени.

охранительных органах и преподавательской деятельности – кандидатов юридических наук, доцентов Сергея Даниловича Долгинова и Павла Сысоевича Пастухова, окончивших в свое время юридический факультет Пермского госуниверситета. Несколько годами позже на кафедру пришла кандидат медицинских наук Ольга Юрьевна Ли. Коллектив кафедры с большой благодарностью помнит Петра Петровича Теплякова, Галину Сергеевну Горшкову, Веронику Михайловну Думушкину, Николая Леонидовича Мальцева, Рамиля Дамировича Кабирова, Владислава Юрьевича Эккерта – преподавателей, по разным причинам работавших непродолжительное время.

В тот период на кафедре остались верные своим убеждениям, истинно любящие профессию, яркие, хорошо подготовленные молодые преподаватели, успешно работавшие над темами своих докторских исследований. Так, в 2003 году кандидатскую диссертацию защитила С. И. Афанасьева³, а в 2010 – О. В. Добровлянина⁴. В 2015 году состоялась защита докторской диссертации П. С. Пастуховым⁵. В 2019 году защитила кандидатскую диссертацию И. В. Килина⁶. Но и после защиты докторских диссертаций молодые ученые не сбавили темпов в своей научной деятельности: за последнее десятилетие О. В. Добровляниной⁷, П. С. Пастуховым⁸, И. В. Килиной⁹ опубликован ряд монографий, в том числе в соавторстве.

---

³ Афанасьева С. И. Конституционно-правовые гарантии принципа независимости судей в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

⁴ Добровлянина О. В. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

⁵ Пастухов П. С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.

⁶ Килина И. В. Поворот к худшему при пересмотре приговоров и иных итоговых решений суда в апелляционном порядке: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2019.

⁷ Добровлянина О. В., Прошляков А. Д. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: моногр. М.: Юрлитинформ, 2011; Право цифровой среды: моногр. / [Д. В. Абдрахманов, Н. Ападхай, И. З. Аюшеева и др.]; под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: Проспект, 2022.

⁸ Пастухов П. С. Теоретическая модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: моногр. М.: Моск. акад. экономики и права, 2014; Он же. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: моногр. / под ред. О. А. Зайцева. М.: Юрлитинформ, 2015; Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарий к ней / А. Я. Александров, Н. Н. Ковтун, С. А. Грачев [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2015; Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: моногр. / [В. С. Балакшин, В. Б. Вехов, В. Н. Григорьев и др.]; под ред. С. В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2018; Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран: моногр. / [Д. В. Бахтеев, В. А. Задорожная, А. И. Зазулин и др.]; под ред. С. В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2020; Электронное правосудие: моногр. / [Е. В. Бурдина, К. Л. Брановицкий,

Наряду с индивидуальными научными исследованиями коллектив кафедры занимается общими для всех преподавателей темами, среди которых проблемы теории и практики расследования разного типа преступлений: связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ¹⁰; экономических¹¹; совершённых с использованием информационных и телекоммуникационных технологий¹²; совершённых в отношении несовершеннолетних¹³. Кроме того, организуются научно-практические конференции, издаются сборники научных статей, посвященные проблемам использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве¹⁴ и производства следственных действий¹⁵. В этой коллективной работе принимают участие ученые других вузов, судьи, прокуроры, следо-

---

А. Н. Долженко и др.]; под ред. Е. В. Бурдиной, С. В. Зуева. М.: РГУП, 2021; Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции: моногр. / [А. С. Александров, К. А. Абдуллаев, О. С. Амосова и др.]; отв. ред. С. Ю. Морозов, О. А. Зайцев. М.: Проспект, 2022; Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения): моногр. / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель; Инт-законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Юрид. фирма «Контракт», 2021; Право цифровой среды...; Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: моногр. / [Д. В. Бахтеев, Е. А. Буглаева, А. И. Зазулин и др.]; под ред. С. В. Зуева, Д. В. Бахтеева. М.: Юрлитинформ, 2022; Высокотехнологичный уголовный процесс: моногр. / [Д. В. Бахтеев, А. И. Зазулин, С. В. Зуев и др.]; под ред. С. В. Зуева, Л. Н. Масленниковой. М.: Юрлитинформ, 2023.

⁹ Килина И. В. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции. М.: Юрлитинформ, 2020.

¹⁰ Актуальные проблемы теории и практики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ: материалы науч.-практ. конф. (Пермь, 25 ноября 2011 г.) / под общ. ред. Г. Я. Борисевич, С. Д. Долгинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012.

¹¹ Проблемы выявления и расследования преступлений в сфере экономической деятельности: материалы науч.-практ. конф. (Пермь, 25 октября 2014 г.) / под общ. ред. Г. Я. Борисевич, П. С. Пастухова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015.

¹² Проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершённых с использованием информационных и телекоммуникационных технологий: материалы науч.-практ. конф. (Пермь, 25 октября 2013 г.) / под общ. ред. Г. Я. Борисевич, П. С. Пастухова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014.

¹³ Криминалистические, криминологические и правовые проблемы борьбы с криминальным насилием в отношении несовершеннолетних: материалы науч.-практ. конф. (Пермь, 17 октября 2015 г.) / под общ. ред. Г. Я. Борисевич, С. Д. Долгинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016.

¹⁴ Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве / под общ. ред. Г. Я. Борисевич, П. С. Пастухова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013; Актуальные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: материалы науч.-практ. конф. (Пермь, 21 октября 2017 г.) / под общ. ред. Г. Я. Борисевич, П. С. Пастухова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2018.

¹⁵ Следственные действия: проблемы законодательного регулирования и правоприменения: материалы науч.-практ. конф. (Пермь, 19 ноября 2016 г.) / под общ. ред. Г. Я. Борисевич, С. Д. Долгинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017.

ватели, адвокаты, эксперты органов и учреждений города Перми и Пермского края, студенты. Со временем общей для преподавателей кафедры становится актуальная тема цифровизации уголовно-процессуальной деятельности, над которой уже несколько лет, и весьма успешно, работает талантливый, целеустремленный, фантастически работоспособный доктор юридических наук, профессор Павел Сысоевич Пастухов. Он является членом объединенного диссертационного совета 99.2.090.02, созданного на базе ПГНИУ и Ульяновского госуниверситета (по научным специальностям «5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки», «5.1.4. Уголовно-правовые науки»). В 2022 году П. С. Пастухов был назначен руководителем филиала Союза криминалистов и криминологов РФ в Пермском крае. Это событие предполагает объединение ученых разных вузов региона и, в целях реализации идей Союза криминалистов и криминологов РФ, расширение пределов научной деятельности.

Кафедра ежегодно в рамках Межрегионального российского форума классической юридической университетской науки «Пермский конгресс ученых-юристов» проводит научно-практические конференции с широким привлечением ученых других вузов и практических работников.

Преподаватели кафедры прививают студентам интерес к научно-исследовательской деятельности. Бакалавры и магистры участвуют в работе секций по уголовному процессу, криминалистике в рамках ежегодно организуемых конференций молодых ученых «Норма. Закон. Законодательство. Право». Под научным руководством Г. Я. Борисевич и С. И. Афанасьевой с 2013 по 2018 год 130 студентов, предварительно (до начала конференции) опубликовавших статьи, приняли участие в тематических круглых столах, посвященных проходящей в стране реформе контрольно-роверочных стадий в уголовном, гражданском, административном, арбитражном судопроизводстве.

Нельзя не упомянуть и о работе на кафедре научно-практического семинара по проблемам уголовного процесса и криминалистики, который под руководством Г. Я. Борисевич проводится уже не одно десятилетие. В рамках семинара преподаватели и студенты тесно сотрудничают с практическими работниками органов внутренних дел, подразделений Следственного комитета РФ по Пермскому краю, прокуратуры, суда. Это разного формата встречи с руководителями и сотрудниками ведомств, органов, учреждений; круглые столы, диспуты, деловые игры, мастер-классы

и т.д. Многогранная деятельность семинара находит всестороннее отражение в номерах выпускаемой на факультете студенческой газеты «Легальное чтivo».

Как и большинство кафедр, коллектив преподавателей осуществляет учебно-методическую работу. Будущим юристам читаются базовые курсы по дисциплинам «Правоохранительные органы», «Уголовный процесс», «Криминалистика», а также спецкурсы. Студенты и выпускники факультета нескольких поколений справедливо отмечают, что большинство преподавателей кафедры уголовного процесса и криминалистики с особым интересом относятся к учебной работе, доходчиво излагают лекционный материал, владеют ораторским мастерством.

В 2012 году на кафедре уголовного процесса и криминалистики была создана специальность «Судебная экспертиза». Руководителем новой специальности был назначен доцент П. С. Пастухов. Надо отметить, что поставленные задачи кадрового, методического, материально-технического обеспечения новой специальности, хотя и не без определенных трудностей, были выполнены¹⁶. В текущем году состоялся седьмой выпуск специалистов в области судебной экспертизы.

С 2016 года кафедра осуществляет подготовку магистров профиля «Юрист в сфере уголовного судопроизводства» по очной и заочной формам обучения.

На кафедре обучаются три аспиранта: ассистент И. Т. Гасанов, член Адвокатской палаты Пермского края, мировой судья Д. С. Быков и судья Пермского краевого суда К. В. Малыгин.

Вот уже несколько десятилетий на кафедре под руководством Г. Я. Борисевич работает методический семинар, одинаково востребованный и молодыми, и опытными преподавателями. Результатом последних десяти лет его деятельности стала публикация более десятка учебных пособий, авторами которых являются профессор П. С. Пастухов, доценты Г. Я. Борисевич, С. Д. Долгинов, О. В. Добровлянина, И. В. Килина, старшие преподаватели-эксперты Д. Н. Энглези и О. И. Бульбенко.

Кафедра является выпускающей. Более половины практических работников в судах города Перми и Пермского края, а также в правоохрани-

¹⁶ Подробнее о становлении этой специальности см.: Борисевич Г. Я., Пастухов П. С. История возникновения и развития специальности «Судебная экспертиза» на юридическом факультете ПГНИУ // Актуальные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве... С. 6–19.

тельных органах – это выпускники юридического факультета ПГНИУ, кафедры уголовного процесса и криминалистики. Среди вышедших из стен Пермского университета широко известны В. Г. Степанков – первый Генеральный прокурор Российской Федерации, судьи Верховного Суда РФ Б. А. Головин, А. В. Старков и Е. В. Рудаков. Большинство наших выпускников – профессионалы высокого класса, надежные, ответственные, проверенные жизнью люди. В 2016 году, к 100-летию университета и факультета, был опубликован сборник статей известных выпускников, представителей разных поколений, которые работали либо продолжают работать в сфере уголовного судопроизводства в качестве судей, прокуроров, следователей, адвокатов, экспертов, и каждая из статей проникнута любовью к профессии, людям, искренностью, добротой, глубокой благодарностью университету, факультету, преподавателям¹⁷.

Еще один аспект учебной и научной деятельности кафедры – установление деловых и дружеских отношений с вузами города-побратима Луисвилла (штат Кентукки, США) посредством проведения телемостов, занятий и конференций, производственной практики, а также совместного написания статей. В 2016 году, во время празднования 100-летия ПГНИУ, кафедра уголовного процесса и криминалистики взяла на себя обязанности одного из организаторов подготовки и проведения на факультете Международного симпозиума «Безопасность личности, государства и общества» с участием четырех профессоров Луисвиллского университета. В рамках сотрудничества преподаватели кафедры публиковали статьи и тезисы в зарубежных изданиях.

Много внимания на кафедре уделяется общественной работе. Длительное время Г. Я. Борисевич является членом научно-консультативных советов при Пермском краевом суде и прокуратуре Пермского края, П. С. Пастухов участвует в работе квалификационной коллегии судей Пермского края, С. И. Афанасьева – в деятельности экзаменационной комиссии Пермского краевого суда. Результаты этой работы не остаются незамеченными юридическим сообществом Пермского края. Так, Г. Я. Борисевич в 2007 году была признана лауреатом Премии Клуба юристов в номинации «Право и образование». В 2016 году премии в той же номинации удостоился профессор П. С. Пастухов. В 2021 году талантливая И. В. Килина, молодой доцент, член Адвокатской палаты Пермского края, стала лауреатом премии в номинации «Дебют».

---

¹⁷ Выпускники юридического факультета об университете, коллегах, профессии...

Нет никаких сомнений в прочном научном, учебно-методическом, кадровом, материально-техническом будущем кафедры уголовного процесса и криминалистики. Преподаватели обладают большим потенциалом, способны обеспечить развитие кафедры по всем направлениям, успешно продолжить качественную подготовку специалистов для судов, правоохранительных органов Пермского края и других регионов Российской Федерации.

Нынешний состав кафедры

Сидят: П. С. Пастухов, Я. Э. Першина, Г. Я. Борисевич, И. В. Килина,
С. И. Афанасьевая, М. Н. Филиппов

Стоят: О. Ю. Ли, И. Т. Гасанов, Д. Н. Энглези, Ю. В. Долгушев,
А. А. Курбатов, С. Д. Долгинов, О. В. Добровлянина

Информация для цитирования

Борисевич Г. Я. К 65-летию кафедры уголовного права и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета // Ex jure. 2023. № 4. С. 7–16. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-7-16.

Borisevich G. Ya. To the 65th Anniversary of the Department of Criminal Proceedings and Criminalistics at Perm State University. Ex jure. 2023. № 4. Pp. 7–16. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-7-16.

О НЕОБХОДИМОСТИ ГАРМОНИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ И ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ СУДОПРОИЗВОДСТВА

С. И. Афанасьева

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного
процесса и криминалистики

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: svetlana.afan@gmail.com

Аннотация: рассматриваются особенности применения видеотехнологий – видео-конференц-связи и веб-конференции – в различных формах российского судопроизводства; обосновывается необходимость унификации терминологии в процессуальном законодательстве России; анализируется правовое регулирование удаленного производства судебных действий в судах различных инстанций по УПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ и АПК РФ; предлагается сделать открытым перечень лиц по уголовным делам, участвующих в судебном заседании в удаленном формате; отмечена актуальность внедрения веб-конференц-связи в практику судов при рассмотрении уголовных дел; обращается внимание на необходимость законодательного закрепления процедурных механизмов взаимодействия судов общей юрисдикции и арбитражных судов для организации дистанционного взаимодействия; делается вывод о необходимости гармонизации отечественного процессуального законодательства в части использования дистанционных технологий.

Ключевые слова: судопроизводство; видеотехнологии; судебные действия; участники; гармонизация

ON THE NEED TO HARMONIZE LEGAL REGULATION OF THE USE OF VIDEO CONFERENCING AND WEB CONFERENCING IN VARIOUS FORMS OF LEGAL PROCEEDINGS

S. I. Afanaseva

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: svetlana.afan@gmail.com

Abstract: the features of the use of video technologies – video conferencing and web conferences – in various forms of Russian legal proceedings are considered; the need for a unified use of the terminology “video conferencing” and “web conferencing” in the procedural legislation of Russia is substantiated; the legal regulation of remote judicial proceedings in courts of various instances under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is analyzed, the CPC of the Russian Federation, the CAS of the Russian Federation and the APC of the Russian Federation; it is proposed to make an open list of persons in criminal cases participating in a court session in a remote format; the urgency of introducing web conferencing into the practice of courts when considering criminal cases is noted; attention is drawn to the need for legislative consolidation of procedural mechanisms of interaction between courts of general jurisdiction and arbitration courts for the organization of remote interaction; the conclusion is made about the need to harmonize domestic procedural legislation in terms of the use of remote technologies.

Keywords: legal proceedings; video technologies; participants; judicial actions; harmonization

Проводимая модернизация современного российского судоустройства и судопроизводства актуализирует использование информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов судебной власти. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 года № 1406 (далее – Программа № 1406), предусматривает технологизацию российских судов, способную сформировать общую информационно-

коммуникационную платформу для судов всех уровней российской судебной системы, Судебного департамента при Верховном Суде РФ и органов судейского сообщества с целью повышения эффективности их деятельности. В документе, в частности, предлагается полноформатное внедрение в работу судов, судебных органов и органов судейского сообщества систем видеоконференц-связи и видеопротоколирования хода судебных заседаний (предусмотрено оснащение 2528 зданий федеральных судов общей юрисдикции системами видеопротоколирования и 95 % федеральных судов общей юрисдикции комплектами видео-конференц-связи).

Видеотехнологии в отечественном судопроизводстве призваны стать современным и действенным средством применения информационно-коммуникационных средств при отправлении правосудия. Анализ действующего законодательства России позволяет говорить об использовании в судебном разбирательстве двух видеотехнологий: видео-конференц-связи (ВКС) и веб-конференц-связи, или веб-конференции (веб-ВКС). Как свидетельствует судебная статистика, на практике довольно широко применяются системы ВКС. Так, за 2021 год общее число рассмотренных российскими судами общей юрисдикции уголовных дел (материалов) по первой инстанции с использованием систем ВКС составило 105 655 (129 546 судебных заседаний (количество дней¹)). Из них по 78 421 уголовному делу (материалу) проводилось видеопротоколирование. Состоялось 136 219 судебных заседаний, во время которых велась видеозапись. Конкретно в уголовном судопроизводстве за указанный период: 1) рассмотрено уголовных дел с использованием ВКС – 12 937, проведено судебных заседаний с использованием ВКС – 18 604, число дел с применением систем видеопротоколирования составило 35 090, число судебных заседаний с ведением видеозаписи – 88 592; 2) рассмотрено ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей – 4537, проведено судебных заседаний с применением ВКС – 4661, число материалов, по которым использовалось видеопротоколирование, составило 23 973, число судебных заседаний с ведением видеозаписи – 24 715; 3) рассмотрено иных материалов судебного контроля – 6511, проведено судебных заседаний с применением ВКС – 7772, число материалов, по которым использовалось видеопротоколирование, составило 4543, число су-

---

¹ В дальнейшем при указании числа проведенных судебных заседаний имеется в виду количество дней.

дебных заседаний с ведением видеозаписи – 5063; 4) рассмотрено материалов в порядке исполнения приговора – 81 670, проведено судебных заседаний с применением ВКС – 98 509, число материалов, по которым использовалось видеопротоколирование, составило 14 815, число судебных заседаний с ведением видеозаписи – 17 849; 5) исполнено судебных поручений об организации ВКС – 14 100, проведено судебных заседаний с применением ВКС – 12 118, число дел (материалов), по которым использовалось видеопротоколирование, составило 16, число судебных заседаний с ведением видеозаписи – 15².

За указанный период общее число рассмотренных гражданских дел по первой инстанции с использованием систем ВКС составило 26 735, по ним состоялось 35 611 судебных заседаний. По 157 434 гражданским делам проводилось видеопротоколирование, на 274 773 судебных заседаниях велась видеозапись. Административных дел по первой инстанции с использованием систем ВКС за указанный период рассмотрено 26 855, по ним состоялось 33 788 судебных заседаний. По 21 287 административным делам проводилось видеопротоколирование, на 32 050 судебных заседаниях велась видеозапись³.

В 2022 году общее число рассмотренных российскими судами общей юрисдикции уголовных дел (материалов) по первой инстанции с использованием систем ВКС составило 102 447, по ним состоялось 127 654 судебных заседания. По 70 186 уголовным делам (материалам) проводилось видеопротоколирование, на 134 455 судебных заседаниях велась видеозапись. Конкретно в уголовном судопроизводстве за указанный период: 1) рассмотрено уголовных дел с использованием ВКС – 10 353, проведено судебных заседаний с использованием ВКС – 17 237, число дел с применением систем видеопротоколирования составило 38 510, число судебных заседаний с ведением видеозаписи – 99 916; 2) рассмотрено ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей – 2472, проведено судебных заседаний с использованием ВКС – 2502, число материалов с применением систем видеопротоколирования составило 22 164, число судебных заседаний с ведением видеозаписи – 22 676; 3) рассмотрено иных материалов судебного контроля – 6993, проведено

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=6120>.

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=6120>.

судебных заседаний с использованием ВКС – 8215, число материалов с применением систем видеопротоколирования составило 2011, число судебных заседаний с ведением видеозаписи – 2283; 4) рассмотрено материалов в порядке исполнения приговора – 82 629, проведено судебных заседаний с использованием ВКС – 99 700, число материалов с применением систем видеопротоколирования составило 7501, число судебных заседаний с ведением видеозаписи – 9580; 5) исполнено судебных поручений об организации ВКС – 21 265, проведено судебных заседаний с использованием ВКС – 20 422, число дел (материалов) с применением систем видеопротоколирования составило 15, число судебных заседаний с ведением видеозаписи – 15⁴.

За указанный период общее число рассмотренных гражданских дел по первой инстанции с использованием систем ВКС составило 25 720, по ним состоялось 37 621 судебное заседание. По 169 238 гражданским делам проводилось видеопротоколирование, на 285 130 судебных заседаниях велась видеозапись. Рассмотрено административных дел по первой инстанции с использованием систем ВКС 31 608, по ним состоялось 43 040 судебных заседаний. По 24 134 административным делам проводилось видеопротоколирование, на 34 554 судебных заседаниях велась видеозапись⁵.

Анализируя правовое регулирование применения видеотехнологий в деятельности судов, сразу можно обратить внимание на некоторые проблемные аспекты данного категориального аппарата. Во-первых, нами уже отмечалось, что сам термин «видео-конференц-связь» во многих актах употребляется в разном написании⁶. Например, в статьях 108, 189.1, 240, 241.1, 253, 258, 278.1, 474.1, части 3 статьи 473.4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (далее – УПК РФ), в Программе № 1406, приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 года № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний» (далее – Приказ № 401) употребляется написание «видео-конференц-связь». В других статьях УПК РФ, а также в Гражданском процес-

---

⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. URL: <http://cdep.ru>.

⁵ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. URL: <http://cdep.ru>.

⁶ Афанасьева С. И., Добровлянина О. В. Правовое регулирование производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи по действующему УПК РФ // Ex jure. 2022. № 4. С. 105–106.

суальном кодексе Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (далее – ГПК РФ), Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ (далее – КАС РФ), Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ (далее – АПК РФ) используется другое написание данного термина – «видеоконференц-связь» (ст. 35, 240, 241, 278.1, 293, 389.12, 389.13, 401.13 УПК РФ; ст. 10, 55, 152, 155.1, 159, 169, 177, 187, 188, 229, 230, 327, 379.5, 390.12, 391.10, 395 ГПК РФ; ст. 11, 59, 70, 119, 135, 138, 142, 146, 148, 152, 160, 205, 206 КАС РФ; ст. 11, 64, 136, 153.1, 154, 158, 159, 291.12, 308.9 АПК РФ). Думается, что законодателю следует унифицировать написание данного термина в российских процессуальных кодексах для усовершенствования правового понятийного аппарата и во избежание разнотечений.

Во-вторых, в процессуальных кодексах нет легитимного закрепления понятий «видео-конференц-связь» и «веб-конференц-связь» («веб-конференция»). Определение «видео-конференц-связь» дано в пункте 1.5 Приказа № 401: это «способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами». Понятие «веб-конференция» встречается в различных право-применительных актах. Под веб-конференцией принято понимать технологию и инструментарий для организации онлайн-встреч и совместной работы в режиме реального времени через Интернет⁷.

Сравнивая применение видеотехнологий в отечественном уголовном, гражданском, административном и арбитражном процессе, можно констатировать, что уголовное судопроизводство от них отстает, хотя определенные позитивные шаги законодателя по гармонизации процессуальных кодексов в части применения средств ВКС сделаны. Так, до принятия Федерального закона от 29 декабря 2022 года № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – Закон № 610-ФЗ) круг лиц, участвовавших посредством ВКС в уголовном судопроизводстве, был ограничен по сравнению с другими формами судопроизводства. В частности, с использованием ВКС в суде при рассмотрении уголовных дел могли участвовать: обвиняемый, подсудимый, осужденный; лицо, содержащееся под стражей; потерпевший, его законный представи-

---

⁷ Информация Верховного Суда РФ от 20 апреля 2020 г. «Верховный Суд России внедряет новый вид судебного производства». URL: <http://base.garant.ru/73920796/>.

тель, представитель и свидетель (ст. 35, 240, 241, 278.1, 293, 389.12, 399, 401.13 УПК РФ).

Если обратиться к ГПК РФ, КАС РФ и АПК РФ, то можно убедиться, что круг лиц, имеющих право участвовать в соответствующих судебных заседаниях посредством ВКС, гораздо шире. Например, в гражданском процессе при помощи систем ВКС к судебному заседанию могут подключаться лица, участвующие в деле (стороны – истец, ответчик; третьи лица, заявляющие или не заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора; прокурор; лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и конституционных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным статьями 4, 46, 47 ГПК РФ), их представители, свидетели, эксперты, специалисты, переводчики, лица, находящиеся в местах содержания под стражей или в местах отбывания лишения свободы (ст. 155.1 ГПК РФ). Для организации судебного заседания по гражданскому делу с применением ВКС необходимо, чтобы были соблюдены два условия: 1) наличие в судах технической возможности осуществления видео-конференц-связи; 2) заявление лицом ходатайства или инициатива суда об этом.

Аналогичные положения закреплены в КАС РФ и АПК РФ. Так, проведение судебного заседания по административному делу посредством ВКС возможно при наличии опять же технической возможности осуществления видео-конференц-связи и соответствующего ходатайства участника или инициативы суда. Но при этом законодатель не конкретизирует перечень лиц, которые могут подключаться к судебному заседанию при помощи ВКС, лишь отмечая, что допустимо, когда для правильного рассмотрения и разрешения административного дела необходимо присутствие в судебном заседании лица, которое по объективным причинам не имеет такой возможности (ст. 142 КАС РФ). Соответственно, и в арбитражном процессе для организации ВКС должны быть соблюдены оба ранее названных условия, но за одним исключением: ходатайство о применении ВКС могут заявить лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса. То есть законодательное установление инициативности суда в данном вопросе отсутствует. Лицами, участвующими в арбитражном судопроизводстве, являются: стороны (истец и ответчик); заявители и заинтересованные лица в определенных случаях (например, по делам особого производства, по делам о несостоятельности (банкротстве)); третьи лица; прокурор, го-

сударственные органы, органы местного самоуправления, иные органы и организации; граждане, обратившиеся в арбитражный суд в определенных законом случаях (ст. 64 АПК РФ). Иными участниками по арбитражному делу при помощи ВКС могут быть представители лиц, участвующих в деле, и лица, содействующие осуществлению правосудия: эксперты, специалисты, свидетели, переводчики (ст. 153.1 АПК РФ). Таким образом, в отличие от административного процесса в арбитражном, а также в гражданском процессе конкретизирован перечень лиц, которые вправе участвовать при помощи ВКС в судебном заседании.

Думается, что законодатель, учитывая положительный опыт организации судебных процессов по гражданским, административным и арбитражным делам посредством ВКС, внес ряд изменений в УПК РФ, расширив круг участников по уголовному делу посредством ВКС. Так, согласно обновленной редакции статьи 108 УПК РФ в отношении задержанного подозреваемого судом может быть принято решение о его участии в судебном заседании путем использования системы видео-конференц-связи в случае, если имеются обстоятельства, исключающие возможность его непосредственного присутствия в зале суда. В соответствии с обновленной редакцией статьи 240 УПК РФ путем использования систем ВКС судом может быть произведен не только допрос, но и иные судебные действия. Следовательно, при помощи средств ВКС могут быть допрошены не только ранее указанные участники по уголовному делу, но и эксперт, давший заключение в ходе предварительного расследования, а также лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве в отношении соучастников преступления.

Согласно статьям 240, 241.1, 276, 278.1, 281, 281.1, 283–285, 287–290 УПК РФ к иным судебным действиям относятся следующие:

– оглашение показаний подсудимого, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также воспроизведение приложенных к протоколу допроса материалов фотографирования, аудио- и/или видеозаписи, киносъемки его показаний;

– оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и/или видеозаписи, киносъемки допросов;

- оглашение показаний лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу в отношении соучастников преступления;
- производство судебной экспертизы;
- осмотр вещественных доказательств, местности и помещения;
- оглашение протоколов следственных действий, заключения эксперта, данного в ходе предварительного расследования, а также документов, приобщенных к уголовному делу или представленных суду;
- следственный эксперимент;
- предъявление для опознания;
- освидетельствование.

Как подчеркивают некоторые авторы, расширение круга следственных и судебных действий, проводимых с применением систем ВКС, является положительной тенденцией развития уголовно-процессуального законодательства, поскольку повышает оперативность и эффективность расследования преступлений и обеспечивает соблюдение прав человека и гражданина в уголовном процессе⁸.

Законом № 610-ФЗ в УПК РФ введена статья 241.1, регламентирующая организацию судебного заседания путем использования систем ВКС. Согласно новой статье подсудимый вправе ходатайствовать об участии в судебном заседании по ВКС при наличии технической возможности. При этом не только подсудимый может инициировать свое участие в судебном заседании по ВКС, но и суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе может принять решение об участии в судебном заседании подсудимого путем использования системы ВКС, если имеются обстоятельства, исключающие возможность его участия в судебном заседании непосредственно. Аналогичное решение об участии иных лиц в судебном заседании путем использования систем ВКС может быть принято судом по ходатайству стороны или по собственной инициативе. Например, в апелляционном определении Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 17 января 2023 г. № АПЛ22-667 указано, что при назначении судебного заседания для рассмотрения уголовного дела

⁸ См. об этом подробнее: Собирание электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы: моногр. / Е. А. Архипова, Е. В. Быкова, П. А. Литвишко и др.; под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. М.: Проспект, 2022.

по существу суд может обсудить вопрос использования видео-конференц-связи, предусмотренного статьями 278.1, 241.1 УПК РФ.

Учитывая современные возможности ВКС как видеотехнологии, перечень участников судебного заседания при рассмотрении уголовных, гражданских, арбитражных дел с использованием ВКС следует сделать открытым по аналогии с рассмотрением административных дел, где организация судебного процесса по ВКС допустима, когда необходимо присутствие в судебном заседании лица, которое по объективным причинам не имеет такой возможности.

Более того, «профессиональные» участники (дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, адвокат, нотариус, представители юридического лица и др.) вполне могут участвовать в судебном заседании не в явочном порядке, а по видео-конференц-связи. В силу своей профессиональной деятельности они владеют современным цифровым инструментарием, навыками работы в дистанционном формате, поэтому без каких-либо трудностей и ограничений могут подключиться к судебному процессу при помощи средств ВКС. Например, в пункте 4.2 приказа Генпрокуратуры России от 7 июля 2017 года № 473 «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном процессе» прямо указано прокурору, инициировавшему иск (заявление) в арбитражном суде другого субъекта РФ, а также при рассмотрении такого дела арбитражными судами апелляционной и кассационной инстанций, находящимися на территории иного субъекта РФ, при наличии в соответствующем арбитражном суде технической возможности своевременно ходатайствовать об участии в судебном заседании путем использования систем ВКС.

Такой унифицированный подход к организации удаленного участия лиц в разных формах судопроизводства будет способствовать гармонизации отечественного процессуального законодательства и единообразию практической организации дистанционных судебных процессов.

Следует обратить внимание на то, что дистанционное участие лиц не противоречит непосредственности судебного разбирательства, а является формой организации судебного заседания наряду с другой формой – участием в явочном порядке. Такая позиция отражена во многих судебных решениях. Например, суды вышестоящей инстанции, проверяя законность решений

по уголовным делам нижестоящих судов в части применения ВКС в судебном разбирательстве, отмечают, что допрос свидетелей и потерпевших с использованием систем ВКС не свидетельствует о нарушении принципа непосредственности уголовного судопроизводства по следующим основаниям. Во-первых, такой порядок допускается в соответствии с частью 4 статьи 240 УПК РФ; во-вторых, участники не возражают против допроса свидетелей и потерпевших посредством ВКС; в-третьих, рассмотрение уголовного дела судом с применением ВКС для допроса свидетелей и потерпевших не ставит под сомнение соблюдение прав сторон на представление доказательств и на участие в их непосредственном исследовании⁹.

При организации процесса с использованием видео-конференц-связи должны быть соблюдены минимальные стандарты качества ВКС – наличие звука и изображения, в противном случае это приведет к нарушению непосредственности уголовного судопроизводства¹⁰. Необходимо подчеркнуть, что положения части 4 статьи 240 УПК РФ коррелируют с требованиями статей 241.1, 278.1 УПК РФ о порядке получения показаний лица с использованием системы ВКС, согласно которым до начала допроса судья либо по его поручению помощник судьи или секретарь судебного заседания по месту нахождения лица, участвующего в судебном заседа-

---

⁹ См., например: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 янв. 2022 г. № 4-УД21-59-А1; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 8 апр. 2021 г. № 56-АПУ21-1-К9; Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 13 окт. 2015 г. № АПЛ15-452; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21 февр. 2023 г. № 77-1048/2023; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2021 г. по делу № 77-1694/202; Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 3 мая 2023 г. № 77-757/2023; Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 сент. 2022 г. № 77-3835/2022; Апелляционное определение Московского городского суда от 5 мая 2022 г. по делу № 10-7651/2022; Апелляционное определение Московского городского суда от 13 июля 2021 г. по делу № 10-11340/2021; Постановление Президиума Оренбургского областного суда от 18 сент. 2017 г. № 44у-138/2017; Апелляционное определение Самарского областного суда от 24 окт. 2018 г. № 22-6090/2018; Апелляционное постановление Октябрьского городского суда Республики Башкортостан от 19 дек. 2016 г. по делу № 10-41/2016; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 28 июля 2017 г. по делу № 22-4609/2017; Апелляционное определение Пермского краевого суда от 7 дек. 2016 г. по делу № 22-6932/2016.

¹⁰ Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: моногр. / Н. А. Голованова, А. А. Гравина, О. А. Зайцев и др.; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ. М.: Контракт, 2019.

нии путем использования ВКС, по поручению председательствующего в судебном заседании суда, рассматривающего уголовное дело, удостоверяет его личность. Подпись о разъяснении ему прав, обязанностей и ответственности, предусмотренных статьей 56 УПК РФ, и представленные документы суд по месту нахождения лица, участвующего в судебном заседании путем использования системы ВКС, направляет председательствующему в судебном заседании суда, рассматривающего уголовное дело. С учетом данных процессуальных требований, например, апелляционным постановлением Челябинского областного суда от 28 мая 2019 г. по делу № 10-2675/2019 был изменен в части приговор Советского районного суда г. Челябинска. Причина изменения состояла в том, что при допросе свидетеля посредством ВКС не принимал участия судья по месту нахождения данного свидетеля, в деле отсутствовала подпись свидетеля о разъяснении ему прав, обязанностей и ответственности, предусмотренных статьей 56 УПК РФ, и, следовательно, доказательство в виде показаний этого свидетеля получено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, не отвечает требованиям допустимости и подлежит исключению из процесса доказывания.

В новой статье 241.1 УПК РФ для проведения судебного заседания по ВКС предусмотрена весьма ограниченная система органов, которые смогут обеспечить удаленное участие соответствующего лица: суд, администрация места содержания под стражей, администрация учреждения или органа, исполняющего наказание, по месту нахождения лица, участвующего в судебном заседании. Судебная статистика свидетельствует, что в большинстве случаев дистанционные процессы организуются между судами и органами Федеральной службы исполнения наказаний России (следственные изоляторы, тюрьмы, исправительные и воспитательные колонии, колонии-поселения, лечебно-исправительные учреждения, лечебно-профилактические учреждения). Порядок взаимодействия между судами и учреждениями ФСИН при организации судебных заседаний в режиме ВКС в рамках уголовного судопроизводства определен соглашением о взаимодействии в области использования видео-конференц-связи между Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ и Федеральной службой исполнения наказаний, а также может определяться в субъекте РФ, расположенном в пределах территории судебного округа, соответствующим соглашением председателя кассационного суда, председателя

апелляционного суда, председателя областного и равного ему суда, начальника управления Судебного департамента в субъекте РФ и начальника территориального органа ФСИН России. При необходимости проведения судебного заседания в режиме ВКС одновременно с несколькими учреждениями ФСИН или судами организуется многоточечная видеоконференция (п. 3.6, 3.8 Регламента, утвержденного Приказом № 401).

Но технический потенциал систем ВКС позволяет включить в дистанционный формат другие органы. Например, по гражданским делам лица могут участвовать в судебном заседании, находясь не только в суде общей юрисдикции, при содействии которого соответствующие участники дистанционно подключаются к судебному заседанию, но и в суде арбитражном (ст. 155.1 ГПК РФ). Аналогичное положение закреплено в статье 153.1 АПК РФ: лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования систем ВКС, находясь в арбитражных судах (в том числе арбитражных судах другого уровня) или судах общей юрисдикции, которые организуют дистанционное подключение к судебному заседанию в арбитражном суде, рассматривающем соответствующее дело. Столь тесное взаимодействие судов общей юрисдикции и арбитражных судов, основанное в первую очередь на законодательном закреплении процедурных механизмов взаимодействия, способствует организационной оперативности и процессуальной экономии при рассмотрении гражданских и арбитражных дел. Такое правовое регулирование следует распространить на административное и уголовное судопроизводство.

Необходимо обратить внимание и на установленные законом запреты применения ВКС в судебном производстве. Так, гражданское процессуальное законодательство предусматривает прямой запрет (ч. 6 ст. 10 ГПК РФ) на использование систем видео-конференц-связи в закрытом судебном заседании. Аналогичный запрет предусмотрен в АПК РФ (ч. 6 ст. 11). По УПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ и АПК РФ не допускается использование систем ВКС в судебном заседании, где исследуются доказательства, содержащие сведения, составляющие государственную тайну. Не разрешается участие в судебном заседании подсудимого путем использования системы ВКС при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей (ч. 4 ст. 241.1 УПК РФ). Однако в арбитражном судопроизводстве, когда при рассмотрении дела ис-

пользуются системы видео-конференц-связи и осуществляется переход к рассмотрению дела в закрытом судебном заседании в связи с сохранением коммерческой или иной охраняемой законом тайны, суд вправе продолжить использование систем ВКС, если при этом обеспечивается сохранность соответствующих сведений и отсутствуют возражения относительно использования данных систем со стороны участвующих в деле лиц.

В отличие от УПК РФ другие процессуальные кодексы предусматривают более широкое использование дистанционных технологий – не только систем ВКС, но и веб-конференции. Например, посредством веб-ВКС в гражданском процессе могут быть получены объяснения сторон (истца и ответчика), третьих лиц (заявляющих или не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора), показания свидетелей (ст. 55, 155.2, 177 ГПК РФ), показания эксперта, консультации и пояснения специалиста (ст. 187, 188 ГПК РФ). Аналогичная ситуация в административном и арбитражном судопроизводстве: объяснения лиц, участвующих в деле, показания свидетелей, эксперта, консультации специалиста также могут быть получены с использованием систем веб-ВКС (ст. 142, 142.1, 148, 160, 161, 168, 169 КАС РФ; ст. 64, 153.1, 153.2 АПК РФ). При этом в гражданском и административном судопроизводствах, в отличие от арбитражного процесса, использование систем веб-ВКС возможно не только по ходатайству участников или их представителей, но и по инициативе суда.

Актуализация внедрения видеотехнологий в различные формы российского судопроизводства обусловлена разного рода факторами. Так, в период пандемии возникла потребность введения мер, противодействующих распространению коронавирусной инфекции COVID-19 и подобных заболеваний. Поэтому, например, Верховный Суд РФ в своей деятельности стал активно использовать веб-ВКС для организации заседаний Пленума ВС РФ и судебных коллегий. В отечественных арбитражных судах давно и активно практикуется проведение судебных заседаний посредством веб-ВКС.

Организация участия лица по веб-ВКС возможна при соблюдении двух условий: заявления участником процесса ходатайства и наличия в суде технической возможности осуществления веб-конференции. Установление личности гражданина, его представителя или представителя юридического лица, участвующих в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, осуществляется с использованием Единой системы иденти-

ификации и аутентификации (ЕСИА) – информационной системы персональных данных, которая обеспечивает обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным гражданина Российской Федерации. ЕСИА позволяет проверить персональные данные лица, желающего подключиться к судебному заседанию посредством веб-конференции. В случае подтверждения соответствующих учетных записей его дистанционное участие в судебном процессе становится возможным.

Нельзя не согласиться с тем, что веб-конференция способна полностью заменить собой видео-конференц-связь, поскольку является наиболее удобным и доступным способом организации взаимодействия суда и участника судопроизводства, находящегося в отдалении¹¹.

Таким образом, всестороннее внедрение ВКС и веб-ВКС в уголовное, гражданское, административное и арбитражное судопроизводство требует гармонизации правового регулирования применения данных видеотехнологий в процессуальном отечественном законодательстве. Для достижения этой цели необходимо:

- 1) унифицировать написание термина «видео-конференц-связь» и легитимизировать понятие «веб-конференц-связь»;
- 2) учитывая современные возможности видеотехнологий ВКС и веб-ВКС, сделать открытым перечень судебных действий и участников судебного заседания при рассмотрении различных категорий дел;
- 3) в законодательном порядке закрепить возможность дистанционного участия лица по уголовному, гражданскому, арбитражному или административному делу, которое может подключиться к судебному заседанию, находясь как в суде общей юрисдикции, так и в арбитражном суде;
- 4) организовать участие лица по веб-ВКС во всех формах судопроизводства в случае заявления участником процесса соответствующего ходатайства и при наличии в суде технической возможности осуществления веб-конференции.

---

¹¹ См. об этом подробнее: Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: моногр. / Е. К. Антонович, Т. Ю. Вилкова, Л. М. Володина и др.; отв. ред. Л. Н. Масленникова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022.

Библиографический список

Афанасьева С. И., Добровлянина О. В. Правовое регулирование производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи по действующему УПК РФ // *Ex jure*. 2022. № 4. С. 101–117.

Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: моногр. / Е. К. Антонович, Т. Ю. Вилкова, Л. М. Володина и др.; отв. ред. Л. Н. Масленникова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022.

Собирание электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы: моногр. / Е. А. Архипова, Е. В. Быкова, П. А. Литвишко и др.; под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. М.: Проспект, 2022.

Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: моногр. / Н. А. Голованова, А. А. Гравина, О. А. Зайцев и др.; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ. М.: Контракт, 2019.

Информация для цитирования

Афанасьева С. И. О необходимости гармонизации правового регулирования применения видео-конференц-связи и веб-конференции в различных формах судопроизводства // *Ex jure*. 2023. № 4. С. 17–32. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-17-32.

Afanaseva S. I. On the Need to Harmonize Legal Regulation of the Use of Video Conferencing and Web Conferencing in Various Forms of Legal Proceedings. *Ex jure*. 2023. № 4. Pp. 17–32. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-17-32.

О СИСТЕМЕ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ИНСТИТУТОВ,
РЕГУЛИРУЮЩИХ ПЕРЕСМОТР СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ
В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Г. Я. Борисевич

Заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: galinaborisevich8@yandex.ru

Аннотация: в статье обосновывается вывод о том, что межотраслевые институты, регламентирующие апелляционное, кассационное, надзорное производство в гражданском, арбитражном, административном и уголовном судопроизводстве, регулируют сходные, аналогичные правоотношения и имеют одинаковую юридическую природу, несмотря на закрепление их в различных отраслях права. Эти институты являются собой сложное правовое образование – систему положений, имеющую структуру и содержание. Показаны взаимодействие и взаимообусловленность составляющих ее элементов, стабильность существующих между ними связей; проанализированы конкретные ситуации, требующие своевременной унификации (гармонизации) процессуального законодательства РФ в связи с пересмотром судебных решений судами вышестоящих инстанций.

Ключевые слова: пересмотр судебных решений; межотраслевые институты; система правовых положений; содержание, структура; связи между элементами системы; взаимодействие, взаимообусловленность элементов; сходство юридической природы; унификация (гармонизация) процессуального законодательства; защита прав личности; укрепление законности

© Борисевич Г. Я., 2023

ON THE SYSTEM OF INTER-BRANCH INSTITUTIONS REGULATING THE JUDICIAL REVIEW OF COURT DECISIONS IN THE PROCEDURAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

G. Ya. Borisevich

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: galinaborisevich8@yandex.ru

Abstract: the article substantiates the conclusion that the inter-branch institutions regulating the appeal, cassation and supervisory proceedings in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings regulate similar legal relations and have the same legal nature, despite their consolidation in various branches of law. They represent a single complex legal entity – a system of provisions that has content and structure. The interaction, interdependence of the constituent elements, the stability of the links existing between them are shown; specific situations that require timely unification (harmonization) of the procedural legislation of the Russian Federation in relation to the revision of court decisions by higher courts.

Keywords: judicial review; inter-branch institutions; system of legal provisions; content, structure; links between elements of the system; interaction, interdependence of elements; similarity of legal nature; unification (harmonization) of procedural legislation; protection of individual rights; strengthening the rule of law

Деятельность судов первой инстанции по разбирательству гражданских, административных, уголовных дел и экономических споров осуществляется в соответствии с общими для четырех видов судопроизводства правилами, к которым относятся признаки и принципы правосудия. При этом каждый из видов судопроизводства отличается основным вопросом дела, разрешение которого возможно лишь при рассмотрении его по существу в ходе исследования доказательств в соответствии с требованиями доказывания, предусмотренными процессуальными кодексами Российской Федерации: Гражданским процессуальным кодексом¹, Кодексом административного

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ: принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г.: одобрен Советом Федерации 30 окт. 2002 г. (далее – ГПК РФ, ГПК).

судопроизводства², Арбитражным процессуальным кодексом³ и Уголовно-процессуальным кодексом⁴. Иная ситуация наблюдается при пересмотре судебных решений: несмотря на кардинальное различие разбирательства дел в судах первой инстанции во всех видах судопроизводства и при сохранении специфических, обусловленных основным вопросом дела особенностей, рассмотрение этих дел в судах вышестоящих инстанций в апелляционном, кассационном, надзорном порядке носит во многом сходный характер. Механизм исправления ошибок, допущенных нижестоящими судами (пересмотр судебных решений, за исключением возобновления производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств), в четырех видах судопроизводства имеет одинаковую юридическую природу. Это обусловлено объективными факторами: существованием в стране единой судебной системы, самостоятельностью и независимостью каждой из форм судопроизводства при осуществлении судебной власти; необходимостью обеспечения защиты прав, законных интересов граждан и организаций, доступности правосудия, подлинной реализации принципов правосудия (как судоустройственных, так и судопроизводственных), исключения неравенства граждан в уровнях защиты. Одинаковая юридическая природа апелляционного, кассационного и надзорного производства, предусмотренного законодательством в разных формах судопроизводства, объясняется также однородностью (аналогичностью) правоотношений, возникающих в связи с контролем (надзором) судов вышестоящих инстанций с целью проверки законности, обоснованности (либо только законности) судебных актов, вынесенных нижестоящими судами. Общая юридическая природа проявляется в нескольких аспектах. В частности, деятельность судов на контрольно-роверочных стадиях в каждой форме судопроизводства не является тождественной процедуре разбирательства дел в суде первой инстанции, что разумно и соответствует целям правосудия. Далее, контрольно-роверочные стадии имеют одинаковые задачи и назначение, сходную процессуальную форму обжалования судебных решений,

---

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ: принят Гос. Думой 20 февр. 2015 г.: одобрен Советом Федерации 25 февр. 2015 г. (далее – КАС РФ, КАС).

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: принят Гос. Думой 14 июня 2002 г.: одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. (далее – АПК РФ, АПК).

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (далее – УПК РФ, УПК).

предмет и порядок рассмотрения дел, виды принимаемых решений⁵. Такой подход к пониманию юридической природы деятельности судов вышестоящих инстанций применительно к уголовному и гражданскому процессу (до формирования арбитражного и административного судопроизводства) был заложен в ранее существовавшем процессуальном законодательстве нашего государства. Однородность регулируемых правоотношений в ходе проверки судебных решений соответственно в апелляционном⁶, кассационном⁷, надзорном⁸ порядке и закрепление их в соответствующих процессуальных кодексах позволяют называть институты межотраслевыми.

В целом эти межотраслевые институты представляют собой не просто существующую произвольную сумму правил, но систему норм⁹, регулирующих в четырех видах судопроизводства правоотношения, возникающие при рассмотрении гражданских, административных, уголовных дел и экономических споров в апелляционном, кассационном, надзорном порядке. Данная система носит объективный характер, является большим правовым образованием, имеющим содержание и структуру. Системные свойства этого образования означают наличие в нем элементов, органически связанных друг с другом, взаимодействующих и взаимообусловленных. Развитие каждого межотраслевого института зависит от его места в правовом образовании, связи с другими институтами внутри конкретной отрасли и других отраслей права. Учет всех этих обстоятельств позволяет обеспечить эффективное регулирование сходных правоотношений в каждой отрасли права и в системе российского права в целом, создать баланс защиты прав и законных интересов

---

⁵ Более подробно о единой юридической природе апелляционного, кассационного, надзорного производства в разных формах судопроизводства см.: Борисевич Г. Я. О своевременности унификации уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регулирующего контрольно-роверочные стадии // Ex jure. 2023. № 1. С. 109–131.

⁶ ГПК РФ (гл. 39, ст. 320–335.1), АПК РФ (гл. 34, ст. 257–272.1), КАС РФ (гл. 34, ст. 295–317), УПК РФ (гл. 45.1, ст. 389.1–389.36).

⁷ ГПК РФ (гл. 41, ст. 376–390.1), АПК РФ (гл. 35, ст. 273–291.15); КАС РФ (гл. 35, ст. 318–331); УПК РФ (гл. 47.1, ст. 401.1–401.17).

⁸ ГПК РФ (гл. 41.1, ст. 391.1–391.14), АПК РФ (гл. 36.1, ст. 308.1–308.13), КАС РФ (гл. 36, ст. 332–344), УПК РФ (гл. 48.1, ст. 412.1–412.13).

⁹ «Система – составленное из частей, соединенное множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство» (Большой российский энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энцикл., 2003. С. 1437); «Система права – это обусловленная экономическим и социальным строем структура права, выражающая внутреннюю согласованность и единство юридических норм и одновременно их разделение на соответствующие отрасли и институты» (Общая теория государства и права. Академический курс в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. Т. 2. С. 572).

личности, сохранить разумное и исключить избыточное дублирование оснований изменения и (или) отмены судебных решений судами вышестоящих инстанций.

Взгляд на данные межотраслевые институты как отдельную, единую систему норм в содержании российского права позволяет учитывать их свойства не только в правотворческом процессе, но и в судебной практике. Учет системных свойств данного правового образования обуславливает необходимость разрабатывать и принимать федеральные законы в комплексе, что регулировало бы правоотношения всесторонне, наиболее эффективно и социально полезно. Это означает, что при принятии закона (законов), регулирующего пересмотр судебных решений, необходимо прослеживать всю цепочку его взаимодействия с другими законами, вносить соответствующие изменения в эти другие законы или, напротив, установив противоречие с другими законами, признать, что принятие нового закона или каких-то норм является невозможным либо нецелесообразным¹⁰. Системный подход в судебной практике обеспечивает единообразие ее осуществления, позволяет выявлять и своевременно устранять необоснованные расхождения в процессуальном регулировании сходных (аналогичных, однородных) правоотношений.

Сама система деятельности вышестоящих судов по исправлению ошибок имеет свою историю возникновения и порядок формирования. Так, апелляционное производство по гражданским и уголовным делам одновременно было отменено в 1917 году. УПК и ГПК РСФСР, принятые в 1960-е годы, предусматривали две инстанции: производство в кассационной инстанции и пересмотр судебных актов, вступивших в законную силу. Уже тогда сроки обжалования судебных решений в кассационном порядке, основания изменения и отмены решений в судах кассационной и надзорной инстанций в обоих видах процесса совпадали, что свидетельствовало об унификации (гармонизации) не только судоустройства, но и процессуального законодательства. Принятая 24 октября 1991 года Постановлением Верховного Совета РСФСР Концепция судебной реформы предопределила в том числе и дальнейшее развитие в нашей стране межотраслевых институтов по пересмотру решений судами вышестоящих инстанций¹¹.

---

¹⁰ Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. 2-е изд. М.: Омега Л, 2005. С. 435.

¹¹ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М.: Республика, 1992. С. 97–100.

В ходе проведения судебной реформы, в 1995 году, был принят Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах Российской Федерации»¹². Система арбитражных судов оказалась востребована в связи с развитием в России рыночных отношений: возникла необходимость осуществлять правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Еще в Концепции судебной реформы отмечалось, что дифференциация форм гражданского судопроизводства объективно вызвана присоединением к уже существующим судам арбитражной ветви юстиции и нельзя абстрагироваться от объективной обусловленности превращения государственных арбитражей в органы правосудия¹³. Система арбитражных судов в Российской Федерации предусматривала четыре звена: арбитражные суды субъектов РФ, апелляционные суды, кассационные суды, Высший Арбитражный Суд РФ. Все звенья изначально существовали как самостоятельные, независимые друг от друга, то есть в них, в отличие от судов общей юрисдикции, не соединялись три вида судебной деятельности: рассмотрение и разрешение дела по существу, апелляционная проверка не вступивших в законную силу судебных постановлений и кассационное производство по пересмотру судебных актов, вступивших в законную силу. Такое судоустройство и судопроизводство не приводит к тому, что один и тот же судебный орган может осуществлять три судебные функции. Еще одним очевидным преимуществом системы арбитражных судов является несовпадение судебных округов с границами районов и областей: административно-территориальная дистанцированность апелляционных и кассационных окружных судов от регионального вмешательства в большей мере способствует реализации принципов самостоятельности судов и независимости судей. За прошедшие годы в системе арбитражных судов РФ проделана большая работа по обеспечению открытости и доступности правосудия, в том числе за счет внедрения системы электронного документооборота и создания электронной базы данных всех судебных актов, принятых этими судами. Общепризнано, что по эффективному судопроизводственному законодательству, техническому оснащению, профессиональному судейского корпуса, открытости правосудия арбитражные суды – это суды XXI века¹⁴.

---

¹² Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 28 апр. 1995 г. № 1-ФКЗ: принят Гос. Думой 5 апр. 1995 г.: одобрен Советом Федерации 12 апр. 1995 г.

¹³ Концепция судебной реформы в Российской Федерации. С. 99.

¹⁴ См.: Шамишурин Л. Л. Новый этап судебной реформы: суть, побудительные причины и ожидаемые результаты // Российский судья. 2015. № 6. С. 12; Андреева Т. К., Улётова Г. Д. Новый этап судебной реформы: конституционные возможности и вызовы // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10, № 2. С. 259.

В принятом в 2002 году Арбитражном процессуальном кодексе, по существующим в юридической литературе оценкам и выводам исследователей, была предусмотрена эффективная модель апелляционного производства (ст. 257–272). Обратимся к содержанию некоторых действительно эффективных норм этого института. Апелляционная жалоба может быть подана в течение месяца после принятия арбитражным судом первой инстанции обжалуемого решения, если иной срок не был установлен АПК РФ (ч. 1 ст. 259). Статьей 270 предусмотрен весьма широкий круг оснований отмены или изменения решений суда первой инстанции. К ним относятся следующие: 1) неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела; 2) недоказанность имеющих значение для дела обстоятельств, которые суд счел установленными; 3) несоответствие выводов, изложенных в решении, обстоятельствам дела; 4) нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права. Безусловные нарушения процессуального закона влекут отмену решения арбитражного суда первой инстанции в любом случае. Частью 5 данной статьи¹⁵ также предусматривалось, что при отмене решения по причине допущенных безусловных нарушений процессуального закона суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам, установленным для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции. Арбитражный суд первой инстанции вправе оставить решение нижестоящего суда без изменения; отменить или изменить решение суда первой инстанции полностью либо в части и принять по делу новый судебный акт; отменить решение полностью или в части и прекратить производство по делу либо оставить исковое заявление без рассмотрения полностью либо в части. Важно и то, что апелляционное производство, включившее ряд гарантий защиты прав и законных интересов организаций и физических лиц, разрабатывалось с учетом особенностей кассации. Непривычно для юридического сообщества в России выглядела норма о том, что в кассационном порядке могут быть обжалованы решения нижестоящих судов, вступившие в законную силу (ст. 273). Срок подачи кассационной жалобы составил два месяца. Было предусмотрено, что арбитражный суд кассационной инстанции проверяет законность решений, постановлений, принятых арбитражными судами первой и апелляционной инстанций, устанавливая правильность применения норм материального права и норм процессуального права при рассмотрении дела и принятии обжалуемого судебного акта.

---

¹⁵ Утратила силу с 4 мая 2010 г.

Основания для изменения или отмены судебных решений в кассационном порядке были определены те же, что и в апелляции, за исключением неполноты выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела, и недоказанности имеющих значение для дела обстоятельств, которые суд посчитал установленными (ст. 288). Перечень оснований давал право для вывода, что арбитражное производство предусматривало смешанную кассацию, имеющую черты апелляционного производства.

Что же касается судов общей юрисдикции, то процесс развития законодательства по пересмотру в них судебных решений явно затянулся во времени. В 1995 году Россия вступила в Совет Европы, в 1998-м ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод¹⁶, тем самым войдя под юрисдикцию Европейского суда по правам человека. В стране продолжалось реформирование судебной системы, совершенствование процессуального законодательства, в том числе по пересмотру судебных актов. В 2000-е годы, после восстановления в стране института мировых судей, практически одновременно в уголовном и гражданском процессе было возрождено апелляционное производство и предусмотрено соответственно в УПК РФ 2001 года и ГПК РФ 2002-го.

Как известно, изначально апелляционное производство в обоих процессах было «усеченным»: оно предусматривало обжалование и порядок рассмотрения не вступивших в законную силу актов, вынесенных мировыми судьями. Нормы процессуальных кодексов о сроках обжалования судебных актов, не вступивших в законную силу, основаниях изменения и отмены судебных актов, процедуре рассмотрения уголовных и гражданских дел в апелляционном порядке были унифицированы. До 2010 года в уголовном и гражданском судопроизводстве существовали два разных способа обжалования не вступивших в законную силу судебных актов: апелляционное производство по рассмотрению актов мировых судей, являвшее собой классическую полную апелляцию, и кассационное производство по проверке законности и обоснованности не вступивших в законную силу решений федеральных судов – неполная апелляция. Существование этих способов в двух формах судопроизводства не соответствовало конституционному принципу равенства граждан перед судом и законом и требовало реформирования.

---

¹⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. (с изм. от 24.06.2013). Документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 г. (Федер. закон от 28 февр. 2023 г. № 43-ФЗ).

Федеральными законами от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ, от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ, от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ соответственно в АПК, ГПК, УПК были внесены положения, к тому времени кардинально изменившие содержание контрольно-роверочных стадий в трех формах судопроизводства. На смену «усеченной» апелляции пришла повсеместная. Сравнительный анализ новых правил, действующих в реформированных стадиях, подтверждает существование в процессуальном праве России тенденции к гармонизации норм, регулирующих сходные (аналогичные, однородные) правоотношения при пересмотре судами вышестоящих инстанций гражданских, административных, уголовных дел и экономических споров¹⁷. Изучение изменений, внесенных вышеназванными законами в процессуальные кодексы, убеждает в том, что конструкция апелляционного производства в трех формах судопроизводства (до принятия КАС РФ) приобрела общие черты. В первую очередь это касается, конечно же, сближения норм, регулирующих гражданское и арбитражное судопроизводство. Концептуальные общие черты реформирования апелляционного производства нашли отражение и в уголовно-процессуальном законодательстве. При этом нужно отметить, что некоторые нормы в главу 45.1 УПК были внесены после принятия вышеупомянутых законов о внесении изменений в ГПК и АПК. Спустя какое-то время, с явным «опозданием», законодатель в сфере уголовного судопроизводства устранил противоречия, возникшие в регулировании одинаковых правоотношений в трех формах судопроизводства (речь идет о ч. 1.1, 4 ст. 389.6; ч. 3 ст. 389.8; ч. 6, 6.1 ст. 389.13 УПК РФ).

С принятием новых законов в уголовном и гражданском процессе радикально была изменена кассация. В кассационном порядке, по аналогии с АПК РФ, обжалованию стали подлежать судебные акты, вступившие в законную силу; предметом рассмотрения дел во всех формах судопроизводства стала проверка законности актов нижестоящих судов. В гражданском и уголовном процессе кассационное производство состояло из «первой» и «второй» кассаций, было построено по аналогии с надзорным производством и существенно отличалось от предусмотренного в арбитражном процессе. Кассация была экстраординарной (строгой), малодоступной для граждан, в отличие от смешанной кассации, предусмотренной АПК. По примеру граж-

¹⁷ О новшествах в реформировании пересмотра судебных решений подробнее см.: Борисевич Г. Я. Унификация процессуального законодательства РФ, регулирующего контрольно-роверочные стадии, как средство защиты прав, законных интересов личности и укрепления законности // Ex jure. 2020. № 4. С. 167–184.

данского и уголовного процесса Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 186-ФЗ¹⁸ в системе арбитражных судов (на уровне Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ) была создана «вторая» кассация. Однако вопрос о существенном отличии моделей кассации в разных формах судопроизводства оставался открытым, неразрешенным, несмотря на то что создавшаяся ситуация свидетельствовала о неравенстве граждан в доступе в суд вышестоящей инстанции и разных уровнях защиты прав и законных интересов граждан и организаций. К регулированию возникшего противоречия явно требовался системный подход.

Следует сказать и о продуманности такого новшества, как введение в ГПК и АПК «обязательной» апелляции. Это означало, что кассационное обжалование судебных решений в арбитражном судопроизводстве стало возможно только при условии рассмотрения их судом апелляционной инстанции. Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ¹⁹ в часть 1 статьи 273 АПК было внесено изменение следующего содержания: «Вступившее в законную силу решение арбитражного суда первой инстанции, если такое решение было предметом рассмотрения в арбитражном суде апелляционной инстанции или если арбитражный суд апелляционной инстанции отказал в восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной жалобы, и постановление арбитражного суда апелляционной инстанции могут быть обжалованы в порядке кассационного производства полностью или в части...» Такая значимая гарантия исправления судебных ошибок и обеспечения прав личности была предусмотрена в арбитражном судопроизводстве, в котором, заметим, уже практически десятилетие существовала испытанная временем и оправдавшая себя смешанная кассация. Спустя непродолжительное время Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ²⁰ норма об «обязательной» апелляции была внесена и в ГПК. Это значительно повышало уровень защиты прав граждан в гражданском процессе. Такая правовая возможность в ряде случаев убеждала участников гражданского процесса

¹⁸ О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 28 июня 2014 г. № 186-ФЗ: принят Гос. Думой 20 июня 2014 г.: одобрен Советом Федерации 25 июня 2014 г.

¹⁹ О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ: принят Гос. Думой 9 июля 2010 г.: одобрен Советом Федерации 19 июля 2010 г.

²⁰ О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 9 дек. 2010 г. № 353-ФЗ: принят Гос. Думой 26 нояб. 2010 г.: одобрен Советом Федерации 1 дек. 2010 г.

обоснованно отказаться от обжалования решений в «строгую» кассацию, поскольку все нарушения могли быть выявлены значительно раньше, в апелляционном порядке. Данная норма также была закреплена в Кодексе административного судопроизводства, принятом в 2015 году.

Значение нормы об «обязательной» апелляции трудно переоценить. Оно состоит в своего рода «укреплении» апелляции – праве субъектов, обжалующих решение суда первой инстанции, рассчитывать на проверку законности и обоснованности судебных актов, представления и исследования судом доказательств до обращения в суд кассационной инстанции. В судебной практике использование личностью, организациями всех предусмотренных законом возможностей на уровне апелляционной проверки решений часто приводит к отказу обжаловать решение в кассационном порядке. К тому же важно помнить, что во всех четырех видах процесса в судах апелляционной инстанции при определенных ограничениях возможно исследование доказательств, тогда как в судах кассационной инстанции во всех видах судопроизводства исследование доказательств не предусмотрено.

Большинство ученых-цивилистов, среди них Е. А. Борисова, И. В. Решетникова, Л. А. Терехова, одобрили идею последовательно обжаловать судебные акты, сосредоточив рассмотрение дела по существу поочередно в двух инстанциях, а проверку законности судебных решений – в суде кассационной инстанции. Однако в уголовно-процессуальной литературе эта идея особого внимания исследователей не привлекла и, можно сказать, практически не обсуждалась²¹. Лишь спустя более чем десятилетие, 28 июня 2022 г., был принят Федеральный закон № 216-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым в уголовном судопроизводстве предусматривалась «обязательная» апелляция. Норма о ней вступила в силу 28 декабря 2022 г. На страницах юридической печати этот шаг законодателя был одобрен заведующим кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ, профессором Л. В. Головко, изложившим свое мнение по данному вопросу в интервью главному редактору журнала «Уголовный процесс»: «Никакого перепрыгивания через судебные инстанции быть не должно. Если взять классические

²¹ Борисевич Г. Я. О едином подходе регулирования института кассационного производства в соответствии с УПК, ГПК, АПК РФ // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Юриспруденция. 2014. № 11/2. С. 154–160; Она же. О гармонизации норм, регулирующих исследование доказательств судом апелляционной инстанции, в процессуальном праве России // Ex jure. 2019. № 1. С. 103–106.

правопорядки, то всегда в кассацию можно попасть только через апелляцию»²². Это значительное, на наш взгляд, событие лишний раз подчеркивает существование именно системы правила, регулирующих правоотношения по пересмотру решений во всех видах судопроизводства. Важно, чтобы эта система своевременно пополнялась новыми продуманными правовыми положениями, в том числе уже закрепленными в других отраслях права. Иное отрицательно сказывается на защите прав и законных интересов личности в любой сфере судопроизводства, не говоря уже о самой суровой из них – уголовном процессе.

Значимой мерой, направленной на совершенствование правосудия, явилось объединение Верховного и Высшего Арбитражного Судов Российской Федерации. 5 февраля 2014 г. Президентом России В. В. Путиным был подписан Федеральный конституционный закон № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», а также ряд законов, определяющих его формирование и статус. Объединенный суд стал единственным высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам. Создание объединенного суда, как отметил Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев, было связано с необходимостью исключить отказ в судебной защите при возникновении споров о подведомственности дела, установить общие правила организации судопроизводства, обеспечить единообразие судебной практики²³. Создание объединенного суда обеспечивало выработку единых правовых позиций, реализацию одинаковых подходов при регулировании однородных правоотношений, равный уровень защиты участников процесса, а также давало импульс к унификации судоустройства и процессуального законодательства Российской Федерации. И. В. Решетникова, председатель Арбитражного суда Уральского округа, выделила два основных направления унификации процессуальных отраслей права в России: взаимообогащение отраслей права за счет заимствования наиболее удачных институтов и формирование новых правовых механизмов, единых для всех отраслей права²⁴.

С 2014 года в стране началась активная работа, главным образом по унификации гражданского, арбитражного и административного процессуаль-

²² Головко Л. В. Перепрыгивания через судебные инстанции быть не должно // Уголовный процесс. 2022. № 2. С. 33–34.

²³ Лебедев В. М. 100 лет Верховному Суду России // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 11. С. 5.

²⁴ Андреева Т. К., Улётова Т. Г. Указ. соч. С. 261.

ного законодательства. Как известно, в 2015 году была принята и опубликована Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ²⁵. Как справедливо отметил председатель Комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству П. В. Крашенинников во вступительном слове к тексту Концепции, «унификация ГПК и АПК призвана устранить противоречия между существующими двумя отраслями процессуального права; установить новые правила разрешения спорных правовых вопросов; сохранить наиболее удачные наработки существующих АПК и ГПК, распространив их на весь гражданский процесс; укрепить альтернативные способы разрешения споров, примирительных процедур; закрепить существующие виды упрощенного производства; выявить кардинальные проблемы, которые предстоит решить (существование двух кассаций) и ряд других задач»²⁶. А между тем уже тогда объективно существовала и в настоящее время актуализировалась задача унификации процессуального законодательства Российской Федерации применительно к межотраслевым институтам. Задачи деятельности такого масштаба значительно шире. Унификация процессуального законодательства позволит значительно обеспечить его системность, реализацию конституционного принципа равенства граждан перед судом и законом; одинаковый уровень защиты прав и законных интересов личности во всех формах судопроизводства; равный доступ для граждан в апелляционное, кассационное и надзорное производство во всех видах процесса; разумный баланс защиты нарушенных прав личности и государства; модернизацию судов; оптимальную нагрузку судей; единство судебной системы; единообразие судебной практики; повышение эффективности правосудия и осуществление его в разумные сроки; укрепление законности; повышение авторитета суда как органа правосудия и судебной власти; повышение доверия населения к суду²⁷. По законодательной инициативе Верховного Суда был принят закон «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные законы в связи с созданием

²⁵ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / вступ. сл. П. В. Крашенинникова; Комитет Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству. М.: Статут, 2015.

²⁶ Там же. С. 11–12.

²⁷ Борисевич Г. Я. Гармонизация процессуального законодательства РФ, регулирующего контрольно-роверочные стадии, как средство защиты прав, законных интересов личности и укрепления законности // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 16–17 октября 2020 г.) / под ред. К. Б. Калиновского. СПб.: Астерион, 2021. С. 274–281.

кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»²⁸. С 1 октября 2019 года начали свою работу девять кассационных судов общей юрисдикции и пять апелляционных судов общей юрисдикции. Верховный Суд РФ полагал, что ситуация, при которой одни и те же дела рассматриваются в рамках одного региона, а тем более в одном и том же суде, противоречит высоким стандартам независимости правосудия. На современном этапе развития в России правового государства и гражданского общества необходимо реализовать принцип «один суд – одна инстанция», обеспечивающий максимальный уровень независимости судей²⁹. Изменения в организации судов общей юрисдикции произошли вследствие унификации с принципами построения арбитражных судов РФ. Это явление справедливо оценивается как масштабное структурное изменение судебной системы с конца прошлого века³⁰. Реформирование судебной системы повлекло изменение процессуального законодательства РФ, внесение соответствующих изменений в ГПК, АПК, КАС и УПК. Председателем Верховного Суда РФ В. М. Лебедевым отмечено, что с 2014 года более сорока постановлений Пленума ВС РФ содержат свыше двух тысяч правовых позиций, которые учитываются судами как в гражданском, так и в арбитражном судопроизводстве. В результате этой работы исключены противоречия в толковании и применении правовых норм судами общей и арбитражной юрисдикции³¹.

Среди многочисленных изменений, внесенных в процессуальное законодательство РФ, остановимся на характеристике унифицированного подхода к рассмотрению кассационных жалоб и представлений в каждой форме судопроизводства. Кассационная жалоба, поданная с соблюдением требований, предъявляемых АПК РФ к ее форме и содержанию, принимается к производству арбитражного суда кассационной инстанции. В случае несоблюдения указанных требований арбитражный суд кассационной инстанции или оставляет жалобу без движения, или возвращает ее для устранения допущенных нарушений. Если жалоба принята к производству, то кассационное

²⁸ О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: Федер. конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ: принят Гос. Думой 17 июля 2018 г.: одобрен Советом Федерации 24 июля 2018 г.

²⁹ Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 138.

³⁰ Там же. С. 137.

³¹ Лебедев В. М. Указ. соч. С. 5.

судопроизводство предполагает рассмотрение дела в судебном заседании с соблюдением процессуальной формы, установленной АПК. В соответствии с федеральными законами, принятыми в 2010 году, ГПК и УПК предусматривали предварительное рассмотрение жалобы, представления единолично судьей, вне судебного заседания, с принятием решения о передаче дела в судебное заседание или об отказе в передаче. Таким образом, «обновленная» кассация в двух видах процесса носила экстраординарный характер: судья единолично, вне процессуальной формы, рассматривал жалобу, представление на предмет допущенных нижестоящим судом существенных нарушений норм материального права и (или) норм процессуального права, повлиявших на исход дела. В ситуациях подобного рода велика опасность существования произвольного мнения судьи, что может повлечь принятие по рассмотренной жалобе незаконного и необоснованного решения. Судебная практика подтвердила, что число жалоб по гражданским и уголовным делам, по которым было отказано в передаче в кассационную инстанцию, велико³².

Ученые-цивилисты Е. И. Алексеевская, Е. А. Борисова, Д. И. Ковтков, Ю. А. Костанов, Е. Г. Потапенко, М. Н. Зарубина и другие активно обсуждали чрезмерно строгий доступ в кассацию в гражданском процессе. Они обоснованно делали вывод о том, что по гражданским делам предоставление судье права единолично выносить определение о передаче либо отказе в передаче кассационной жалобы, представления для рассмотрения в кассационной инстанции по тем основаниям, что в обжалуемых судебных актах имеются либо не имеются существенные нарушения норм материального или норм процессуального права, незаконно и в любом случае не соответствует как нормам ГПК, так и сущности кассационного производства. Ю. А. Костанов писал о том, что приемлем только такой фильтр, который «отсеивает» формально неприемлемые жалобы и представления, но не такой, который решает вопрос об обоснованности жалобы по существу поставленных в ней задач³³.

---

³² Борисевич Г. Я. Критерий существенного характера нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, повлиявших на исход дела, должен определяться коллегиально // Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию проф. П. А Лупинской (Москва, 8 апреля 2016 г.). М.: Проспект, 2016. С. 49–53; Она же. О несовершенстве правового регулирования первого этапа кассационного производства в процессуальном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 34. С. 467–474.

³³ Костанов Ю. А. Порядок предварительного рассмотрения надзорных жалоб: отказ в правосудии или баланс интересов? // Уголовный процесс. 2011. № 6. С. 17.

В Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ записано, что в новом процессуальном кодексе необходимо предусмотреть критерии приемлемости кассационной жалобы в целях минимизации значения усмотрения судьи в данном вопросе. Формальными критериями приемлемости, устанавливаемыми судьей единолично, являются требования к содержанию и форме жалобы, субъектному составу, соблюдению сроков, подсудности. Критерий существенного характера нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, повлиявшего на исход судебного разбирательства и приведшего к нарушению прав и законных интересов граждан, должен определяться коллегиально³⁴.

Доступ в кассацию без «фильтрации» жалоб и представлений единолично судьей на предмет проверки существенности допущенных нижестоящими судами нарушений в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 года № 19 «О применении норм главы 47.1 УПК РФ, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» для краткости был назван «сплошной кассацией», соответственно второй способ – «выборочной». В федеральных законах эти термины не упоминаются. В процессуальное законодательство РФ практически одновременно в четыре вида судопроизводства были внесены изменения, касающиеся сплошной и выборочной кассации. Это опять же свидетельствует об объективности системного подхода к регулированию существующих правоотношений, их целостности. Как справедливо отметил председатель Совета судей РФ, судья Верховного Суда РФ В. В. Момотов, теоретической основой норм, принятых в ходе судебной реформы, выступает правовой прагматизм, то есть рациональный подход к развитию законодательства, согласно которому право должно быть не набором неких форм и ритуалов, а эффективным и гибким инструментом защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Тем самым происходит смещение акцентов с формальных аспектов права на его содержательные аспекты³⁵. Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев, подчеркивая достоинства сплошной кассации, отметил, что в результате реализации в судебной практике этого принципа количество удовлетворенных кассационных жалоб в гражданском судопроизводстве увеличилось с 4 до 14 %, в административном судопроизводстве – с 3 до 13 %, а в уголовном судопроизводстве –

---

³⁴ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации... С. 187.

³⁵ Андреева Т. К., Улётова Г. Д. Указ. соч. С. 257–258.

с 8 до 18 %³⁶. Приведенные цифры убедительно свидетельствуют об оправданности изменений, касающихся пересмотра дел судами кассационной инстанции, целесообразности внесения соответствующих норм в процессуальное законодательство РФ, определенной свободе доступа граждан и организаций в кассационное производство во всех формах процесса и фактическом повышении в государстве уровня защиты прав личности.

Длительное время в юридической литературе обсуждался вопрос о целесообразности закрепления в УПК РФ срока кассационного обжалования решений, вступивших в законную силу. Уместно заметить, что во время действия УПК РСФСР и УПК РФ, до принятия Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ³⁷, срок обжалования вступивших в законную силу судебных решений не был предусмотрен вообще. Упомянутым федеральным законом был предусмотрен годичный срок кассационного и надзорного обжалования судебных решений, вступивших в законную силу (ч. 3 ст. 401.2, ст. 412.2 УПК). Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ³⁸ правило о годичном сроке кассационного обжалования судебных решений из УПК РФ было изъято (для сравнения, сроки кассационного обжалования судебных решений определены в соответствующих статьях АПК, ГПК и КАС). И все же Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 15-ФЗ³⁹ в УПК были внесены изменения, касающиеся срока кассационного обжалования судебных решений. Кассационные жалоба, представление, подлежащие рассмотрению в порядке сплошной кассации, могут быть поданы в течение 6 месяцев со дня вступления приговора или иного итогового судебного решения в законную силу, а для осужденного, содержащегося под стражей, – в тот же срок со дня вручения ему копии такого судебного решения, вступившего в законную силу. Пропущенный по уважительной причине срок кассационного обжалования может быть восстановлен судьей суда первой инстанции по ходатайству

³⁶ Лебедев В. М. Указ. соч. С. 5.

³⁷ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 433-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 2010 г.: одобрен Советом Федерации 24 дек. 2010 г.

³⁸ О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федер. закон от 31 дек. 2014 г. № 518-ФЗ: принят Гос. Думой 19 дек. 2014 г.: одобрен Советом Федерации 25 дек. 2014 г.

³⁹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 февр. 2021 г. № 15-ФЗ: принят Гос. Думой 9 февр. 2021 г.: одобрен Советом Федерации 17 февр. 2021 г.

лица, подавшего жалобу, представление. Полагаем, что одной из нескольких целей принятия данной нормы явилась унификация в процессуальном праве России сроков обжалования судебных решений, вступивших в законную силу.

Значительным шагом в развитии системы положений о пересмотре судебных решений явилось принятие Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 608-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым срок апелляционного обжалования приговоров или иных судебных решений был увеличен с 10 до 15 суток (ч. 1 ст. 389.4 УПК). С чем это связано? Обратимся к институту сроков апелляционного обжалования судебных решений в законодательстве цивилистического цикла. Так, апелляционная жалоба может быть подана в течение месяца после принятия арбитражным судом первой инстанции обжалуемого решения, если не установлен иной срок (ч. 1 ст. 259 АПК РФ). Аналогичный срок обжалуемого решения предусмотрен ГПК РФ (ч. 2 ст. 321) и КАС РФ (ч. 1 ст. 298). Как известно, существовавший до 2010 года срок обжалования судебных решений, вынесенных в гражданском и уголовном судопроизводстве, составлял 10 суток с момента их принятия. Совершенно очевидно, что законодатель, увеличивая в гражданском судопроизводстве срок обжалования судебных решений в апелляционном порядке до одного месяца, учитывал особенности апелляционного производства, его предмет, грядущую «строгую» кассацию, необходимость составления продуманных, мотивированных, обоснованных жалоб. Такой подход к изменению сроков обжалования следует признать правильным. Что же касается УПК, то вплоть до 2022 года содержание статьи 389.4 о сроках апелляционного обжалования оставалось неизменным: 10 суток со дня постановления приговора или вынесения иного решения суда, а осужденным, содержащимся под стражей, – в тот же срок со дня вручения копий приговора, определения, постановления. Такого срока для обжалования судебных решений в уголовном судопроизводстве было недостаточно⁴⁰. Мы поддержали высказанное в юридической литературе В. И. Качаловым мнение об увеличении срока апелляционного обжалования с 10 до 14 суток⁴¹. Данное предложение, имевшее целью

⁴⁰ Более подробно о причинах признания срока апелляционного обжалования судебных решений в уголовном судопроизводстве недостаточным см.: Борисевич Г. Я. О разумном балансе защиты прав личности в контрольно-роверочных стадиях в процессуальном праве России // Ex jure. 2018. № 2. С. 94–95.

⁴¹ Качалов В. И. Недостатки законодательной регламентации апелляционного производства по уголовному делу // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 41–47.

обеспечение прав и законных интересов личности, законодателем было реализовано. Очередная норма вошла в унифицированную систему правил, которые регулируют пересмотр судебных решений. Однако нельзя не видеть, что это было сделано в самой суворой сфере судопроизводства в очередной раз с «опозданием» длиною в десятилетие.

Следует отметить, что этим же федеральным законом в УПК РФ были внесены изменения в статью 389.13 (ч. 3, 4, 4.1, 4.2). В целях унификации, по примеру норм АПК, ГПК, КАС, регулирующих порядок рассмотрения дел в заседании суда апелляционной инстанции, в настоящее время в УПК усовершенствована процессуальная форма проверки законности, обоснованности и справедливости приговоров, определений, постановлений судов первой инстанции, не вступивших в законную силу. В частности, при рассмотрении уголовных дел в апелляционном порядке судебное следствие уже не выделено как обязательная часть судебного заседания. Как и в других формах судопроизводства, оно проводится в случаях, когда в суде апелляционной инстанции возникает необходимость исследования доказательств. Одним из существенных преобразований, произошедших в ходе судебной реформы в 2018 году, является радикальное изменение модели кассационного производства в гражданском и административном процессе: законодатель отказался от экстраординарной кассации для изменения или отмены решений нижестоящих судов, суть которой заключалась в установлении существенных нарушений процессуального закона либо неправильного применения материального закона, повлиявших на исход дела. Перечень оснований расширился, совпав с апелляционными основаниями для изменения и (или) отмены решений, за исключением неправильного определения фактических обстоятельств, имеющих значение для дела, и недоказанности этих обстоятельств. В настоящее время, по примеру АПК, в ГПК и КАС, в первой кассации, то есть в кассационных судах общей юрисдикции, основания изменения и (или) отмены судебных решений стали характерными для смешанной кассации (ст. 288 АПК, ст. 379.1 ГПК, ст. 328 КАС). Подчеркнем, что основаниями изменения и (или) отмены решений являются не только безусловные, но и условные нарушения или неправильное применение норм материального или норм процессуального права, а также несоответствие выводов суда, содержащихся в решении, фактическим обстоятельствам дела, установленным судами первой и апелляционной инстанций. Безусловно, более «мягкая», доступная для граждан кассация позволяет устранять большую часть наруше-

ний, допускаемых нижестоящими судами. Во второй кассации (на уровне Судебных коллегий Верховного Суда РФ) основания остались в неизменном виде и присущи «строгой» кассации, в которой требуется установить существенные нарушения закона, повлиявшие на исход дела. В преддверии принятия федеральных законов об изменениях, внесенных в процессуальное законодательство, председатель Совета судей РФ, судья ВС РФ В. В. Момотов писал, что предлагаемая дифференциация связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, введение «полной кассации» в кассационных судах общей юрисдикции предполагает рассмотрение каждого дела по существу без «предварительного отбора» по каким-либо критериям, в том числе по критериям существенности нарушений. Такой процессуальный порядок означает необходимость проводить полную проверку законности каждого судебного постановления. Во-вторых, одна из концептуальных идей, заложенных в основу судебной реформы, состоит в том, что первоочередная задача кассационных судов общей юрисдикции в рамках первой кассации – это исправление судебных ошибок, а первоочередная задача высшей судебной инстанции – обеспечение единства судебной практики⁴².

Убедительные доводы в пользу реформируемой кассации, как мы полагаем, имеют отношение ко всем видам судопроизводства, в том числе и уголовному. Разве первая кассация в уголовном судопроизводстве не должна служить эффективным средством исправления большинства ошибок, допущенных судами первой и апелляционной инстанций при разбирательстве уголовных дел, и разве безусловным следствием этого не станет повышение уровня защиты личности и организаций? Несмотря на отсутствие каких-либо объективных причин, препятствующих изменению кассационного производства в уголовном процессе, норма УПК РФ об основаниях изменения и (или) отмены судебных решений в первой кассации осталась без изменения, то есть строгой, малодоступной для субъектов, обжалующих судебные решения. Более того, в уголовном судопроизводстве основания изменения и (или) отмены судебных актов в обеих кассациях одинаковы и характерны для экстраординарной кассации, что вдвое ограничивает доступ граждан в вышеющую инстанцию. Признать это справедливым по отношению к самой судовой в государстве сфере судопроизводства, думается, нельзя. Рассогласование в системе свойств модели российской кассации неоправданно. Нельзя не обратить внимание и на то, что в соответствии со статьями 291.3, 291.5

---

⁴² Момотов В. В. Указ. соч. С. 142.

АПК, пунктом 1 части 1 статьи 321 КАС РФ отсутствие указания в кассационных жалобе, представлении, поданных во вторую кассацию, оснований для изменения и (или) отмены судебных решений нижестоящих судов не является поводом для возвращения их без рассмотрения по существу, что, несомненно, облегчает доступ даже во вторую кассацию. Однако в УПК такого «послабления» не предусмотрено (ст. 401.5): по УПК кассационные жалоба, представление возвращаются без рассмотрения по существу, если в них не указаны допущенные судами существенные нарушения норм уголовного или уголовно-процессуального права, повлиявшие на исход дела, с приведением доводов, свидетельствующих о таких нарушениях (п. 5 ч. 1 ст. 401.4 УПК). Это подтверждает неоправданность дифференциации процессуальной формы, неравенство условий защиты нарушенных прав граждан и организаций в разных формах судопроизводства, ограниченность доступа в кассационное производство по уголовным делам⁴³. По примеру цивилистического цикла в первой кассации в уголовном судопроизводстве взамен существующего ныне должно быть предусмотрено такое основание, как несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела, установленным судами первой и апелляционной инстанций. Складывающаяся судебная практика в уголовном судопроизводстве в обеих кассациях убеждает в том, что фактически суды вынуждены зачастую входить в обсуждение вопроса об обоснованности судебных актов нижестоящих судов. Судьям становится очевидным, что изложенные в судебных решениях выводы не соответствуют установленным фактическим обстоятельствам⁴⁴.

⁴³ Борисевич Г. Я. Процессуальное законодательство РФ, регулирующее основания изменения и (или) отмены судебных актов в первой кассации, необходимо унифицировать // Полина Абрамовна Лупинская: Вклад в развитие российского уголовного судопроизводства (к 100-летию со дня рождения) / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М.: Норма, 2021. С. 222–241; Она же. О свое временности унификации уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регулирующего контрольно-роверочные стадии...

⁴⁴ См.: определения Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28 нояб. 2019 г. № 77-17/2019 г., от 11 февр. 2020 г. № 77-121/2020 г., от 2 марта 2020 г. № 77-194/2020 г., от 21 янв. 2020 г. № 77-59/2020 г., от 21 янв. 2020 г. № 77-62/2020 г.; определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 3 нояб. 2020 г. № 77-1191/2020 г.; определения Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26 окт. 2020 г. № 77-2172/2020 г., от 25 дек. 2019 г. № 77-82/2019 г., от 17 июня 2020 г. № 77-635/2020 г., от 21 февр. 2020 г. № 77-1441/2020 г.; определения Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 июня 2020 г. № 77-909/2020 г., от 28 окт. 2020 г. № 77-2161/2020 г., от 25 июня 2020 г. № 77-1056/2020 г., от 29 сент. 2020 г. № 77-2015/2020 г., от 16 сент. 2020 г. № 77-1751/2020 г., от 14 окт. 2020 г. № 77-1896/2020 г., от 2 июля 2020 г. № 77-965/2020 г., от 16 марта 2020 г. № 77-326/2020 г., от 20 апр. 2020 г. № 77-386/2020 г., от 28 авг. 2020 г. № 77-1675/2020 г., от 14 июля 2020 г. № 77-1104/2020 г., от 3 марта 2020 г. № 77-121/2020 г., от 31 мая 2022 г. № 77-2248/2022, от 16 мая 2022 г.

Система правил по пересмотру судебных решений включает в себя также и надзорное производство, развитие которого имеет свою историю. В четырех видах судопроизводства основания изменения и (или) отмены судебных решений в порядке надзора в определенные периоды развития государства и права отчасти совпадали и вместе с тем имели различия⁴⁵. В настоящее время в России единственным судом надзорной инстанции является Президиум Верховного Суда РФ. В соответствии с действующим российским процессуальным законодательством надзорное производство осуществляется в виде экстраординарной, исключительной стадии, являющейся дополнительным способом обеспечения правосудности судебных решений, гарантией прав, законных интересов личности и государства. Действующие процессуальные кодексы (ст. 391.1 ГПК, ст. 308.8 АПК, ст. 341 КАС) предусматривают одинаковые основания изменения и (или) отмены судебных решений в порядке надзора: судебное решение подлежит изменению или отмене, если Президиум Верховного Суда РФ установит, что оно нарушает права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ; права и законные интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы; единобразие в применении и (или) толковании судами норм права. Это позволяет сделать вывод о том, что в трех видах судопроизводства основной задачей Президиума Верховного Суда РФ является обеспечение единобразия судебной практики. Надо полагать, что и в сфере уголовного судопроизводства перед судом надзорной инстанции фактически стоит та же задача. Однако, согласно УПК РФ, основаниями изменения и (или) отмены судебных решений в уголовном судопроизводстве являются, как и в обеих кассациях, нарушения уголовного и (или) уголовно-

---

№ 77-1793/2022 г., от 22 апр. 2022 г. № 77-1908/2022 г., от 4 авг. 2022 г. № 77-3497/2022 г., от 23 дек. 2022 г. № 77-6330/2022 г.; определения Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июля 2020 г. № 77-1326/2020 г., от 14 июля 2020 г. № 77-1285/2020 г., от 3 июня 2020 г. № 77-1001/2020 г.; определения Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 4 марта 2020 г. № 77-72/2020 г., от 4 марта 2020 г. № 77-85/2020 г.; а также кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 июня 2021 г. № 53-УД21-10-А5, от 2 июня 2021 г. № 66-УД21-7сп-А5, от 27 мая 2021 г. № 75-УДП21-8-К3, от 1 июня 2021 г. № 3-УДП21-16-К3, от 1 июня 2021 г. № 5-УДП21-44-К2, от 27 мая 2021 г. № 9-УД21-9-А4, от 3 июня 2021 г. № 35-УД21-1, от 27 мая 2021 г. № 37-УД21-5сп-А1, от 27 мая 2021 г. № 46-УД21-13сп-А4.

⁴⁵ См.: Борисевич Г. Я. Эволюция российского процессуального законодательства, регулирующего основания изменения и (или) отмены судебных актов в порядке надзора // VIII Пермский конгресс ученых-юристов: сб. науч. статей / отв. ред. В. Г. Голубцов; О. А. Кузнецова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 289–291.

процессуального законов, повлиявшие на исход дела (ст. 412.9 УПК). Тройное дублирование «строгих» оснований не вызвано необходимостью. Оно, как нам думается, явилось результатом недооценки в уголовном судопроизводстве связей между кассацией и надзором. В связи с этим правильно пишет В. А. Лазарева, что для определения существенности нарушения судьи вынуждены обсуждать вопросы не только законности, но и обоснованности и основанием отмены судебного акта в суде надзорной инстанции должно выступать не воздействие нарушения на правильность приговора, а нарушение процессуальной формы рассмотрения дела. Особое значение это приобретает в суде надзорной инстанции, который, вследствие своей малочисленности, физически не может принять меры к исправлению всех неправильно разрешенных уголовных дел. Его главная задача – не исправление отдельных нарушений, а формирование судебной практики путем реагирования на наиболее распространенные ошибки применения закона при осуществлении правосудия⁴⁶. Думается, что основания изменения и (или) отмены судебных решений в надзорном порядке в процессуальном праве России должны быть унифицированы.

Таким образом, взгляд на совокупность межотраслевых институтов по пересмотру судебных решений как на систему тесно взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов позволит в дальнейшем в России эффективно развивать и совершенствовать апелляционное, кассационное и надзорное производство, обеспечивая достижение стоящих перед ними целей.

Библиографический список

Андреева Т. К., Улётова Г. Д. Новый этап судебной реформы: конституционные возможности и вызовы // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10, № 2. С. 251–291.

Борисевич Г. Я. Гармонизация процессуального законодательства РФ, регулирующего контрольно-роверочные стадии, как средство защиты прав, законных интересов личности и укрепления законности // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 16–17 октября 2020 г.) / под ред. К. Б. Калиновского. СПб.: Астерион, 2021. С. 274–281.

⁴⁶ Уголовный процесс: учебник / И. Л. Бедняков [и др.]; под ред. В. А. Лазаревой. М.: ЮСТИЦИЯ, 2015. С. 555.

Борисевич Г. Я. Критерий существенного характера нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, повлиявших на исход дела, должен определяться коллегиально // Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию проф. П. А. Лупинской (Москва, 8 апреля 2016 г.). М.: Прогресс, 2016. С. 49–53.

Борисевич Г. Я. О гармонизации норм, регулирующих исследование доказательств судом апелляционной инстанции, в процессуальном праве России // *Ex jure*. 2019. № 1. С. 91–107.

Борисевич Г. Я. О едином подходе регулирования института кассационного производства в соответствии с УПК, ГПК, АПК РФ // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Юриспруденция. 2014. № 11/2. С. 154–160.

Борисевич Г. Я. О несовершенстве правового регулирования первого этапа кассационного производства в процессуальном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 34. С. 467–474.

Борисевич Г. Я. О разумном балансе защиты прав личности в контрольно-роверочных стадиях в процессуальном праве России // *Ex jure*. 2018. № 2. С. 90–102.

Борисевич Г. Я. О своевременности унификации уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регулирующего контрольно-роверочные стадии // *Ex jure*. 2023. № 1. С. 109–131.

Борисевич Г. Я. Процессуальное законодательство РФ, регулирующее основания изменения и (или) отмены судебных актов в первой кассации, необходимо унифицировать // Полина Абрамовна Лупинская: Вклад в развитие российского уголовного судопроизводства (к 100-летию со дня рождения) / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М.: Норма, 2021. С. 222–241.

Борисевич Г. Я. Унификация процессуального законодательства РФ, регулирующего контрольно-роверочные стадии, как средство защиты прав, законных интересов личности и укрепления законности // *Ex jure*. 2020. № 4. С. 167–184.

Борисевич Г. Я. Эволюция российского процессуального законодательства, регулирующего основания изменения и (или) отмены судебных актов в порядке надзора // VIII Пермский конгресс ученых-юристов: сб. науч. статей / отв. ред. В. Г. Голубцов; О. А. Кузнецова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 289–291.

Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. 2-е изд. М.: Омега-Л, 2005.

Головко Л. В. Перепрыгивания через судебные инстанции быть не должно // Уголовный процесс. 2022. № 2. С. 30–38.

Качалов В. И. Недостатки законодательной регламентации апелляционного производства по уголовному делу // Уголовный процесс. 2013. № 7. С. 41–47.

Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ / вступ. сл. П. В. Крашенинникова; Комитет Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству. М.: Статут, 2015.

Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М.: Республика, 1992. С. 97–100.

Костанов Ю. А. Порядок предварительного рассмотрения надзорных жалоб: отказ в правосудии или баланс интересов? // Уголовный процесс. 2011. № 6. С. 16–21.

Лебедев В. М. 100 лет Верховному Суду России // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 11. С. 1–6.

Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 134–146.

Уголовный процесс: учебник / И. Л. Бедняков [и др.]; под ред. В. А. Лазаревой. М.: ЮСТИЦИЯ, 2015.

Шамшурина Л. Л. Новый этап судебной реформы: суть, побудительные причины и ожидаемые результаты // Российский судья. 2015. № 6. С. 11–15.

Информация для цитирования

Борисевич Г. Я. О системе межотраслевых институтов, регулирующих пересмотр судебных решений в процессуальном праве Российской Федерации // Ex jure. 2023. № 4. С. 33–57. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-33-57.

Borisevich G. Ya. On The System of Inter-Branch Institutions Regulating the Judicial Review of Court Decisions in the Procedural Law of the Russian Federation. Ex jure. 2023. № 4. Pp. 33–57. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-33-57.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА НА ИНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК СПОСОБЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Д. С. Быков

Аспирант

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Мировой судья судебного участка № 1
Бардымского судебного района
Пермского края
618150, Пермский край, с. Барда,
ул. Ленина, 50А

E-mail: aspirant.bykov@mail.ru

Аннотация: в статье дается понятие цифровой трансформации общества и исследуется ее влияние на производительность органов предварительного расследования и эффективность доказывания в уголовном процессе. Приводятся примеры практического использования в условиях цифровой трансформации иных процессуальных действий, в частности таких, как получение объяснений, в том числе дистанционным способом, изъятие предметов и документов, истребование предметов и документов и их добровольное представление, и делается вывод о том, что цифровая трансформация общества в перспективе приведет к повышению производительности органов предварительного расследования, сокращению сроков уголовного судопроизводства, экономии материальных ресурсов и трудозатрат.

Ключевые слова: цифровая трансформация общества; цифровизация; иные процессуальные действия; доказывание; электронный документ

© Быков Д. С., 2023

THE IMPACT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY ON OTHER PROCEDURAL ACTIONS AS METHODS OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

D. S. Bykov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Judical District No. 1
of the Bardymsky Judical District of the Perm Region
50A, Lenina st., Barda, Perm Region, 618150

E-mail: aspirant.bykov@mail.ru

Abstract: *in the article, for the purposes of studying the impact on other procedural actions as ways of proving in criminal proceedings, the concept of the digital transformation of society is given, the relevance of the topic of the article is highlighted. The author examines the impact of the digital transformation of society on the productivity of the preliminary investigation bodies and the increase in the effectiveness of proof, and provides examples of the use of other procedural actions in the practical activities of the preliminary investigation bodies in the context of the digital transformation of society, in particular such procedural actions as obtaining explanations, including by remote means, seizure objects and documents, reclamation of documents and objects and their voluntary presentation. In conclusion, it is concluded that the digital transformation of society in the future will lead to an increase in the productivity of preliminary investigation bodies, a reduction in the terms of criminal proceedings, saving material resources and labor costs.*

Keywords: digital transformation of society; digitalization; proof; other procedural actions; electronic document

Феномен цифровой трансформации прочно «обосновался» не только в трудах современных ученых, но и в документах стратегического планирования государства. Так, в Указе Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» цифровая трансформация определена как национальная цель развития Российской Федерации на период до 2030 года.

Оставляя за скобками дискуссию о корректности данного понятия в физико-математическом аспекте, попытаемся выявить его суть. В академических толковых словарях трансформация (от лат. *transformatio* – превращение) определяется как преобразование, превращение, изменение вида, формы,

существенных свойств чего-либо. Очевидно, что это понятие используется в языке для того, чтобы описать изменения какой-либо сущности или явления.

Ряд авторов рассматривают цифровую трансформацию в контексте управления, определяя ее как глубокую реорганизацию (реинжиниринг) бизнес-процессов «с широким применением цифровых инструментов в качестве механизмов исполнения процессов, которая приводит к существенному (в разы) улучшению характеристик процессов: сокращению времени их выполнения, исчезновению целых групп подпроцессов, увеличению выхода, сокращению ресурсов, затрачиваемых на выполнение процессов, и т.д. – и/или появлению принципиально новых их качеств и свойств (принятие решений в автоматическом режиме без участия человека и т.д.)»¹. Здесь, на наш взгляд, более корректно было бы говорить о цифровой трансформации управления (менеджмента). Исследуется также цифровая трансформация государственного управления², цифровая трансформация экономики и промышленности³.

Очевидно, что цифровая трансформация затрагивает практически все сферы жизни общества, поэтому справедливо было бы говорить о цифровой трансформации общества в целом.

Гораздо сложнее определить признаки именно цифровой трансформации. Следует согласиться с авторами, которые отмечают, что понятие цифровой трансформации меняется вместе с изменением и развитием информационных технологий⁴, поэтому «зарегистрировать» понятие сегодня означало бы допустить ошибку завтра. Тем не менее, исследуя те или иные правоотношения в аспекте цифровой трансформации общества, важно определить актуальные границы используемого понятия.

Обратимся вновь к документам стратегического планирования государства. В пункте 50 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (далее – Стратегия)⁵ установлен приоритетный результат развития информационного общества: формиро-

---

¹ Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация / М. Петров, В. Буров, М. Шклярук, А. Шаров. М.: Центр стратегических разработок, 2018. С. 11–12.

² Акаткин Ю. М., Ясиновская Е. Д. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность. М.: URSS, 2019.

³ Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017.

⁴ Грибанов Ю. И., Шатров А. А. Сущность, содержание и роль цифровой трансформации в развитии экономических систем // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 3-1. С. 44–48.

⁵ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РОС. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203.

вание национальных технологических платформ, повышение осведомленности граждан о преимуществах получения информации и приобретения товаров с использованием сети Интернет, а также создание возможности получения населением разного рода услуг: финансовых, государственных и муниципальных, онлайн-образования, онлайн-медицины, электронных библиотек.

Стратегией сформулированы следующие цели:

- «создание условий для формирования... общества знаний» (п. 20);
- «обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений, новых компетенций, расширении кругозора» (п. 24);
- «обеспечение свободного доступа граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления к информации на всех этапах ее создания и распространения» (п. 27);
- «создание российских информационных и коммуникационных технологий для получения государством и гражданами новых технологических преимуществ, использования и обработки информации, доступа к ней, получения знаний, формирования новых рынков и обеспечения лидерства на них» (п. 35);
- «повышение качества жизни граждан на основе широкого применения отечественных информационных и коммуникационных технологий, направленных на повышение производительности труда, эффективности производства, стимулирование экономического роста, привлечение инвестиций в производство инновационных технологий, повышение конкурентоспособности Российской Федерации на мировых рынках, обеспечение ее устойчивого и сбалансированного долгосрочного развития» (п. 39).

Анализ сформулированных в Стратегии целей, а также спрогнозированных в четвертом ее разделе результатов позволяет согласиться с выводом, что «приоритетным и перспективным направлением развития информационного общества является переход на технологические платформы для коммуникации между всеми заинтересованными лицами»⁶.

---

⁶ Зайцев О. А., Пастухов П. С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 757.

Для целей настоящего исследования под цифровой трансформацией общества понимается преобразование процессов в жизни общества на основе широкого применения информационных и коммуникационных технологий, в том числе посредством формирования технологических платформ.

Правоотношения, возникающие в ходе производства по уголовным делам, будучи, с одной стороны, неотъемлемой частью жизни общества и предметом государственного правового регулирования – с другой, могут и должны претерпевать соответствующие изменения в рамках заданных государством стратегических целей развития. В связи с этим вполне обоснованными видятся предложения О. А. Зайцева и П. С. Пастухова о формировании новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации⁷ и С. В. Зуева о необходимости разработки концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве⁸.

Вместе с тем малоизученным остается вопрос о влиянии цифровой трансформации общества на институт доказывания в уголовном процессе, в частности на иные процессуальные действия как способы доказывания в уголовном процессе. Предполагается, что цифровая трансформация общества повышает производительность органов предварительного расследования и увеличивает эффективность самого предварительного расследования, то есть наилучший результат получается наименее затратными способами. Причем такой эффект достигается преимущественно посредством иных процессуальных действий как способов доказывания в уголовном процессе. Для подтверждения выдвинутой гипотезы необходимо осуществить краткий анализ иных процессуальных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации⁹ (далее – УПК РФ), исследовать научные труды по данной теме, изучить применение иных процессуальных действий в практической работе органов предварительного расследования и суда в контексте цифровой трансформации общества.

Иные процессуальные действия предусмотрены частью 1 статьи 86 УПК РФ и определяются как способы собирания доказательств наряду со следственными действиями, традиционно являющимися основными способами собирания доказательств. При этом уголовно-процессуальным законом

---

⁷ Зайцев О. А., Пастухов П. С. Формирование новой стратегии расследования преступлений...

⁸ Зуев С. В. О современной Концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 619.

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г.

установлен круг субъектов доказывания, к которым отнесены дознаватель, следователь, прокурор и суд, а вот круг иных процессуальных действий не установлен, указано лишь, что они предусмотрены УПК РФ.

Г. В. Абшилава и П. С. Пастухов полагают, что иные процессуальные действия надо рассматривать как способы собирания доказательств, альтернативные следственным действиям, поскольку прежде всего иные процессуальные действия, согласно статье 86 УПК РФ, предназначены для собирания доказательств, а не для принятия решений или оформления принимаемых решений¹⁰. Соглашаясь с данными авторами, проведем краткий анализ наиболее подверженных влиянию цифровой трансформации общества иных процессуальных действий.

Процессуальное действие «получение объяснений», предусмотренное статьей 144 УПК РФ, позволяет собрать необходимые для проверки сообщения о преступлении сведения. Более того, частью 1.2 статьи 144 разъясняется, что полученные с его помощью сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статьи 75 УПК РФ о недопустимых доказательствах и статьи 89 УПК РФ об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. Практика, в свою очередь, такова, что выявленные при проверке очевидцы, от которых получены объяснения, в последующем становятся свидетелями по уголовному делу, в рамках производства по которому их еще раз допрашивают, а при поступлении дела в суд вызывают для допроса в качестве свидетелей в судебном заседании. Зная это, практические работники при получении объяснений используют компьютер, в дальнейшем эти показания копируются в протоколы допроса, в обвинительное заключение или обвинительный акт и, что не редкость, в протоколы судебных заседаний, если не в приговоры, и письменные речи государственных обвинителей. Данный пример наглядно демонстрирует отсутствие какого-либо рационального зерна в такой деятельности.

В связи с изложенным представляется вполне убедительным предложение использовать полученные и зафиксированные посредством видеозаписи объяснения в качестве доказательств по уголовному делу. Во-первых, это исключило бы неправильную интерпретацию показаний при их записи, а во-вторых, значительно сократило бы сроки предварительного расследования, особенно по сложным делам со множеством очевидцев.

¹⁰ Абшилава Г. В., Пастухов П. С. Иные процессуальные действия в системе уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 1. С. 5–15.

Проблемы при использовании такого способа есть, и о них ведутся дискуссии в научном сообществе. Это прежде всего проблема идентификации опрашиваемого. Одновременно предлагаются и решения указанной проблемы – например, использование биометрических данных, цифрового профиля человека¹¹. Но это тема для отдельного исследования.

Перспективным в условиях цифровизации видится дистанционный способ получения объяснений с использованием видео-конференц-связи, тем более что названный способ уже предусмотрен для таких следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание. Эффект дистанционного способа получения объяснений для проверки сообщений о преступлениях очевиден. Приведем пример из практики. 26 ноября 2023 года Бардымским районным судом Пермского края постановлен обвинительный приговор в отношении гражданки Г. по 111 эпизодам мошенничества. Осужденная, зарегистрировав в одной из социальных сетей аккаунт, разместила информацию о продаже женской одежды и обуви с возможностью доставки в любой регион Российской Федерации при полной предоплате, не намереваясь в действительности продавать заявленный товар. Предварительным следствием было собрано достаточное количество доказательств по 111 эпизодам обвинения. Соответственно, по уголовному делу проходило такое же количество потерпевших из разных субъектов РФ. Пример этот наглядно демонстрирует, что преступная деятельность может распространяться на огромную территорию, что неизбежно осложняет проверку сообщений о преступлениях и, как следствие, приводит к увеличению сроков не только собственно проверки сообщений, но и раскрытия, а в последующем и расследования преступлений. Так, если обратиться к приговору по данному делу, то выяснится, что осужденная была освобождена от отбывания наказания по 10 эпизодам преступления в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Рассматривая в контексте цифровой трансформации общества такое процессуальное действие, как изъятие предметов и документов, следует обратить внимание на получение данным способом доказательств в виде электронного документа. Для изъятия электронного документа должностное лицо, независимо от того, следственное или иное процессуальное действие оно совершает, обязано знать, где находится изымаемый документ, и учитывать требования статьи 164.1 УПК РФ, предусматривающей особенности изъятия

---

¹¹ Зайцев О. А., Пастухов П. С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 281–308.

электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий.

Например, 26 мая 2021 года мировым судьей судебного участка № 1 Бардымского судебного района Пермского края постановлен обвинительный приговор в отношении гражданки К., обвиняемой в совершении мошенничества при получении пособий. Мировым судьей установлено, что гражданка К. с целью получить пособие по безработице предоставила заведомо ложные сведения путем подачи заявки через интернет-платформу «Работа в России» в ГКУ «Центр занятости населения Пермского края». Обстоятельством, подлежащим доказыванию, в данном случае являлся факт предоставления заведомо ложных сведений. В качестве доказательства дознанием был предъявлен скриншот заполненной на платформе «Работа в России» заявки, полученный от представителя потерпевшего в ходе проверки сообщения о преступлении. Указанная заявка обладала свойствами электронного документа: она существовала только в электронном виде, была заполнена и направлена с использованием цифровой платформы «Работа в России» и Единой системы идентификации и аутентификации¹².

При таких обстоятельствах в целях выемки электронного документа дознавателю надлежит установить, каким нормативным актом регламентирована работа цифровой платформы, как осуществляется идентификация и аутентификация пользователей, как подписываются заявления в электронной форме, кто является оператором цифровой платформы и где хранятся подписанные и направленные электронные документы. Предположим, что электронный документ размещен на сервере оператора цифровой платформы. Значит, дознаватель, установив физическое местоположение сервера, обязан провести требуемое процессуальное действие в данном месте с участием специалиста. Очевидно, что выполнение такого объема работы не является ни эффективным, ни рациональным. Заметим, что есть и другие способы. Например, удаленное изъятие – следственное действие, практикуемое в ФРГ. Однако правовых оснований для этого в отечественном законодательстве пока нет¹³.

---

¹² О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России»: постановление Правительства Рос. Федерации от 13 мая 2022 г. № 867.

¹³ Масленникова Л. Н., Сушкина Т. Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 214–224.

Задача получения имеющего доказательственное значение электронного документа может быть разрешена с использованием таких процессуальных действий, как истребование документов и предметов и их добровольное представление. Данные процессуальные действия схожи по своей сути, разница лишь в том, что в первом случае инициатива исходит от субъекта доказывания, а во втором – от иного участника уголовного судопроизводства.

В условиях цифровой трансформации общества приходится констатировать, что объем накапливаемой информации возрастает в геометрической прогрессии, что, несомненно, означает и рост информации, потенциально имеющей доказательственное значение. Это, с одной стороны, расширяет возможности подтверждения или опровержения версий, связанных с событием преступления, а с другой – приводит к многократному увеличению технических задач по обработке такой информации.

Обратимся еще к одному примеру. 10 февраля 2023 года мировым судьей судебного участка № 1 Бардымского судебного района Пермского края был постановлен обвинительный приговор в отношении гражданина Б., признанного виновным в краже металлических труб бывшего в употреблении водовода. Объем уголовного дела составил 20 томов, срок предварительного расследования – 11 месяцев. Основной объем собранных по делу документов составили ответы на запросы следователя, а также документы, переданные представителем потерпевшего. При этом большая часть документов доказательственного значения не имела. Так, следователем были получены сведения о входящих и исходящих соединениях абонента, банковские выписки движения денежных средств по счету. Данная информация был представлена в электронном виде на физических носителях, однако приобщена к уголовному делу в виде распечатки. Безусловно, в тактическом плане для опровержения потенциально возможных версий обвиняемого получение такой информации оправданно, но вместе с тем вызывает сомнение необходимость ее дублирования в уголовном деле на бумажном носителе, тем более что после изучения стало очевидным отсутствие в ней доказательственного значения.

Рассмотренные нами примеры иллюстрируют пути рационализации уголовного процесса, необходимой как с практической точки зрения, так и

с точки зрения формирования концептуально новой стратегии расследования уголовных преступлений¹⁴.

Краткий анализ использования некоторых иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, в работе органов предварительного расследования показывает, что влияние цифровой трансформации общества на доказывание посредством иных процессуальных действий в перспективе должно привести к повышению производительности органов предварительного расследования, сокращению сроков уголовного судопроизводства, экономии материальных ресурсов и трудозатрат, а значит, к более эффективному расследованию уголовных преступлений.

Библиографический список

Абшилава Г. В., Пастухов П. С. Иные процессуальные действия в системе уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 1. С. 5–15.

Акаткин Ю. М., Ясиновская Е. Д. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность. М.: URSS, 2019.

Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация / М. Петров, В. Буров, М. Шклярук, А. Шаров. М.: Центр стратегических разработок, 2018.

Грибанов Ю. И., Шатров А. А. Сущность, содержание и роль цифровой трансформации в развитии экономических систем // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 3-1. С. 44–48.

Зайцев О. А., Пастухов П. С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 752–777.

Зайцев О. А., Пастухов П. С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 281–308.

Зуев С. В. О современной Концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 618–629.

---

¹⁴ Зайцев О. А., Пастухов П. С. Формирование новой стратегии расследования преступлений...

Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 214–224.

Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017.

Информация для цитирования

Быков Д. С. Влияние цифровой трансформации общества на иные процессуальные действия как способы доказывания в уголовном процессе // Ex jure. 2023. № 4. С. 58–68. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-58-68.

Bykov D. S. The Impact of the Digital Transformation of Society on Other Procedural Actions as Methods of Evidence in Criminal Proceedings. Ex jure. 2023. № 4. Pp. 58–68. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-58-68.

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И. Т. Гасанов

Аспирант

Ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адвокат

Адвокатская палата Пермского края
614000, Россия, г. Пермь, ул. Куйбышева, 4

E-mail: i.t.gasanov@yandex.ru

Аннотация: в статье рассмотрены этапы становления и развития кассационного производства по уголовным делам в России – от Устава уголовного судопроизводства 1864 года до Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Автор обосновывает отсутствие необходимости вносить изменения в предмет кассационного производства (ст. 401.1 УПК РФ), ограничивая его только проверкой законности вступивших в законную силу судебных актов.

Ключевые слова: кассационное производство; защита прав личности в суде кассационной инстанции; кассация на современном этапе; кассационная жалоба

© Гасанов И. Т., 2023

STAGES OF THE FORMATION OF CASSATION PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES: FROM THE CHARTER OF CRIMINAL PROCEEDINGS TO THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

I. T. Gasanov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Chamber of Advocates of the Perm Region
4, Kuibysheva st., Perm, 614000, Russia

E-mail: i.t.gasanov@yandex.ru

Abstract: the article considers the stages of the formation and development of cassation proceedings in criminal cases in Russia, starting from the Charter of Criminal Proceedings of 1864 to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The author substantiates the absence of the necessity to amend the subject of cassation proceedings (Article 401.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), limiting its subject only to the verification of the legality of judicial acts that have entered into legal force.

Keywords: cassation proceedings; protection of individual rights in the court of cassation; cassation at the present stage; cassation appeal

настоящее время осмыслить сущность стадии кассационного производства по уголовным делам без обращения к предпосылкам ее возникновения, формирования и развития в различные исторические периоды не представляется возможным. Поэтому, чтобы понять, как защищались права личности при пересмотре судебных решений по уголовным делам в ретроспективе, необходимо проанализировать этапы становления и развития кассационного производства в России.

По утверждению Б. Г. Бардамова, «в различные исторические периоды развития России кассационное производство имело разное определение своей сущности, содержания и назначения»¹. Добавим к этому, что и сам кассационный пересмотр судебных решений заимствован российским законо-

---

¹ Бардамов Б. Г. Сущность, содержание и значение кассационного производства в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. С. 12.

дателем из французского законодательства, поэтому и термин «кассация», и сам институт являются по своему происхождению французскими².

Кассационное производство как институт уголовного процессуального права возникло в России в результате судебной реформы второй половины XIX века. Л. В. Головко отмечает, что «именно в дореволюционный период после проведения судебной реформы 1864 года и принятия Устава уголовного судопроизводства был сформирован понятийный инструментарий, имплементировавший в российскую доктрину ключевые научно-теоретические конструкции континентальной системы пересмотра приговоров, такие как апелляция, кассация, возобновление уголовных дел, деволютивный эффект, окончательный и неокончательный приговор и др.»³.

В юридической литературе отмечается, что Устав уголовного судопроизводства (далее – Устав, УУС) является «образцом законотворчества и правовой культуры»⁴, поэтому идеи, закрепленные в нем, до настоящего времени не утратили своей значимости. Безусловно, закрепление в Уставе кассационного пересмотра судебных актов стало важным шагом на пути гарантирования прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства⁵.

Согласно Уставу кассационный суд пересматривал приговор с точки зрения правильности применения норм права. При этом вопросы фактической стороны дела не являлись предметом кассационного разбирательства.

В кассационный суд заинтересованными лицами могли быть обжалованы окончательный приговор, который ранее стал предметом рассмотрения суда апелляционной инстанции, или приговор, который не подлежал апелляционному обжалованию (ст. 905 УУС). Также можно было обжаловать иные судебные решения, разрешавшие дело по существу и исключавшие возможность дальнейшего производства, – например, об оставлении без рассмотрения апелляционной (кассационной) жалобы в связи с пропуском срока обжалования⁶.

² См. об этом подробнее: Гехова Д. Х. Кассационное производство в российском уголовном процессе: генезис и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 19.

³ Курс уголовного процесса / [А. А. Арутюнян, Л. В. Брусицын, О. Л. Васильев и др.]; под ред. Л. В. Головко. М.: Статут, 2016.

⁴ Трусов А. И. Образец законотворчества и правовой культуры. URL: http://civil.consultant.ru/sudeb_ustav/.

⁵ Сумин А. А. Производство в суде кассационной инстанции: от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до современного УПК России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 102.

⁶ Спиридовон М. С. Кассационная проверка итоговых судебных решений в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2020. С. 20.

Кассационная жалоба на судебные решения могла быть подана только стороной по делу и исключительно в своих интересах (ст. 909 УУС).

Устав предусматривал определенные ограничения на подачу кассационной жалобы. Если приговор суда первой инстанции был утвержден судебной палатой и не обжалован в суд апелляционной инстанции, то УУС не допускал кассационного обжалования. Если судебной палатой приговор суда изменялся, то каких-либо запретов или ограничений на обжалование окончательного приговора не было (ст. 908 УУС).

М. С. Спиридовон отмечает, что «требования к содержанию и форме кассационной жалобы первоначально не упоминались в УУС, они регулировались разъяснениями Сената, которые не были достаточно строгими»⁷. Лишь впоследствии такие требования нашли в УУС свое закрепление.

Кассационная жалоба на приговор могла быть подана в соответствии с процедурой и сроками, предусмотренными УУС.

Законодатель установил обязательный залог для подачи кассационной жалобы, который, по его мнению, должен был способствовать уменьшению количества немотивированных и необоснованных кассационных жалоб. При этом предусматривалась процедура возврата залога кассатору в случае удовлетворения его жалобы, а если жалоба оставалась без удовлетворения – залог возврату не подлежал. Отсутствие финансовой возможности для внесения залога со стороны кассатора не освобождало его от такой обязанности.

Основания отмены окончательных приговоров были предусмотрены в статье 912 Устава. К таковым относилось всего три:

- 1) явное нарушение прямого смысла закона и неправильное толкование его при определении преступления и рода наказания;
- 2) нарушение обрядов и форм «столь существенных, что без соблюдения их невозможно признать приговор в силе судебного решения»;
- 3) нарушение «пределов ведомства или власти, законом представленной судебному усмотрению».

В отличие от современного уголовно-процессуального законодательства, по УУС «ошибка в ссылке на закон при определении преступления или проступка и назначении наказания не может служить поводом к отмене приговора, если наказание назначено то самое, которое определено законом, хотя и не тем, на который сделана ссылка» (ст. 913).

---

⁷ Спиридовон М. С. Указ. соч. С. 24.

По итогам рассмотрения уголовного дела кассационный суд, согласно УУС, был вправе жалобу оставить без рассмотрения либо без удовлетворения либо удовлетворить ее с полной или частичной отменой приговора.

При анализе пределов прав суда кассационной инстанции по УУС возникает вопрос о возможности увеличения наказания – например, в случае подачи жалобы стороной защиты. Усиление наказания подсудимому в суде кассационной инстанции допускалось Уставом только в том случае, если дело рассматривалось по инициативе стороны обвинения: жалобе частного обвинителя или протесту прокурора. Однако если при рассмотрении дела в кассационном порядке открывались какие-то новые обстоятельства, меняющие существо обвинения, то правило о недопустимости ухудшения положения подсудимого не применялось (ст. 931). Иными словами, в рассматриваемый исторический период законодательство фактически предусматривало правило о запрете поворота к худшему в кассационном суде. Кроме того, как справедливо обращает внимание И. В. Килина, «анализ норм УУС и их разъяснение, данное Сенатом, позволяют сделать вывод о том, что суд тех времен обладал большей процессуальной активностью, чем современный, не был связан юридической квалификацией действия, данной органами расследования, и, как следствие, был свободен в выборе материальной нормы закона»⁸.

Устав в статьях 926, 927 предусматривал, что решения Сената являются окончательными и оглашаются публично. Более того, в статье 933 указывалось, что решения Сената подлежат опубликованию в целях единообразия судебной практики.

Дальнейшее развитие института кассационного пересмотра судебных решений было остановлено событиями 1917 года, которые характеризовались полным отказом от буржуазных институтов. Одними из первых законодательных актов советской власти стали Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. № 1 «О суде» (далее – Декрет № 1) и Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде». Указанные документы предусматривали отказ от возможности апелляционного обжалования судебных решений – допускалась только кассация решений, что фактически означало переход к новой правовой реальности. Таким образом, кассация стала второй инстанцией и заняла место апелляции.

---

⁸ Килина И. В. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции: моногр. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 63.

Приобретение советской кассацией ее основных черт связывают с формированием союзного законодательства по вопросам судоустройства в 1938 году⁹.

До принятия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года¹⁰ кассационное производство в России регулировалось УПК РСФСР 1923 года¹¹.

Фактически до принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года¹² советское уголовно-процессуальное законодательство устанавливало различные ограничения кассационного пересмотра судебных решений. Например, одни нормативные акты запрещали такое обжалование, вторые ограничивали его по кругу дел, третьи – по кругу лиц. С развитием советского законодательства расширился перечень судебных актов, которые могли быть обжалованы в кассационном порядке; кроме того, правом кассационного обжалования стал наделяться любой участник уголовного процесса.

Таким образом, кассационное производство в советский период отличалось своим предметом (вопросы не только права, но и факта), объектами кассационного обжалования (не вступившие в силу судебные решения), субъектами кассационного обжалования, пределами прав суда кассационной инстанции.

В отличие от кассационного производства по УУС, ограничивавшего кассационное обжалование приговора в зависимости от того, реализовала ли сторона свое право на апелляционное обжалование, а также от ее позиции по делу, выраженной ранее, советская кассация действовала по принципу широкой свободы обжалования судебных решений.

Предусматривая подачу кассационной жалобы в течение определенного срока, УПК РСФСР 1960 года не предъявлял требования к ее форме и содержанию. Важной особенностью кассации в советский период являлась обязан-

---

⁹ См. об этом подробнее: Олейник И. И., Олейник О. Ю. Становление института кассации в советском судопроизводстве: историография проблемы // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 222–237; Ельевич М. И., Половоцкий Л. И. Исторический очерк развития советско-гражданского процесса // Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. 1949. Вып. 2. С. 422; Манова Н. С. Российская кассация: прошлое, настоящее, будущее // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6. С. 23.

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 27 окт. 1960 г. Далее – УПК РСФСР.

¹¹ Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 15 февр. 1923 г.

¹² Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 25 дек. 1958 г.

ность суда кассационной инстанции принять к производству жалобу или протест (в случае подачи такого процессуального документа) независимо от правильности изложенных в них доводов. Кроме того, при поступлении жалобы или протеста кассационный суд обязан был принять соответствующие меры по восстановлению нарушенных прав участников уголовного процесса.

Кассационную жалобу или протест вправе были подать прокурор и другие участники уголовного процесса: осужденный, оправданный, их защитник и законный представитель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители.

По жалобам сторон кассационный суд, согласно УПК РСФСР 1960 года, осуществлял проверку судебных решений с точки зрения их законности и обоснованности с учетом уже имеющихся в деле материалов и дополнительно представленных новых материалов. Следует оговориться, что дополнительные материалы не могли быть получены путем производства следственных действий. Мы разделяем позицию Д. Х. Геховой, которая справедливо отмечает, что «решение задач, поставленных перед советской кассацией, было невозможно, поскольку суд кассационной инстанции не проводил судебного следствия и, будучи лишенным права непосредственного исследования доказательств, не мог достоверно судить о всесторонности и полноте проведенного исследования»¹³.

Некоторые судебные решения по УПК РСФСР 1960 года обжалованию не подлежали. В частности, не могло быть обжаловано решение о приостановлении производства по делу.

В связи с наличием недостатков в законодательном регулировании кассационного производства Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1960 года исследователи отмечали необходимость расширить права участников уголовного судопроизводства для достижения эффективности работы суда кассационной инстанции.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что природа советской кассации имела смешанный характер, где особенности кассации переплетались с некоторыми элементами апелляционного производства. В частности, в соответствии с УПК РСФСР 1960 года кассационный суд по жалобе или протесту проверял и законность, и обоснованность судебных решений, не вступивших в законную силу.

---

¹³ Гехова Д. Х. Указ. соч. С. 68–69.

Для дальнейшего реформирования кассационного производства в России важное значение имела Концепция судебной реформы 1991 года¹⁴. Согласно этой Концепции целью кассационного пересмотра судебных решений должна быть проверка законности решений на основании материалов дела. При этом Концепция предполагала введение апелляционного пересмотра судебных решений, то есть повторного непосредственного исследования судом доказательств.

После распада СССР и до принятия нового УПК РФ в 2001 году¹⁵ кассационное производство осуществлялось в советском варианте, несмотря на принятие в 1993 г. Конституции Российской Федерации¹⁶, провозгласившей новые принципы уголовного судопроизводства. Развитие кассации с 1993 года до принятия нового УПК РФ может быть охарактеризовано как неоднозначное: с одной стороны, правила советского кассационного производства применялись до утраты силы УПК РСФСР 1960 года¹⁷, с другой – перед судами кассационной инстанции встал вопрос об обеспечении реализации новых принципов уголовного процесса, закрепленных в Конституции РФ¹⁸.

Отказ от советского кассационного производства начался с момента принятия УПК РФ в 2001 году¹⁹. Здесь наряду с кассационным пересмотром судебных решений был предусмотрен апелляционный пересмотр. Однако апелляция носила ограниченный характер: она распространялась лишь на не вступившие в законную силу решения мирового судьи.

В рамках развития современной российской кассации также можно выделить периоды, в которые институт кассационного производства претерпел существенные изменения. Это периоды с 2001 по 2013 год, с 2013 по 2019 год и с 2019 года по настоящее время.

В период с 2001 по 2013 год предметом кассационного рассмотрения уголовных дел являлись *законность, обоснованность и справедливость*

---

¹⁴ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 окт. 1991 г. № 1801-1.

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 27 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. Далее – УПК РФ.

¹⁶ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.).

¹⁷ Утратил силу с 1 июля 2002 г., за исключением положений, для которых Федеральным законом от 18 дек. 2001 г. № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» установлены иные сроки признания их утратившими силу.

¹⁸ Спиридонов М. С. Указ. соч. С. 44.

¹⁹ Червоткин А. С. Апелляция и кассация: пособие для судей. М.: Проспект, 2010.

приговора и иного судебного решения. Обжалование участниками уголовного процесса в кассационном порядке допускалось в течение 10 суток. Такое основание для отмены или изменения судебных решений в суде кассационной инстанции, как односторонность или неполнота доказания, предварительного или судебного следствия, было исключено.

В отличие от УПК РСФСР 1960 года в УПК РФ законодатель стремился придать решающее значение доводам, приводимым в жалобах лиц, участвующих в деле. В этой связи более строгими стали требования к содержанию жалобы. И если кассатор нарушал предъявляемые к жалобе требования, то жалоба возвращалась заявителю для устранения недостатков.

Несмотря на отдельные «вкрапления» классической кассации в новый УПК РФ, кассационное производство до 2013 года не было основано на классическом варианте, что и обусловило продолжение реформы. Кроме того, о необходимости реформирования данной стадии уголовного судопроизводства свидетельствовали правовые позиции Европейского суда по правам человека. ЕСПЧ неоднократно отмечал, что одним из основополагающих аспектов господства права является принцип правовой определенности, который среди прочего требует, чтобы принятые судами окончательное решение не могло быть оспорено. Данный принцип предполагает, что «стороны не вправе добиваться пересмотра судебного решения лишь в целях повторного рассмотрения дела и вынесения нового решения. Полномочия вышестоящих судов по пересмотру судебных решений должны осуществляться в целях исправления грубых судебных ошибок и несправедливости при отправлении правосудия, а не ради повторного рассмотрения дела»²⁰.

Развитие кассационного производства в России (2013–2019) связано со вступлением в силу с 1 января 2013 г. Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (далее – № 433-ФЗ). До 2013 года предметом кассационного пересмотра являлись законность, обоснованность и справедливость судебных решений, не вступивших в законную силу (ст. 332 УПК РФ). Однако уже с 2013 г.,

---

²⁰ См.: Постановления ЕСПЧ по делам: «Рябых против Российской Федерации» от 24 июля 2003 г. (жалоба № 52854/99), «Праведная против России» от 18 нояб. 2004 г. (жалоба № 69529/01); «Сидоренко против Российской Федерации» от 8 июля 2007 г. (жалоба № 4459/03); «Смирницкая и другие против Российской Федерации» от 5 июля 2007 г. (жалоба № 852/02); «Кондрашина против Российской Федерации» от 19 июля 2007 г. (жалоба № 69533/01).

с принятием № 433-ФЗ, предмет кассационного пересмотра изменился. В соответствии со статьей 401.1 УПК РФ предметом кассационного пересмотра в настоящее время является «проверка по кассационным жалобе, представлению законности приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу». Таким образом, из предмета кассационного пересмотра были исключены обоснованность и справедливость судебных решений.

Вместе с тем вывод о том, что кассационный суд рассматривает судебные акты лишь на предмет их законности, представляется неоднозначным, и в юридической литературе по этому вопросу высказываются разные точки зрения. В частности, предложенное законодателем нормативное определение предмета кассации поддержал Н. Н. Ковтун, который уверен, что «окончательные акты суда a priori не могут быть предметом повторной проверки на предмет фактической обоснованности итоговых выводов нижестоящего суда, ибо уголовное дело на этот предмет уже дважды рассматривалось и разрешалось по существу судом: в первой и апелляционной инстанциях»²¹. Напротив, Г. Я. Борисевич считает, что, несмотря на отсутствие прямого указания в законе, суд кассационной инстанции осуществляет проверку обоснованности судебных решений. По мнению ученого, чтобы определить характер нарушений уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, суд обязан, образно говоря, «взглянуть в корень», проанализировать содержание фактических оснований приговора или иного судебного решения²². Как отмечает М. К. Свиридов, ограничение предмета кассационного производства проверкой только законности судебных актов имеет ряд существенных недостатков: «...оно не всегда выполнимо, поскольку не всегда можно отграничить законность от обоснованности; создает для кассационных судов сложные, порой тупиковые ситуации; ставит кассационный суд в положение, не соответствующее статусу суда как органа правосудия»²³.

---

²¹ Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / [Е. А. Борисова, Л. В. Головко, Н. Н. Ковтун и др.]; под общ. ред. Н. А. Колоколова. М.: Юрист, 2011.

²² Борисевич Г. Я. Предмет рассмотрения дел судом кассационной инстанции в процессуальном праве Российской Федерации // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 16–17 октября 2015 г.): избр. материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Старт, 2016. С. 38–47.

²³ Свиридов М. К. Вопросы совершенствования кассационного производства в российском уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 23. С. 77.

Представляются правильными мнения тех ученых, которые считают, что для исправления существенных нарушений закона, допущенных судами нижестоящих инстанций, кассационный суд обязан проверять судебные решения с точки зрения не только законности, но и обоснованности, поскольку на практике очень сложно отличить законность от обоснованности. При этом, безусловно, речь идет об исправлении только существенных, то есть иска-жающих суть правосудия, нарушений, тогда как несущественные, то есть не повлиявшие на исход дела, нарушения исправлению судом кассационной инстанции не подлежат. Вместе с тем полагаем, что дополнение предмета кассационного производства *обоснованностью* (вкупе с *законностью*) приведет фактически к аналогии с апелляционным производством, что нельзя признать допустимым и приемлемым.

Следующая характеристика кассационного производства касается вопроса о сроках кассационного обжалования судебных решений. До принятия Федерального закона № 518-ФЗ от 31 декабря 2014 г.²⁴ вступившее в законную силу судебное решение могло быть обжаловано в кассационный суд в течение одного года. При этом если срок для подачи жалобы был пропущен по уважительной причине, он мог быть восстановлен. В то же время в УПК РФ существовала норма, согласно которой обжалование приговора при повороте к худшему допускалось только в течение одного года. Законодатель, отменяя норму о годичном сроке для подачи кассационной жалобы, указал, что ограничение сроков подачи такой жалобы не способствует укреплению законности и исправлению допущенных судебных ошибок.

Изменение предмета кассационного производства неизбежно повлекло изменение оснований отмены или изменения состоявшихся судебных решений (ст. 401.15 УПК РФ). Ими стали «существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, либо выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве».

Таким образом, российская кассация прошла противоречивый исторический путь становления и развития и к 2019 году сформировалась как исключительная стадия уголовного процесса. При этом предметом кассации

²⁴ О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федер. закон от 31 дек. 2014 г. № 518-ФЗ: принят Гос. Думой 19 дек. 2014 г.: одобрено Советом Федерации 25 дек. 2014 г.

формально оставалась законность, однако на практике ею не ограничивались: в случае необходимости защиты прав личности суды проверяли и фактическую сторону вопроса.

Существующие проблемы кассационного производства к 2019 году вынудили законодателя искать новые варианты совершенствования кассационного производства по уголовным делам. Инициатором следующего этапа реформирования (с 2019 г. по настоящее время) выступил Верховный Суд РФ. Высшая судебная инстанция России обосновала свою инициативу тем, что рассмотрение дела в пределах одного региона, а тем более в одном и том же суде не соответствует высоким стандартам независимости правосудия. Конечно, когда решение, принятное одним судьей, проверяет его коллега из этого же суда, у участников уголовного процесса и общества в целом не могут не возникать вопросы²⁵. Вместе с тем, как справедливо отмечает А. В. Кудрявцева, территориальное размещение кассационных судов – самый сложный аспект, поскольку неизбежно возникнут вопросы, связанные с территориальной доступностью правосудия для сторон и участников процесса²⁶.

В результате законодательной инициативы Верховного Суда РФ был принят и Федеральный закон от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – № 361-ФЗ), который внес изменения в порядок кассационного обжалования. Для нового, действующего с 1 октября 2019 г. кассационного порядка обжалования судебных актов значение имеет вид обжалуемого судебного решения, а также уровень суда, вынесшего обжалуемое решение.

Теперь в кассационном суде параллельно осуществляются сплошная и выборочная кассации. Фактически одно и то же судебное решение, например приговор районного суда, может быть обжаловано сначала в порядке сплошной кассации (в кассационный суд общей юрисдикции), в дальнейшем в порядке выборочной кассации (в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ).

Отличия в порядке сплошной кассации и выборочной заключаются в следующем. При сплошной кассации кассационная жалоба (представление) подается на итоговые судебные решения через суд первой инстанции. Если

---

²⁵ См. об этом подробнее: Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 134–146.

²⁶ Кудрявцева А. В. Создание апелляционных и кассационных судов повысит авторитет судебной власти // Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 478–500.

жалоба (представление) соответствует требованиям УПК РФ, суд первой инстанции после проведения подготовительных действий (извещение заинтересованных о поступлении жалобы, приобщение возражений на нее и др.) направляет в кассационный суд уголовное дело вместе с жалобой (представлением). Кассационный суд при поступлении жалобы (представления) из суда первой инстанции *без предварительного ее изучения* принимает решение о назначении судебного заседания. Для выборочной кассации сохранилось двухэтапное кассационное производство. В порядке выборочной кассации жалоба (представление) подается на *промежуточные судебные решения*, а также на судебные решения, которые ранее рассматривались в кассационном порядке, в так называемой первой кассации. При этом жалоба (представление) подается непосредственно в кассационный суд, где судья кассационного суда предварительно ее изучает на наличие оснований для отмены или изменения судебных решений (*первый этап*). При наличии таких оснований им принимается решение о передаче дела для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, а при их отсутствии – выносится решение об отказе в передаче дела (*второй этап*).

Федеральным законом от 24 февраля 2021 г. № 15-ФЗ²⁷ установлен шестимесячный срок кассационного обжалования судебных решений в порядке сплошной кассации. Полагаем, что указанные изменения стоит оценивать положительно: они предостерегут недобросовестных участников процесса от злоупотребления правом путем принесения кассационных жалоб, представлений.

Следующим важным этапом в совершенствовании института кассационного пересмотра по уголовным делам является принятие Федерального закона от 28 июня 2022 г. № 216-ФЗ²⁸. Согласно внесенным новым законом изменениям судебные решения не могут быть обжалованы в порядке сплошной кассации, если указанные судебные решения не были предметом рассмотрения суда апелляционной инстанции. Как отмечено в пояснительной записке к законопроекту, указанные изменения направлены «на унификацию процессуального законодательства (так как обжалование судебного

²⁷ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 февр. 2021 г. № 15-ФЗ: принят Гос. Думой 9 февр. 2021 г.: одобрен Советом Федерации 17 февр. 2021 г.

²⁸ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 28 июня 2022 г. № 216-ФЗ: принят Гос. Думой 21 июня 2022 г.: одобрен Советом Федерации 22 июня 2022 г.

акта суда первой инстанции в апелляционном порядке является обязательным условием возникновения права на подачу кассационной жалобы в других видах судопроизводства), а также... на стимулирование участников процесса активнее использовать механизм апелляционного обжалования судебных актов, который предусматривает более широкий спектр процессуальных средств и возможностей для исправления судебных ошибок, чем кассационное производство»²⁹.

Таким образом, анализ истории становления и развития кассационного производства в России, постоянно изменяющегося законодательства, правоприменительной практики, позиции ученых-процессуалистов по рассматриваемому вопросу позволяет сделать ряд выводов.

Ретроспектива кассационного производства по уголовным делам показывает, что в России в различные исторические периоды предпринимались попытки найти наиболее приемлемые его формы с целью исправления судебных ошибок. При этом уровень защищенности прав личности на разных этапах развития отечественного кассационного производства был разным, и это зависело прежде всего от политических и правовых приоритетов нашего государства.

Следует констатировать, что к началу 2023 года кассация по УПК РФ сформировалась как исключительная стадия уголовного процесса по обжалованию вступивших в законную силу судебных решений. Предмет кассационного производства формально ограничивается вопросами права, однако на практике сохраняется возможность проверки обоснованности и справедливости судебных актов.

Как указывалось выше, предмет кассационного производства по уголовным делам имеет определенные недостатки, однако это не свидетельствует о необходимости внесения изменений в статью 401.1 УПК РФ. Такие предложения (если они будут реализованы) фактически приведут к размытию границы между апелляционным пересмотром судебных решений и кассационным.

Представляется, что если судебные решения вступили в законную силу, то отменять или изменять данные решения возможно только в случае существенных нарушений закона. При этом несущественные нарушения закона

---

²⁹ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 41153-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/41153-8>.

не влекут отмены судебных решений. Устранение несущественных нарушений закона, которые не искажают суть правосудия, не является задачей суда кассационной инстанции, и, следовательно, они не должны устраниться кассационным судом.

В связи с имеющимися недостатками кассационного производства законодатель продолжает искать оптимальные варианты совершенствования данной стадии с целью максимальной защиты прав и свобод личности при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений, чтобы оперативно и своевременно исправлять судебные ошибки нижестоящих судов.

Библиографический список

Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / [Е. А. Борисова, Л. В. Головко, Н. Н. Ковтун и др.]; под общ. ред. Н. А. Колоколова. М.: Юрист, 2011.

Бардамов Б. Г. Сущность, содержание и значение кассационного производства в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006.

Борисевич Г. Я. Предмет рассмотрения дел судом кассационной инстанции в процессуальном праве Российской Федерации // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 16–17 октября 2015 г.): избр. материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 38–47.

Гехова Д. Х. Кассационное производство в российском уголовном процессе: генезис и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

Ельевич М. И., Поволоцкий Л. И. Исторический очерк развития советского гражданского процесса // Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. 1949. Вып. 2. С. 402–466.

Килина И. В. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции: моногр. М.: Юрлитинформ, 2020.

Кудрявцева А. В. Создание апелляционных и кассационных судов повышит авторитет судебной власти // Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 478–500.

Курс уголовного процесса / [А. А. Арутюнян, Л. В. Брусицын, О. Л. Васильев и др.]; под ред. Л. В. Головко. М.: Статут, 2016.

Манова Н. С. Российская кассация: прошлое, настоящее, будущее // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6. С. 21–29.

Момотов В. В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (часть I) // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 134–146.

Олейник И. И., Олейник О. Ю. Становление института кассации в советском судопроизводстве: историография проблемы // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 222–237.

Свиридов М. К. Вопросы совершенствования кассационного производства в российском уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 23. С. 73–80.

Спиридовон М. С. Кассационная проверка итоговых судебных решений в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2020.

Сумин А. А. Производство в суде кассационной инстанции: от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до современного УПК России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 101–105.

Трусов А. И. Образец законотворчества и правовой культуры. URL: http://civil.consultant.ru/sudeb_ustav/.

Червоткин А. С. Апелляция и кассация: пособие для судей. М: Прoспект, 2010.

Информация для цитирования

Гасанов И. Т. Этапы становления кассационного производства по уголовным делам: от Устава уголовного судопроизводства до Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // *Ex jure*. 2023. № 4. С. 69–84. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-69-84.

Gasanov I. T. Stages of the Formation of Cassation Proceedings in Criminal Cases: from the Charter of Criminal Proceedings to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Ex jure*. 2023. № 4. Pp. 69–84. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-69-84.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ СУДЕЙ

О. В. Добровлянина

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: odobr1@mail.ru

Аннотация: отмечается, что следственные действия в отношении судей проводятся в особом порядке, дается анализ отдельных следственных действий. Рассматриваются правила Уголовно-процессуального кодекса РФ и Федерального закона «О статусе судей в Российской Федерации» о порядке производства отдельных следственных действий в отношении судей, лишенных неприкосновенности, а также судей, не лишенных неприкосновенности. Критически оцениваются положения закона о производстве обыска, и обосновывается необходимость отказа от особого порядка его производства у указанных категорий. Делается вывод о целесообразности упрощения производства по уголовным делам, и аргументируется необходимость устранения рассогласованности норм различных законов о порядке производства отдельных следственных действий в отношении судей.

Ключевые слова: следственные действия; отдельные следственные действия; отдельные категории лиц; обыск, судьи

© Добровлянина О. В., 2023

LEGAL REGULATION OF INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS IN RELATION TO JUDGES

O. V. Dobrovlyanova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: odobr1@mail.ru

Abstract: the article notes that investigative actions are carried out in a special manner with respect to judges. The types of individual investigative actions in relation to judge are investigated. The rules of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On the Status of Judges in the Russian Federation" on the procedure for conducting individual investigative actions in relation to judges deprived of immunity, as well as against judges not deprived of immunity, are considered. The provisions of the law on search in relation to these categories of judges are critically evaluated. The necessity of abandoning a special procedure for conducting a search in relation to judges is justified. The conclusion is made about the expediency of simplifying criminal proceedings in relation to judges. Arguments are presented about the need to exclude the inconsistency of the norms of various laws on the procedure for conducting individual investigative actions in relation to judges.

Keywords: investigative actions; individual investigative actions; individual categories of persons; the search; judges

Правовое регулирование отдельных следственных действий в отношении судей не является совершенным и требует разъяснений и уточнений. К отдельным следственным действиям в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹ относится обыск в отношении судьи, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления (ч. 4 ст. 450), а также следственные действия, осуществляемые на основании судебного решения, если уголовное дело в отношении судьи не было возбуждено или судья не был привлечен в качестве обвиняемого (ч. 5 ст. 450). В части 4 статьи 450 УПК РФ закреплена необходимость получения мотивированного решения Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей на производство обы-

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 04.08.2023). Далее – УПК РФ.

ска у судьи, в отношении которого уже возбуждено уголовное дело или который уже привлечен в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 450). То есть лишенный судейской неприкосновенности судья по-прежнему «особо» защищается законом.

Эти правила порождают несколько вопросов.

Какой вид обыска в отношении судьи должен проводиться с учетом особенностей, предусмотренных частью 4 статьи 450 УПК РФ? Поскольку личный обыск есть разновидность обыска, то, надо думать, законодатель предполагал проводить его с учетом согласований, установленных частью 4 статьи 450, что нивелирует эффективность тактических моментов личного обыска. Но еще более интересен вопрос об исключительных случаях личного обыска в отношении судьи. Ведь для таких случаев по общему правилу, предусмотренному частью 2 статьи 184 УПК РФ, нет необходимости получать судебное разрешение (постановление следователя). Представляется, что без отлагательный характер личного обыска, в силу самой его природы, должен исключать какие-либо согласования, предусмотренные частью 4 статьи 450 УПК РФ, и личный обыск в отношении судьи необходимо проводить по общим правилам, предусмотренным статьями 184 и 165 УПК РФ. При этом гарантий, связанных с судебной защитой прав и законных интересов, судья не лишится.

Кроме того, что означает формулировка «обыск в отношении судьи»? Распространяется ли положение части 4 статьи 450 УПК РФ на обыск помещения, в котором судья не проживает, но является его собственником и в котором проживает на постоянной основе, например, сын судьи со своей семьей? И по каким правилам получать согласие/разрешение на обыск этого жилища правопримениителю – в порядке статьи 165 УПК РФ (по судебному разрешению) или части 4 статьи 450 УПК РФ (и по судебному разрешению соответствующей судебной коллегии, и с согласия квалификационной коллегии судей)? Последнее, как представляется, вряд ли уместно: к чему создавать необоснованные привилегии для судьи?

Интересен вопрос и о том, о какой квалификационной коллегии судей идет речь – Высшей или образованной в каждом субъекте РФ? Чтобы разобраться, необходимо изучить ряд нормативно-правовых актов. Так, из положения, предусмотренного пунктом 4 части 1 статьи 448 УПК РФ, следует, что согласие на возбуждение уголовного дела в отношении всех федеральных судей, кроме Конституционного Суда РФ, и судей субъектов РФ дает только

Высшая квалификационная коллегия судей РФ. Законодатель, таким образом, усилил гарантии для судей и предпринял попытку унифицировать процедуру возбуждения в отношении них уголовных дел. Однако, устанавливая правило о производстве обыска в отношении судей, уточнений не внес. В пункте 7 статьи 16 закона «О статусе судей в Российской Федерации»² по этому вопросу содержится отсылка к «федеральному уголовно-процессуальному закону». Получается, что обыск в отношении судей необходимо проводить по правилам части 4 статьи 450 УПК РФ, в которой нет уточнения о виде квалификационной коллегии судей в РФ. Федеральный закон «Об органах судейского сообщества»³ и Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей⁴ конкретики, увы, не добавляют. Между тем для правоприменителя вопрос, связанный с гарантиями прав участников процесса, а также с соблюдением процедуры, установленной законом, важен и актуален. С одной стороны, можно порассуждать. Например, если задуматься о более быстром решении вопроса об обыске (хотя об оперативности все равно говорить сомнительно), то в норме необходимо уточнить, что согласие на производство обыска в отношении судьи должна давать квалификационная коллегия судей субъекта РФ. В то же время, принимая во внимание тенденцию усиления гарантий для судей, следует закрепить эту обязанность за Высшей квалификационной коллегией судей РФ. Тогда будет достигнуто некоторое единообразие: эта коллегия и в процедуре возбуждения уголовного дела участвует, и согласие на обыск выдает. С другой стороны, не миновать вопроса о том, почему органы судейского сообщества, не выступающие участниками уголовного судопроизводства, должны продолжать влиять на ход уголовного процесса? Так ли необходимы повышенные гарантии для судьи, уже лишенного неприкосновенности? Конституционный Суд РФ, дающий согласие на производство обыска в отношении судьи Конституционного Суда РФ, тоже не относится к участникам уголовного процесса. Однако и решение квалификационной коллегии судей РФ, и решение Конституционного Суда РФ оказываются «процессуальными», хотя принимаются они не в уголовно-процессуальном

---

² О статусе судей в Российской Федерации: Закон Рос. Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 10.07.2023). Далее также Закон о статусе судей.

³ Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: Федер. закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ: принят Гос. Думой 15 февр. 2002 г.: одобрен Советом Федерации 27 февр. 2002 г. (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023).

⁴ Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей: утв. Высшей квалификационной коллегией судей РФ 22 марта 2007 г. (ред. от 21.09.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.03.2023).

порядке. При этом законодатель выделяет указанной коллегии/Суду для принятия мотивированного решения пять суток со дня поступления представления Председателя Следственного комитета РФ. «Безотлагательность» обыска исключается.

По части 4 статьи 450 УПК РФ нет ясности и в том, решение какого «соответствующего» суда вместе с представлением Председателя Следственного комитета РФ должно поступить в Конституционный Суд РФ или в квалификационную коллегию судей для получения мотивированного решения о производстве обыска. Рассматриваемое правило работало тогда, когда действовала норма об обязательном заключении определенного законом суда о наличии или отсутствии признаков преступления в действиях судьи⁵. Сегодня этого в процедуре не предусмотрено. Получается, что положение о «соответствующем» суде предполагает общие правила по части 2 статьи 165 УПК РФ. Но вот зачем законодателю устанавливать двухступенчатый контроль в этом вопросе (сначала получение разрешения «соответствующего» суда, затем получение согласия так называемого «корпоративного органа» на обыск)? Почему нельзя ограничиться только судебным контролем в порядке статьи 165 УПК РФ, то есть применять общие правила о производстве следственных действий, вторгающихся в сферу конституционно охраняемых прав граждан? Представляется, что этот инструмент более эффективен в вопросах, связанных с предварительным и последующим судебным контролем. Простой пример. Имеется необходимость в безотлагательном проведении обыска в жилом помещении судьи – например, при поступлении информации о том, что обвиняемый (судья) собирается уничтожить доказательства. Что же делать правопримениителю? Часть 4 статьи 450 УПК РФ не содержит каких-либо исключений. По действующему в ней положению нельзя применить и институт последующего судебного контроля за законностью производства следственного действия: орган судейского сообщества не будет оценивать законность результатов проведенного обыска, да еще и по процедуре, установленной другими нормативно-правовыми актами, а не уголовно-процессуальным законом. Применение же части 5 статьи 165 УПК РФ позволило бы следователю решить поставленную задачу. А значит, целесообразность предусмотренного частью 4 статьи 450 УПК РФ контроля следует поставить под сомнение. Более того, например, Н. В. Романенко, оценивая часть 4

⁵ См.: Добровлянина О. В. Отдельные следственные действия // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1. С. 33–34.

статьи 450, считает, что «данные положения, скорее всего, являются технической ошибкой вследствие их заимствования из предыдущей нормы ч. 3 ст. 450 УПК РФ, регулирующей аналогичные отношения для члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы, Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, Уполномоченного по правам человека в РФ»⁶. Таким образом, следует сделать вывод о целесообразности исключения положений части 4 статьи 450 УПК РФ.

В части 5 статьи 450 УПК РФ говорится о следственных действиях в отношении судьи, не пребывающего в статусе подозреваемого или обвиняемого. Речь идет о следственных действиях, для производства которых требуется получить согласие суда (это довольно большой перечень, предусмотренный частью 2 статьи 29 УПК РФ). Но при этом суд, осуществляющий предварительный судебный контроль в данном случае, указан в статье 448, а не в статье 165 УПК РФ. На первый взгляд все предельно ясно: правило связано с гарантиями статуса судей, поэтому установлена специальная процедура. Но, принимая во внимание отмену в 2008 году положений статьи 448 УПК РФ о судебных заключениях в отношении судей⁷ и сохранение первоначальной формулировки части 5 статьи 450 УПК РФ, сегодня непонятно, какой именно суд санкционирует производство таких отдельных следственных действий.

При буквальном толковании положений части 5 статьи 450 и пункта 3 части 1 статьи 448 УПК РФ получается, что Конституционный Суд РФ санкционирует и производство следственных действий в отношении не пребывающего в статусе подозреваемого/обвиняемого судьи этого суда. Что касается других судей, не лишенных судейской неприкосновенности, то в соответствии с УПК РФ здесь должен действовать общий порядок, предусмотренный статьями 29 и 165, поскольку отдельных (специальных) уголовно-процессуальных правил для судей нет. Формально такие правила законодатель установил лишь для адвокатов в части 3 статьи 450.1 УПК РФ, при этом, в отличие от судей, четко указав в пункте 5.2 части 2 статьи 29 УПК РФ, кому суду над-

---

⁶ Романенко Н. В. Концепция совершенствования особого порядка уголовного производства в отношении судей в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 294.

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции». Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 280-ФЗ: принят Гос. Думой 19 дек. 2008 г.: одобрен Советом Федерации 22 дек. 2008 г.

лежит санкционировать отдельные следственные действия (это районный суд и военный суд соответствующего уровня).

Вместе с тем не стоит забывать, что для судей огромное значение имеет так называемый «статусный закон» – Федеральный закон «О статусе судей в Российской Федерации», в пункте 7 статьи 16 которого закреплено:

«Осуществление в отношении судьи... следственных действий (если в отношении судьи не возбуждено уголовное дело либо он не привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу), связанных с ограничением его гражданских прав либо с нарушением его неприкосновенности, определенной Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами, допускается не иначе как на основании решения, принимаемого:

в отношении судьи Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, кассационного суда общей юрисдикции, апелляционного суда общей юрисдикции, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, военного суда, арбитражного суда – судебной коллегией в составе трех судей Верховного Суда Российской Федерации;

в отношении судьи иного суда – судебной коллегией в составе трех судей соответственно верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа».

Что из этого следует? Указанные правила «статусного закона» существенно отличаются от тех, что установлены на сегодняшний день в УПК РФ. И здесь возникает трудная задача для правоприменителя. Так, в части 5 статьи 450 УПК РФ говорится о следственных действиях, требующих судебного санкционирования, то есть предусмотренных статьей 29 УПК РФ, а в пункте 7 статьи 16 Закона о статусе судей – о следственных действиях, связанных с ограничением гражданских прав судьи либо с нарушением его неприкосновенности. В последнем случае благодаря формулировке речь идет фактически о любом следственном действии в отношении судьи, и каждый раз, даже для следственного эксперимента и производства судебной экспертизы, законодатель обязывает правопримениеля получать судебное разрешение. Это крайне сомнительно и явно требует доработки. Однако удивительным сей факт не является. Достаточно вспомнить определение Конституционного

Суда РФ от 11 апреля 2019 года № 863-О, разъясняющее, что все следственные действия в отношении адвокатов могут проводиться лишь по судебному решению⁸.

Также нельзя не обратить внимания на несостыковки в деталях процедур, установленных рассматриваемыми положениями УПК РФ и Закона о статусе судей. Например, если исследовать вопрос о производстве следственных действий в отношении судьи Конституционного Суда РФ, требующих судебного санкционирования, то становится очевидным противоречие между положениями части 5 статьи 450 УПК РФ и пунктом 7 статьи 16 Закона о статусе судей. Согласно УПК РФ (исходя из трактовки части 5 статьи 450, отсылающей к статье 448) санкционировать производство отдельных следственных действий должен Конституционный Суд РФ, поскольку именно он указан законодателем в части 1 статьи 448 как ключевой участник процедуры лишения неприкосновенности судьи Конституционного Суда РФ. Вопреки этому и в силу пункта 7 статьи 16 Закона о статусе судей указанную роль исполняет судебная коллегия в составе трех судей Верховного Суда РФ. В отношении других судей, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми по уголовному делу, «статусным законом» установлены правила производства следственных действий, требующих судебного разрешения, не обозначенные в УПК РФ. Однако УПК РФ устанавливает общие правила производства следственных действий по судебному разрешению и регулирует производство по уголовным делам, являясь кодифицированным нормативно-правовым актом. Как же быть правопримениителю? Следуя позиции Конституционного Суда РФ, разрешающего подобные правовые коллизии в пользу того нормативного правового акта, который предусматривает больший объем прав и свобод граждан и устанавливает более широкие их гарантии⁹, судебная практика идет по пути применения положений пункта 7 статьи 16 Закона о статусе судей¹⁰.

---

⁸ По жалобе граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 11 апр 2019 г. № 863-О.

⁹ См., например: По жалобе граждан С. В. Бородина, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 8 нояб. 2005 г. № 439-О.

¹⁰ См., например: Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21 мая 2020 г. по делу № АПЛ20-122.

С одной стороны, установлен приоритет УПК РФ перед другими федеральными законами, когда положения этих законов, непосредственно регулирующие порядок производства по уголовным делам, противоречат УПК РФ (ч. 1 и 2 ст. 7). С другой стороны, «статусный закон» создает для судей гарантии, которых нет в УПК РФ. Безусловно, хотелось бы достичь согласованности норм и правовой определенности, так как «структуроирование системы федерального законодательства, по общему правилу, предполагает, что установление новых норм, регулирующих уголовно-процессуальные отношения, – согласно самой сути и природе уголовно-процессуального закона – должно быть согласовано с УПК РФ»¹¹.

Вместе с тем целесообразно обратить внимание и на громоздкие формулировки при описании процедуры уголовного судопроизводства в отношении судей, затрудняющие восприятие правопримениителем их смысла. О сложности «нормативного языка» периодически пишут в юридической литературе. В частности, отмечается, что «на нормативном уровне отсутствуют какие-либо требования (показатели) к ясности и понятности языка закона, которых должны придерживаться разработчики законопроекта или согласующие его органы»¹². И это действительно проблема применительно к рассматриваемому в статье вопросу. После быстрого прочтения текста части 5 статьи 450 УПК РФ или положений пункта 7 статьи 16 Закона о статусе судей начинающий правоприменитель из-за громоздкости и противоречивости лингвистических конструкций, которые содержатся в этих положениях, вряд ли сразу сориентируется в вопросе о процедуре производства в отношении судей следственных действий, осуществляемых по судебному разрешению.

Таким образом, налицо несовершенство правового регулирования, потому что взаимосвязанные нормы уголовно-процессуального закона – часть 1 статьи 448 (в части процедуры привлечения судей к уголовной ответственности) и часть 5 статьи 450 УПК РФ – не скорректированы, так же как не учтены эти положения и при установлении правил, предусмотренных пунктом 7 статьи 16 Закона о статусе судей (или наоборот).

---

¹¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П.

¹² Кнутов А. В., Чаплинский А. В., Алимзяев Д. Р. Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 408.

Очевидна непоследовательность законодателя в вопросе о производстве отдельных следственных действий в отношении судей. Процессуальные гарантии для судьи, связанные с производством, например, обыска, не должны затруднять (затягивать) ход расследования. Представляется целесообразным отказ от положений части 5 статьи 450 УПК РФ и пункта 7 статьи 16 Закона о статусе судей. Судебный контроль, предусмотренный частью 2 статьи 29 и частью 2 статьи 165 УПК РФ, должен являться единственной гарантией соблюдения прав всех участников уголовного судопроизводства, в том числе и судей. Безусловно, при этом важно заботиться о повышении качества работы судов, совершенствовать механизм судебного контроля, чтобы институт судебной защиты прав действительно эффективно работал. Необходимо внести соответствующие изменения и в пункт 7 статьи 16 Закона о статусе судей, приведя данную норму в соответствие с уголовно-процессуальным законодательством. Это позволит упростить расследование уголовного дела, устранит рассогласованность норм.

Библиографический список

Добровлянина О. В. Отдельные следственные действия // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1. С. 31–36.

Кнутов А. В., Чаплинский А. В., Алимпеев Д. Р. Язык нормативных правовых актов: пора ли бить тревогу? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 399–426.

Романенко Н. В. Концепция совершенствования особого порядка уголовного производства в отношении судей в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022.

Информация для цитирования

Добровлянина О. В. Правовое регулирование отдельных следственных действий в отношении судей // Ex jure. 2023. № 4. С. 85–94. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-85-94.

Dobrovlyanova O. V. Legal Regulation of Individual Investigative Actions in Relation to Judges. Ex jure. 2023. № 4. Pp. 85–94. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-85-94.

УДК 3 43.95

DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-95-106

ПРОВЕРКА ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ ПРИ ДОПРОСЕ

С. Д. Долгинов

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: kafedra-upik-pgniu@yandex.ru

Аннотация: рассмотрены методологические основы судебной экспертизы психологической достоверности показаний и проанализированы различные точки зрения на возможность проведения таких экспертиз. На основе изучения научной литературы и немногочисленной судебной практики сформулированы предложения по вопросам, которые в настоящее время являются дискуссионными. Даётся понятие экспертизы психологической достоверности показаний при допросе; характеризуется объект и предмет исследования; определены субъекты, проводящие данный вид экспертизы, и ее задачи. Значительное внимание уделено этапу подготовки экспертного исследования – психологическому анализу материалов уголовного дела, первичному просмотру видеозаписи; сформулированы типичные вопросы, решаемые экспертами-психологами при изучении видеозаписи с показаниями допрошенного лица. Анализируются психодиагностические методы исследования с перечислением признаков и приемов разоблачения лжи. На примере экспертизы психологической достоверности показаний, проведенной в ходе расследования уголовного дела в отношении С. И. Фургала, дана оценка данного вида экспертизы и сформулированы выводы, направленные на ее совершенствование.

© Долгинов С. Д., 2023

Ключевые слова: допрос; экспертиза; исследование; психологический анализ; достоверность показаний

VERIFICATION OF THE RELIABILITY OF TESTIMONY DURING INTERROGATION

S. D. Dolginov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: kafedra-upik-pgniu@yandex.ru

Abstract: the article discusses the methodological foundations of the forensic examination of the psychological reliability of testimony. Various points of view on the possibility of conducting such examinations are analyzed. Based on the analysis of scientific literature and a few judicial practices, proposals have been formulated on those issues that are currently debatable and controversial. The article gives the concept of examination of the psychological reliability of testimony during interrogation, characterizes the object and subject of the study, identifies the subjects conducting this type of examination, its tasks. Considerable attention is paid to the preparation of expert research: psychological analysis of criminal case materials, initial viewing of the presented video, typical questions are formulated that are solved by expert psychologists when analyzing the video with the testimony of the interrogated person. The author gives an analysis of psychodiagnostic research methods with a list of signs and techniques for exposing lies. Based on an example of the application of an expert study of the reliability of testimony conducted during the investigation of a criminal case against Furgal S.I., the study is evaluated and conclusions are formulated aimed at improving this type of examination.

Keywords: interrogation; examination; research; psychological analysis; reliability of testimony

Допрос является одним из распространенных и в то же время самым сложным следственным действием, цель которого – получение криминалистически значимой информации об интересующих следователя обстоятельствах по расследуемому уголовному делу. Опираясь на данные, полученные в результате завершенного допроса, следователь имеет возможность построить очередные и скорректировать ранее выдвинутые версии, выйти на уровень принципиально новых задач, определить направления, средства,

методы, приемы их решения. Важным будет получение и той информации, достоверность которой может быть поставлена под сомнение, так как даже она свидетельствует об определенных психологических качествах допрашиваемого, интеллекте, отношении к следствию и иных необходимых характеристиках его личности.

Безусловно, в процессе допроса следователь должен убедиться в достоверности или недостоверности показаний допрашиваемого лица. Так возникает необходимость использования собственных специальных знаний и специальных знаний сведущих лиц. Все чаще органы предварительного расследования, наряду с традиционными, прибегают к новым способам проверки правдивости показаний. В условиях научно-технического прогресса появляются новые виды и роды экспертиз, которые оказываются востребованы в правоохранительных органах.

В последние годы активно развивается направление судебно-психологических исследований, в том числе экспертиза психологической достоверности показаний при допросе. Все чаще информация о проведении данной экспертизы появляется в научной литературе¹. Более того, возросло число обращений следователей и вынесенных постановлений о назначении экспертизы психологической достоверности показаний по видеозаписям допросов, других следственных, а также оперативных действий в отношении различных субъектов уголовного процесса. И все же, на наш взгляд, данная проблема в научной литературе и в обзорах судебной практики освещена недостаточно. Сегодня совершенно очевидна необходимость разрешения экспертами-психологами ряда специальных вопросов в оценке явлений, относящихся к психической деятельности нормальных людей и связанных с определением психологической достоверности показаний участников уголовного процесса. Такие задачи ранее не исследовались в рамках судебно-психологической экспертизы, поэтому нуждаются в определении подходов для своего решения, в применении достижений психологической науки из разных ее отраслей (психология лжи, психология манипулирования, психологическое воздействие и др.), а также в разработке и апробации новых (исследовательских) экспертных методик и технологий.

¹ Методика выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий): науч.-практ. пособие / А. М. Багмет, А. Н. Гусев, В. Ф. Енгалычев [и др.]. М.: ФМБЦ им. А. И. Бурназяна ФМБА России, 2017.

В 2001 году О. Д. Ситковской впервые в истории отечественной судебно-психологической экспертизы было введено понятие психологической достоверности и указаны ее признаки: «Под психологической достоверностью (применительно к СПЭ) понимается свойство показаний, характеризующее степень осознания допрашиваемым истинности либо ложности сообщаемой им вербально... информации о событиях (явлениях), воспринятых им в юридически значимой ситуации»².

Первые упоминания о назначении и проведении такой экспертизы в отечественных источниках информации относятся к концу 2010-х годов. Так, с апреля 2010 года по октябрь 2013-го на основании постановлений следователей Следственного управления Следственного комитета России по Калининградской области, Управления ФСБ России по Калининградской области и Следственного управления при Управлении МВД России по Калининградской области экспертами ООО «Калининградский центр судебной экспертизы и оценки» было проведено 28 комиссионных экспертиз психологической достоверности показаний (по видеоматериалам). Не менее 10 указанных экспертиз получили должную оценку в суде в качестве доказательств при рассмотрении уголовного дела и вынесении приговора³.

По основным признакам экспертиза психологической достоверности показаний при допросе относится к комплексной экспертизе, поскольку для решения вопросов, которые ставятся перед экспертным учреждением или экспертами, необходимо обращение к нескольким областям знаний⁴. Общая задача экспертизы определяется исходя из фактических обстоятельств уголовного дела, которые всегда индивидуальны. Основной задачей экспертов при ее производстве, безусловно, является предоставление ответов на вопросы, поставленные перед ними лицами, назначившими такую экспертизу. По сведениям из анализируемых научных источников, а также из средств массовой информации, основным объектом, передаваемым на исследование при проведении экспертизы достоверности показаний, служат

² Цит. по: Методика выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства... С. 22.

³ Холопова Е. Н. Актуальные проблемы доказательственного значения судебной экспертизы психологической достоверности показаний (по видеоматериалам оперативных мероприятий и следственных действий) // Независимый советник: [сайт]. URL: <https://advokatsidorov.ru/sudebnie-ekspertizy-dostovernosti-pokazanij.html>.

⁴ Хамзин С. Р. Проверка достоверности предоставляемой информации при помощи регистрации психофизиологических реакций и реакций глазодвигательного аппарата человека // Эксперт-криминалист. 2017. № 2. С. 37.

видеозаписи следственных действий, на которых лицо, чьи показания следствием подвергаются сомнению, сообщает факты, имеющие значение для уголовного дела⁵.

Поскольку экспертиза психологической достоверности показаний по своей природе является комплексной, то есть в ее производстве участвуют эксперты, представляющие различные классы и роды экспертиз (по условиям статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса РФ), необходимо рассмотреть роль каждого из экспертов. В научной литературе имеется перечень так называемых специальных знаний, которые применяются для производства данной экспертизы. К ним относят психолингвистику, социолингвистику, коммуникативистику, социальную и юридическую психологию⁶. Участие специалистов каждой из указанных отраслей знаний может варьироваться в зависимости от вопросов, поднятых в постановлении о назначении судебной экспертизы. Однако при необходимости возможно привлечение экспертов и других специальностей.

При проведении экспертизы психологической достоверности показаний специалистам предъявляются требования, аналогичные тем, что предъявляются при проведении любой другой судебной экспертизы, а именно требования, установленные Уголовно-процессуальным кодексом РФ (гл. 27)⁷ и федеральным законом о государственной судебно-экспертной деятельности⁸, в случае если такое исследование проводится государственным экспертным учреждением.

При производстве экспертизы психологической достоверности показаний при допросе необходимо решить целый комплекс задач. Они решаются путем анализа сложностей, с которыми сталкиваются эксперты, и одна из них связана с формой, в которой представлен объект исследования. Экспертиза чаще всего проводится по видеозаписи, на которой допрашиваемое лицо дает показания. Отсюда возникает ряд вопросов, связанных с качеством пре-

---

⁵ Родивилина В. А., Машков С. А., Зубенко Е. В. Изобличение лжи при производстве следственных действий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2. С. 43.

⁶ Альмова Е. В. Судебная психолого-лингвистическая экспертиза: выявление признаков искажения информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства, по видеозаписям следственных действий // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 3. С. 148.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 27 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г.

⁸ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ: принят Гос. Думой 5 апр. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 16 мая 2001 г.

доставляемой экспертам видеозаписи (освещенность, обстоятельства, при которых лицо дает показания: место, время суток, присутствующие на допросе лица и другие факторы, способные повлиять на поведение допрашиваемого, его самочувствие и т.д.)⁹.

Важной составляющей подготовки материалов на экспертизу является формулирование типичных вопросов, решаемых экспертами-психологами при анализе видеозаписи с показаниями лица. Эти вопросы предлагаются в современной научно-практической литературе:

«1. Выявляются ли на видеозаписи, полученной в процессе производства следственных действий или оперативно-разыскного мероприятия (указать – какого именно), признаки неадекватного психического состояния... ФИО, которое могло существенно повлиять на его поведение в исследуемой ситуации?

2. Выявляются ли на видеозаписи, полученной в процессе производства следственных действий или оперативно-разыскного мероприятия (указать – какого именно), психологические признаки достоверности/недостоверности информации, сообщаемой ФИО?

3. Выявляются ли на видеозаписи, полученной в процессе производства следственных действий или оперативно-разыскного мероприятия (указать – какого именно), в отношении ФИО признаки оказанного на него неправомерного психологического воздействия со стороны следователя (оперативного работника) либо третьих лиц, и если да, то в чем это выражается?»¹⁰

Перечень вышеуказанных вопросов может быть скорректирован в зависимости от ситуации. Возможна постановка и других вопросов, интересующих следствие или суд. Е. В. Алымова отмечает, что «в этой связи при назначении экспертизы и формулировке вопросов следователю целесообразно консультироваться со следователями, если его личных знаний в этой области недостаточно»¹¹. С этой точкой зрения нельзя не согласиться.

Перед передачей экспертам объект исследования должен быть осмотрен органами следствия. Этого требуют нормы действующего законодательства. В ходе осмотра важно установить определяющие признаки, которые позволят отличать предмет исследования от других. Также предлагается

⁹ Носкова Е. В., Путинцева Ю. А. Использование специальных знаний при оценке достоверности показаний в уголовном судопроизводстве: ретроспективный, доктринальный и практический подход // Правосудие. 2020. Т. 2, № 3. С. 165–196.

¹⁰ Методика выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства... С. 88.

¹¹ Алымова Е. В. Указ. соч. С. 150.

рассмотреть вариант проведения осмотра видеозаписи с использованием компьютерных программ, то есть провести обработку записи в ходе данного следственного действия и зафиксировать процесс и результаты такой обработки в протоколе следственного действия. На наш взгляд, решение данной задачи проблематично, поскольку следователи подобными специальными знаниями, как правило, не обладают, а приглашение специалистов не всегда возможно.

С учетом специфики исследуемых объектов и предметов важным этапом при производстве экспертизы психологической достоверности показаний, на который многие исследователи обращают внимание, является этап подготовки к экспертному исследованию.

В методике проведения таких экспертиз к первоначальному этапу относят:

- психологический анализ материалов уголовного дела;
- первичный просмотр представленной видеозаписи, перцептивный анализ (анализ на слух), составление дословного содержания видеозаписи; определение «фонового» состояния¹².

Психологический анализ материалов уголовного дела включает такие действия экспертов, как ознакомление с постановлением о назначении экспертизы, фабулой уголовного дела. Кроме того, экспертами проводится экспертно-психологический анализ материалов уголовного дела для решения определенных сугубо профессиональных задач. Психологический анализ имеет существенное значение для получения сведений об одноименных и связанных между собой обстоятельствах из показаний самого допрашиваемого лица (подэкспертного) и других участников уголовного дела на разных допросах, а также из другой имеющейся в материалах дела информации (заключения экспертов, справки и т.п.). Кроме того, на данном этапе осуществляется выделение информации об индивидуально-психологических особенностях допрашиваемого лица (подэкспертного) и особенностях его взаимодействия в различных ситуациях.

Далее проводится работа с каждой видеозаписью. Принимая во внимание, что данный вопрос является больше практическим, чем теоретическим, рассмотрим пример применения экспертизы психологической досто-

---

¹² Методика выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства... С. 93.

верности показаний¹³ при расследовании уголовного дела в отношении бывшего губернатора Хабаровского края С. И. Фургала. Экспертиза была проведена по видеозаписи допроса обвиняемого, на котором, помимо ответов на вопросы следователя, обвиняемый также высказывался о проблемах, не относящихся к уголовному делу. Еще до предоставления экспертам видеозапись была обработана с помощью компьютерных программ LVA (Layered Voice Analysis) – технологии анализа голоса для выявления «вокальных характеристик» каждого ответа (изменение тембра, увеличение громкости, снижение скорости речи и др.) и FaceReader – автоматизированной системы для выявления лицевых экспрессий человека, с помощью которой определялось, какие эмоции переживал обвиняемый, отвечая на тот или иной вопрос следователей (счастье, грусть, гнев, удивление, испуг, отвращение либо безразличие). Результаты компьютерного моделирования были переданы экспертам для ответов на поставленные вопросы.

Таким образом, применение экспертизы психологической достоверности показаний предполагает предварительную обработку объекта исследования – видеозаписи – с помощью компьютерных программ. Представляется целесообразным включение в группу экспертов, проводящих комплексную экспертизу, компьютерно-технического эксперта, который бы выполнил необходимую обработку в процессе подготовки к исследованию.

В перечень подготовительных мер важно включить и установление соответствия представленных материалов (videозаписи допроса) требуемым критериям: высокому качеству видеозаписи, качественному звуку ициальному освещению в помещении, где проводилось следственное действие и видеосъемка.

При изучении объектов и предметов исследования и для ответов на поставленные вопросы экспертам необходимо применять разработанные приемы, которые позволяют выявить ряд признаков, свидетельствующих о присутствии лжи в показаниях лица, интересующего следствие.

Наконец, для выявления признаков лжи в показаниях лица (а такие признаки указывают не только на психоэмоциональное состояние человека в момент проведения следственного действия, но и на его поведение в обычной жизни) важен комплексный подход к анализу психологического поведения человека. Согласно методике исследования, необходимо проанализировать

---

¹³ Анисимова Н. СМИ сообщили о проверке показаний Фургала по новой методике. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/05/2021/60b0618f9a794710ca05bd37>.

социально-психологические характеристики подэкспертного, текст его сообщения и обстоятельства его речевого поведения¹⁴.

Важным представляется и другое замечание авторов методики – о том, что «каждый из этих признаков, рассматриваемый в отдельности, в том числе в отрыве от контекста даваемых пояснений (показаний), не указывает на недостоверность сообщения как таковую, но в комплексе с другими признаками на процессуально-релевантных этапах следственного действия, с учетом верbalного сообщения на этих же самых этапах – такое поведение имеет психологические признаки недостоверности»¹⁵.

В качестве примера выявления экспертизой указанных признаков вернемся к уголовному делу в отношении С. И. Фургала. По версии экспертов, на допросе С. И. Фургал использовал в речи междометия для того, чтобы выиграть время и уклониться от прямого ответа. С той же целью С. И. Фургал использовал повторы. Кроме того, у С. И. Фургала изменялся тембр голоса, сбивалось дыхание и «десинхронизировалось тело», после чего он плотно сжимал губы, давая таким образом понять, что больше не желает обсуждать эту тему. Еще одним защитным механизмом обвиняемого, как следует из заключения, стали насмешки и сарказм. Всего экспертами было зарегистрировано несколько сотен «верbalных и неверbalных» признаков, свидетельствующих, по их мнению, о неискренности допрашиваемого, среди которых отмечались «глазодвигательный паттерн», предпринятый испытуемым с целью «избежать устойчивого визуального контакта» со следователем, или его постоянные попытки сменить положение тела, расцененные специалистами как «лимбическое бегство» от допроса¹⁶.

Возможность проведения экспертизы психологической достоверности показаний при допросе признана многими учеными, в том числе практикующими экспертами, имеющими непосредственное отношение к проведению данной экспертизы, а кроме того, подтверждена практикой. Несмотря на это, проведение такой экспертизы и сегодня вызывает множество споров как в среде экспертов, так и в среде юристов.

Законодательством возможность проведения подобных экспертиз не ограничена. Однако остается открытым вопрос с действующим в настоящее

¹⁴ Методика выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства... С. 94.

¹⁵ Там же... С. 99.

¹⁶ Анисимова Н. СМИ сообщили о проверке показаний...

время положением Пленума Верховного Суда РФ, установившим, что перед экспертом «не могут быть... поставлены вопросы по оценке достоверности показаний... полученных в ходе производства допроса, очной ставки и иных следственных действий, в том числе с применением аудио- или видеозаписи, поскольку такая оценка относится к исключительной компетенции лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Заключение эксперта... не может быть в этой части признано допустимым доказательством и положено в основу судебного решения по делу»¹⁷.

Нет единого мнения ученых и по вопросам возможности проведения таких экспертиз в части их правомерности и объективности. Аналогичная ситуация сложилась в отношении методик их проведения и достоверности результатов исследования¹⁸. Оппоненты экспертизы психологической достоверности показаний считают, что методика проведения исследования «не прошла должной апробации» и не признана рядом ученых и экспертами «ведущих экспертных учреждений, поскольку основана на данных литературы без проведения собственных экспериментальных исследований авторов»¹⁹.

В последнее время все чаще стала появляться информация о проведении данного вида экспертиз, однако остается еще много нерешенных вопросов организационного, правового и методического характера. Из-за малой распространенности экспертов, а также отсутствия возможности повсеместного проведения экспертизы психологической достоверности показаний следственными органами пока не выработано однозначной практики ее проведения. Данные проблемы, на наш взгляд, недостаточно освещаются в научной литературе и в обзорах судебной практики, и в этом нам видится причина несформированности судебной практики, которая бы однозначно принимала заключения таких экспертиз как доказательство достоверности или недостоверности показаний, полученных в ходе следственных действий.

¹⁷ О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 дек. 2010 г. № 28 (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 29 июня 2021 г. № 22).

¹⁸ Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» / С. А. Смирнова, Е. В. Макушкин, А. Я. Аснис и др. // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3. С. 66.

¹⁹ См., например: Мусеева Т. Ф. Допустимость использования некоторых видов психологических исследований в рамках судебной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 96.

Несмотря на неоднозначность мнений научного сообщества и практики в вопросах проведения экспертизы психологической достоверности показаний, полученных при допросе, полагаем, что данное экспертное исследование будет все более востребовано в уголовном судопроизводстве. Для разрешения имеющихся вопросов требуется время и желание их разрешить. Проще всего сказать «нет, это неприемлемо». Необходимо проводить научные исследования и смело внедрять в практику современные научные разработки, обеспечивающие эффективность деятельности следствия и суда.

Библиографический список

Алымова Е. В. Судебная психолого-лингвистическая экспертиза: выявление признаков искажения информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства, по видеозаписям следственных действий // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 3. С. 147–154.

Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» / С. А. Смирнова, Е. В. Макушкин, А. Я. Аснис и др. // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3. С. 64–73.

Методика выявления признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий): науч.-практ. пособие / А. М. Багмет, А. Н. Гусев, В. Ф. Енгалычев и др. М.: ФМБЦ им. А. И. Бурназяна ФМБА России, 2017.

Моисеева Т. Ф. Допустимость использования некоторых видов психологических исследований в рамках судебной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 95–98.

Носкова Е. В., Путинцева Ю. А. Использование специальных знаний при оценке достоверности показаний в уголовном судопроизводстве: ретроспективный, доктринальный и практический подход // Правосудие. 2020. Т. 2, № 3. С. 165–196.

Родивилина В. А., Машков С. А., Зубенко Е. В. Изобличение лжи при производстве следственных действий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2. С. 39–45.

Холопова Е. Н. Актуальные проблемы доказательственного значения судебной экспертизы психологической достоверности показаний (по видеоматериалам оперативных мероприятий и следственных действий) // Незави-

смый советник: [сайт]. URL: <https://advokatsidorov.ru//sudebnie-ekspertizy-dostovernosti-pokazanij.html>.

Хамзин С. Р. Проверка достоверности предоставляемой информации при помощи регистрации психофизиологических реакций и реакций глазодвигательного аппарата человека // Эксперт-криминалист. 2017. № 2. С. 36–39.

Информация для цитирования

Долгинов С. Д. Проверка достоверности показаний при допросе // *Ex jure*. 2023. № 4. С. 95–106. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-95-106.

Dolginov S. D. Verification of the Reliability of Testimony During Interrogation. Ex jure. 2023. № 4. Pp. 95–106. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-95-106.

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И. В. Килина

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: kilinairinav@gmail.com

Аннотация: анализируются направления реформирования системы альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов. Иллюстрируется несоответствие заявляемых законодателем целей гуманизации уголовного процесса и реальных результатов преобразования института освобождения от уголовной ответственности лиц, обвиняемых (подозреваемых) в совершении экономических преступлений. Подвергается критике попытка закрепить в законе специальные альтернативы уголовному преследованию, применяемые в уголовных делах о совершении экономических преступлений. Делается вывод о необходимости создания системы альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, которая включала бы основания освобождения от уголовной ответственности, преследующие цель примирения с потерпевшим, и разнообразные общие условные основания освобождения от ответственности.

© Килина И. В., 2023

Ключевые слова: альтернативы уголовному преследованию; освобождение от уголовной ответственности; прекращение уголовного дела; гуманизация уголовного судопроизводства

ON DIRECTIONS FOR REFORMING THE INSTITUTION OF ALTERNATIVE WAYS OF RESOLVING CRIMINAL LAW CONFLICTS

I. V. Kilina

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: kilinairinav@gmail.com

Abstract: the author analyzes the directions for reforming the system of alternative ways of resolving criminal law conflicts. The article illustrates the discrepancy between the goals of humanization of the criminal process declared by the legislator and the real results of reforming the institution of exemption from criminal liability. It is criticized the attempt to legally establish the special alternatives to criminal prosecution, which are extended to certain categories of criminal cases. It is concluded that it is necessary to create the system of alternative ways of resolving criminal law conflicts, which includes grounds for exemption from criminal liability with the purpose of reconciliation with the victim and various conditional grounds for exemption from liability.

Keywords: alternatives to criminal prosecution; exemption from criminal liability; termination of criminal cases; humanization of criminal proceedings

Законодатель находится в поиске наиболее эффективных и многообразных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов. Сегодня множество материальных и процессуальных правовых институтов работают на то, чтобы обеспечить индивидуальный подход к разрешению каждого уголовного дела и решить вопрос об уголовной ответственности и наказании таким образом, чтобы декларированные законодателем цели были достигнуты. В числе институтов, позволяющих индивидуализировать ответственность: обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; изменение судом категории совершённого преступления; освобождение от наказания; условное осуждение; назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление; а также многообразие предусмотренных в процессуальном законе дифференцированных процедур, по-

---

зволяющих учитывать отношение к предъявленному обвинению, возраст обвиняемого и т.д.

Отдельное внимание следует обратить на закрепление в законе норм, обеспечивающих альтернативную реакцию на совершённое преступление – не связанную с традиционным осуждением и наказанием. Альтернативный способ разрешения уголовно-правового конфликта предполагает прерывание уголовного процесса до разрешения судом вопроса о виновности, несмотря на отсутствие каких-либо юридических или фактических препятствий для полной реализации уголовной ответственности. В России альтернативное разрешение уголовного дела осуществляется путем освобождения лиц от уголовной ответственности и прекращения в их отношении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, позволяющим определить целесообразность реализации уголовной ответственности на основе оценки поведения лица после совершения им впервые преступления небольшой или средней тяжести. Активная деятельность подозреваемого, обвиняемого может быть выражена в его примирении с потерпевшим, возмещении ущерба или ином заглаживании вреда, явке с повинной, способствовании раскрытию и расследованию преступления. В свою очередь должностное лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, может оценить такое поведение и, убедившись в том, что лицо, совершившее преступление, утратило общественную опасность и его исправление возможно без постановления обвинительного приговора, принять решение об освобождении его от уголовной ответственности на основании статей 75, 76, 76.1, 76.2, 90 Уголовного кодекса Российской Федерации¹. Такой подход не предполагает разрешения вопроса о виновности лица, однако, в связи с нереабилитирующим характером прекращения уголовного дела (уголовного преследования), требует получения согласия лица и подробного разъяснения ему последствий прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

Вместе с тем на сегодняшний день не приходится рассуждать о том, что перечень альтернатив уголовному преследованию, закрепленный в законе, оптимален и не нуждается в дальнейшем совершенствовании. Ученые, правоприменитель и законодатель, актуализируя тему альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, высказывают

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 04.08.2023). Далее – УК РФ.

критические замечания в адрес существующих альтернатив и вносят предложения по введению новых механизмов разрешения криминальных конфликтов². В последнее время широко обсуждается сразу несколько законопроектов о внесении соответствующих изменений в материальное и процессуальное уголовное законодательство. В частности, широкую огласку получило выдвинутое Верховным Судом РФ уже второе по счету предложение о введении института уголовного проступка (15 февраля 2021 года в Государственную Думу ФС РФ был внесен проект федерального закона № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка»). Кроме того, группой ученых во главе с С. А. Пашиным разработан и представлен для обсуждения проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения»³, предусматривающий применение в уголовном процессе примирительных, в том числе медиативных, процедур. Большое внимание уделяется указанной теме в доктрине⁴. В 2017 году Правительством РФ также была предпринята попытка внедрения в уголовный процесс медиативных процедур, однако представленный проект федерального закона не нашел дальнейшей поддержки в связи с его поверхностным подходом к определению места, роли и правового статуса

---

² См., например: Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2010; Арямов А. А., Колыванцева М. А. Альтернативные формы решения уголовно-правового конфликта: моногр. М.: Юрлитинформ, 2017; Головко Л. В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия: [интервью] // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 38–45; Кузьмина О. В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве // Lex Russica (Русский закон). 2015. № 1. С. 51–58.; Магомедов Г. Б. Преступления небольшой и средней тяжести: освобождение от уголовной ответственности и наказания: моногр. М.: Юрлитинформ, 2016; Матвеева Я. М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения: проект федерального закона // Прецеденты и позиции. 2016. № 5. С. 15–21.

⁴ См., например: Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2013; Гаврицкий А. В., Коблева М. М. Возможности медиации в уголовном процессе // Мировой судья. 2019. № 7. С. 26–29; Попаденко Е. В. Применение примирительных процедур (медиации) в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010.

медиатора в уголовном процессе⁵. Наконец, серьезным шагом в сторону расширения сферы применения института альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта стало закрепление в законе в марте 2023 года нового основания отказа в возбуждении уголовного дела – уплаты в полном объеме сумм недоимки и соответствующих пеней, суммы штрафа в порядке и размере, определяемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, на основании части 1 статьи 76.1 УК РФ (п. 7 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ⁶).

Требует ответа вопрос о том, в каком направлении следует двигаться, совершенствуя систему альтернатив уголовному преследованию: идти по пути создания универсальных институтов, распространяющих действие на все преступления небольшой и средней тяжести, совершённые лицом впервые, или заниматься поиском иных критериев, конкретизирующих зону применения отдельных альтернатив?

Сегодня имеет место иллюстрация и первого, и второго подходов законодателя. Такие традиционные для российского права институты, как прекращение уголовного дела и освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим и в связи с назначением несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия, применимы в случаях, когда совершённое преступление относится к категории преступлений небольшой или средней тяжести. К их числу присоединился и появившийся в 2016 году институт прекращения уголовного дела в связи с назначением лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Перечисленные институты можно обозначить как общие альтернативные основания освобождения от уголовной ответственности.

---

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с реализацией Концепции развития сети служб медиации до 2017 года в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации: проект федерального закона. URL: <http://regulation.gov.ru/projects#nra=69576>.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 04.08.2023). Далее – УПК РФ.

Иная тенденция наметилась применительно к альтернативам уголовному преследованию по делам, связанным с преступлениями в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Закрепление в законе комплекса льготных норм, направленных на обеспечение особых правовых гарантий при производстве по уголовным делам в сфере экономической деятельности, выступает самостоятельным направлением гуманизации уголовного судопроизводства. В рамках этого направления развития уголовной и уголовно-процессуальной политики в 2009 году законодатель предусмотрел институт освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела в связи с возмещением ущерба. Нельзя, конечно, не упомянуть, что с момента принятия статья 28.1 УПК РФ претерпела десятки изменений. Внесение изменений и дополнений в УПК РФ, закрепляющих специальные правила производства по указанной категории дел в рамках концепции общей гуманизации уголовного судопроизводства, стало в последнее десятилетие неизменной традицией.

Вместе с тем специальное основание освобождения от уголовной ответственности едва ли можно охарактеризовать как гуманное. Так, законодатель в статье 28.1 УПК РФ во взаимосвязи со статьей 76.1 УК РФ закрепляет три самостоятельных основания прекращения уголовного дела и для каждого из них предусматривает особые условия, при соблюдении которых допускается освобождение от уголовной ответственности. В зависимости от того, какое из перечисленных в частях указанных норм преступление имело место, определяется размер ущерба, подлежащего возмещению, а для преступлений, перечисленных в части 2 статьи 76.1 УК РФ, также и размер дежной суммы, подлежащей уплате сверх суммы ущерба⁷. Можно констатировать, что освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба не оказалось востребованным. Так, за последние три года судами на этом основании уголовное преследование было прекращено в отношении 316 лиц, в то время как по иным альтернативным основаниям случаи прекращения уголовного преследования исчисляются тысячами и десятками тысяч, что проиллюстрировано в таблице 1.

---

⁷ Отсюда обоснованная критика явно не соответствующего действительному содержанию института наименования основания освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела.

Таблица 1

Прекращение уголовного преследования, кол-во дел в год

Основание прекращения уголовного преследования	2018	2019	2020	2021	2022
Деятельное раскаяние (ст. 28 УПК РФ)	11 991	8 889	7 258	11 606	12 130
Примирение с потерпевшим (ст. 25 УПК РФ)	125 873	106 091	99 115	103 649	105 409
Применение принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 431 УПК РФ)	2 295	2 320	1 821	1 526	1 220
Возмещение ущерба по делам экономической направленности (ст. 28.1 УПК РФ)	31	62	59	72	93
Назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ)	33 329	52 460	56 980	36 685	20 310

Думается, причина непопулярности института – в несовершенстве законодательной техники, которая привела к тому, что задуманная в качестве гуманной мера на выходе получилась репрессивной. Кроме того, представляется не оправдавшим себя перечневый подход к определению сферы применения института. Законодатель привел исчерпывающий список преступлений, совершив которые лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности на основании статьи 76.1 УК РФ (причем при выполнении всех условий в императивном порядке). Основываясь на классических постулатах теории права, можно прийти к выводу, что прекращение уголовного дела в связи с возмещением ущерба является специальным основанием, а потому подлежит применению в тех случаях, когда речь идет о преступлениях, перечисленных в статьях 28.1 УПК РФ, 76.1 УК РФ. В соответствии с указанной логикой при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности за совершение, к примеру, преступления, предусмотренного статьей 176 УК РФ (незаконное получение кредита), лицу должно быть разъяснено, что оно будет освобождено от ответственности в случае, если возместит кредитной организации ущерб, а в пользу государства выплатит возмещение, равное двукратной сумме ущерба (двукратной сумме доходов от преступления или убытков, которых удалось избежать, и т.д.). Согласно примечанию к статье 170.2 УК РФ, применительно к статье 176 УК РФ «крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере

признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей». Думается, подсчет суммы, необходимой предпринимателю для освобождения от уголовной ответственности, является излишним. Совершенно очевидна несоизмеримость этой суммы с размерами санкций статьи 176 УК РФ, предусматривающих для квалифицированного состава незаконного получения кредита (ч. 2 ст. 176 УК РФ) максимальный штраф в размере 300 тыс. рублей. Такая альтернатива уголовному преследованию для лица, целью деятельности которого является извлечение прибыли, вряд ли покажется заманчивой. Можно возразить, что санкции частей 1 и 2 статьи 176 УК РФ предусматривают и лишение свободы, однако для лица, впервые совершившего преступление, объективные перспективы получить столь серьезное наказание неочевидны.

Если исходить из того, что специальная норма отменяет действие общей, получается, что лишение лиц, совершивших преступления, перечисленные в статьях 28.1 УПК РФ и 76.1 УК РФ, возможности быть освобожденными от уголовной ответственности по иным основаниям, не связанным с претерпеванием столь серьезных негативных последствий, в корне противоречит гуманному посылу (руководство которым и предопределило введение специального основания освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба). Отсюда появление позиции Верховного Суда РФ, компенсирующей непродуманность законодательных конструкций, в силу которой «в случаях выполнения не всех или не в полном объеме действий, предусмотренных статьей 76.1 УК РФ, лицом, совершившим преступление небольшой или средней тяжести в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, его ходатайство о прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным статьями 75, 76 или 76.2 УК РФ, может быть удовлетворено судом при условии выполнения содержащихся в указанных нормах требований» (п. 15.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 года № 19⁸). Таким образом, специальная норма для предпринимателей предусматривает более обременительные условия для освобождения от уголовной ответственности, чем общие нормы, что ставит под сомнение необходимость закрепления специального основания освобождения от уголовной ответственности.

---

⁸ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016).

Отметим также, что составление перечня преступлений, отвечающих единственным критериям и потому подлежащих объединению для целей отдельного института, является архисложной задачей. Подтверждение тому не совсем удачная попытка закрепления такого списка в процессе разработки института освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления.

Совершенствование статей 28.1 УПК РФ и 76.1 УК РФ исходя из содержания пояснительных записок к законопроектам, которыми инициировались изменения перечисленных норм, раз за разом направлено на «создание дополнительных гарантий защиты предпринимателей от необоснованного уголовного преследования». Вместе с тем анализ судебной практики показывает, что те немногочисленные уголовные дела, которые прекращены судами в связи с возмещением ущерба на основании части 2 статьи 28.1 УПК РФ, зачастую вовсе не связаны с предпринимательской или иной экономической деятельностью. Так, весьма распространено освобождение от уголовной ответственности лиц, обвиняемых в мошенничестве при получении выплат (например, Постановление Грозненского гарнизонного военного суда (Чеченская Республика) № 1-66/2020 от 30 июля 2020 г.; Постановление Мурманского гарнизонного военного суда (Мурманская область) № 1-29/2020 от 27 июля 2020 г.; Постановление Брянского гарнизонного военного суда (Брянская область) № 1-14/2020 от 10 февраля 2020 г.; Постановление Курского гарнизонного военного суда (Курская область) № 1-6/2020 от 7 февраля 2020 г.). Как видим, отсутствие ясных критериев применения нормы права привело к конечному несовпадению целей внедрения поощрительной нормы и реальной сферы ее применения.

Думается, повторное избрание подобного метода правового регулирования (а именно он продемонстрирован в законопроекте об уголовном проступке) нельзя признать удачным. Наличие в статьях закона тяжеловесных списков преступлений, «приправленных» перечнем отдельных условий применения для каждого из них, делает нормы сложными для восприятия даже профессиональных юристов, что уж говорить об участниках процесса, не обладающих познаниями в области права.

Видится обоснованной позиция П. Г. Сычева, считающего подобный подход к правовому регулированию неэффективным. Исследователь точно замечает, что «законодатель и Верховный Суд РФ в течение девяти лет пытались разрешить фактически неразрешимую проблему: определить категорию деяний, совершаемых конкретной категорией лиц, на основе вида их

деятельности, то есть сформулировать предметный признак, избегая непосредственно определения субъекта, при этом давая все более и более подробную его субъективную характеристику, иными словами, формулируя предметно-персональный признак»⁹.

Объективности ради отметим, что кое-где гуманизация все же нашла отражение – правда, не в самом адекватном ее проявлении. Речь о положениях части 1 статьи 28.1 УПК РФ во взаимосвязи с частью 1 статьи 76.1 УК РФ. Согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ к лицам, впервые совершившим преступления, относятся и лица, которые ранее были освобождены от уголовной ответственности. Получается, что с учетом императивной конструкции освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба можно сколько угодно совершать преступления, а в случае возбуждения уголовного дела раз за разом освобождаться от уголовной ответственности. Применительно, например, к основанию, закрепленному в части 1 статьи 28.1 УПК РФ, это означает, что последствием криминальной неуплаты налогов или страховых взносов будет являться лишь обязанность уплатить налоги (страховые взносы), штрафы и пени, освободиться от ответственности и вновь не платить налоги до следующего уголовного дела. Одновременно с этим сама возможность уголовного преследования затруднена закреплением специального повода для возбуждения уголовного дела. Так, нельзя не упомянуть о возвращении законодателя к возможности возбуждения уголовных дел по преступлениям, предусмотренным статьями 198–199.2 УК РФ, исключительно при наличии материалов, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ). Такое регулирование повышает латентность налоговых преступлений и выглядит как стимулирование не к позитивному постпреступному поведению, а к самой преступной деятельности.

Думается, система оснований освобождения от уголовной ответственности не нуждается в специальном случае, предусмотренном для предпринимателей или лиц, ведущих иную экономическую деятельность. Вместе с тем обеспечение плюрализма институтов, предоставленных в распоряжение правоприменителя в процессе решения вопроса о целесообразности уголовного преследования, позволит в большей степени гарантировать индивиду-

---

⁹ Сычёв П. Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: дифференциация по предмету или субъекту? // Закон. 2020. № 2. С. 135.

альный подход к разрешению каждого уголовного дела. Повышение стандартов доказанности, обеспечение режима законности и строгое следование букве и духу закона при производстве по уголовным делам способны предотвратить те проблемы, которые законодатель пытается решать путем внесения в УК и УПК многочисленных изменений и дополнений.

Систематизация апробированных в мировой практике альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов позволяет прийти к выводу о существовании двух их разновидностей. Первым системообразующим признаком выступает нацеленность процедуры на примирение сторон конфликта. Вторая группа альтернатив предполагает отказ от уголовного преследования взамен выполнения лицом определенных условий, соблюдение которых позволяет избежать традиционного уголовно-правового воздействия. Условия эти разнообразны: уплата денежной суммы в пользу государства (общественной организации, потерпевшего), прохождение обучающих (реабилитирующих, лечебных) курсов и программ, выполнение общественно полезных работ, конфискация имущества и т.д. Поиск эффективных способов примирения обвиняемого и потерпевшего дал толчок такому правовому явлению, как восстановительная, или реституционная, юстиция. В основе восстановительного подхода лежит поиск взаимоприемлемого разрешения конфликта, а также нацеленность на ресоциализацию лица и предотвращение совершения им новых преступлений. Во многих российских регионах накоплен богатый опыт внедрения восстановительных технологий в уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетних (Липецкая область, Пермский край, Ростовская область и т.д.). Развитие института на местах делает перспективным дальнейшее нормативное закрепление апробированных процедур. Наряду с этим законодатель предпринял активные шаги в сторону реформирования в рамках второй группы альтернатив, которые, как было упомянуто выше, являются условными. Так, относительно новым альтернативным основанием стало прекращение уголовного дела и освобождение от уголовной ответственности в связи с применением судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера. Регулируют институт взаимосвязанные положения статьи 25.1 УПК РФ и статьи 76.2 УК РФ. С появлением указанных норм изменилось соотношение предпочтаемых правоприменителем оснований освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести. Анализируя статистику освобождения от уголовной ответственности в России, можно заметить, что количество уголовных дел, прекращенных в связи с примирением

сторон, сокращается в унисон тому, как возрастает количество дел, прекращенных в связи с назначением судебного штрафа в качестве меры уголовно-правового характера, и наоборот.

Таблица 2

Прекращение уголовного преследования, кол-во дел в год

Основание прекращения уголовного преследования	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Примирение с потерпевшим (ст. 25 УПК РФ)	157 316	135 956	125 873	106 091	99 115	103 649	105 409
Процент от общего числа лиц, в отношении которых вынесен судебный акт по существу обвинения	16,0	15,0	14,6	13,3	13,7	14,0	14,2
Назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ)		20 629	33 329	52 460	56 980	36 791	20 171
Процент от общего числа лиц, в отношении которых вынесен судебный акт по существу обвинения	–	2,2	3,8	6,6	7,8	4,9	2,7
Всего число лиц, в отношении которых вынесен судебный акт по существу обвинения	981 798	902 950	858 015	794 020	721 502	738 005	738 705

Из приведенных статистических данных следует, что с закреплением в законе нового основания освобождения от уголовной ответственности количественного прироста в применении института альтернатив уголовному преследованию не произошло, а значит, и существенного влияния с криминологической точки зрения внедрение нового института не оказало. Представляется, что прекращение уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера должно применяться не в тех уголовных делах, в которых до появления статьи 25.1 УПК РФ уголовное дело прекращалось ввиду примирения сторон, а по большей части там и тогда, где и когда способ заглаживания вреда для обвиняемого неочевиден (преступления с формальным составом, двухобъектные преступления). В этой связи можно заметить, что институт освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как меры уголовно-правового характера оказался куда более привлекательным в тех самых уголовных делах экономической направленности. Для примера, законодатель предусмотрел возможность освобождать от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба на основании части 2 статьи 76.1 УК РФ для преступлений, которые предусмотрены пунктом «б» части 2 статьи 171, частями 1 и 1.1 статьи 171.1, статьей 171.5, частью 1 и пунктом «б» части 2 статьи 172 УК РФ. По данным, опубликованным на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 171–173.2 УК РФ, освобождено от уголовной ответственности в связи с назначением иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа 868 лиц против одного лица, освобожденного от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. Таким образом, большую эффективность демонстрируют общие альтернативы уголовному преследованию, предусматривающие условия, выполнение которых влечет освобождение лица от уголовной ответственности. При этом освобождение от уголовной ответственности априори должно быть привлекательным для подозреваемого, обвиняемого, а значит, менее репрессивным, чем наказание, сформулированное в санкции статьи.

Из всего вышеизложенного напрашивается вывод о том, что поиск оптимальной системы альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов необходимо продолжать. Думается, развитие системы альтернатив должно идти по пути совершенствования либо внедрения норм, содержащих универсальные, понятные и непротиворечивые основания и условия их применения. Системный, взвешенный, научно обоснованный подход при нормативном регулировании альтернативной реакции государства на преступления позволит закрепить систему эффективных инструментов для оценки целесообразности привлечения лиц, попавших в орбиту уголовного судопроизводства, к уголовной ответственности.

Библиографический список

- Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д., 2010.
- Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2013.
- Арямов А. А., Колыванцева М. А. Альтернативные формы решения уголовно-правового конфликта: моногр. М.: Юрлитинформ, 2017.
- Гаврицкий А. В., Коблева М. М. Возможности медиации в уголовном процессе // Мировой судья. 2019. № 7. С. 26–29.
- Головко Л. В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия: [интервью] // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 38–45.
- Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ.; общ. ред. Л. М. Карнозовой; comment. Л. М. Карнозовой и С. А. Пашина. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
- Кузьмина О. В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве // Lex Russica (Русский закон). 2015. № 1. С. 51–58.
- Магомедов Г. Б. Преступления небольшой и средней тяжести: освобождение от уголовной ответственности и наказания: моногр. М.: Юрлитинформ, 2016.
- Матвеева Я. М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016.
- Попаденко Е. В. Применение примирительных процедур (медиации) в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010.
- Сычёв П. Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: дифференциация по предмету или субъекту? // Закон. 2020. № 2. С. 132–140.

Информация для цитирования

Килина И. В. К вопросу об эффективности института освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Ex jure. 2023. № 4. С. 107–120. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-107-120.

Kilina I. V. On Directions for Reforming the Institution of Alternative Ways of Resolving Criminal Law Conflicts. Ex jure. 2023. № 4. Pp. 107–120. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-107-120.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ТЯЖЕСТИ
ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

О. Ю. Ли

Кандидат медицинских наук,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: olga-li2013@mail.ru

Аннотация: изложены основания для назначения и производства судебной экспертизы в целях установления тяжести вреда здоровью у живых лиц, а именно судебно-медицинской экспертизы; даны основные понятия; представлены нормативно-правовые акты, регламентирующие назначение и производство данного вида экспертизы; рассмотрены организационные и процессуальные проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов при постановке вопросов для судебно-медицинского эксперта, пути их решения, а также некоторые трудности при составлении заключения судмедэкспертом.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебно-медицинская экспертиза; вред; здоровье; человек

© Ли О. Ю., 2023

ORGANIZATIONAL AND PROCEDURAL PROBLEMS OF ESTABLISHING THE SEVERITY OF HARM TO HEALTH

O. Yu. Li

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

E-mail: olga-li2013@mail.ru

Abstract: the article outlines the grounds for the appointment and production of a forensic examination to establish the severity of harm to health in living persons, namely a forensic medical examination; gives the basic concepts; presents regulatory legal acts regulating the appointment and production of this type of expertise; considers organizational and procedural problems faced by law enforcement officers when raising questions for a forensic medical expert, ways to solve them, as well as some difficulties in drawing up a conclusion by a forensic medical expert.

Keywords: forensic examination; forensic medical examination; harm; health; human

Здоровье – не всё, но всё без здоровья – ничто. Это изречение приписывается великому древнегреческому мыслителю Сократу. В современном российском обществе статья 41.1 Конституции РФ провозглашает, что «каждый имеет право на охрану здоровья»¹.

Если проанализировать статистические данные о состоянии преступности по Российской Федерации за последние двадцать лет, то можно проследить тенденцию к снижению числа зарегистрированных преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью. Так, за 2000 год зарегистрировано 49,8 тыс. подобного рода преступлений, за 2010 год – 39,7 тыс., за 2015-й – 30,2 тыс., за 2014-й – 32,9 тыс. Подводя итоги работы за 2022 год, Министерство внутренних дел РФ отметило, что по сравнению с 2021 годом «число преступлений против личности сократилось на 5,5 %, в том числе фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 2,8 %»². И все же, несмотря на снижение, количество таких преступлений

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/>.

остается значительным. Со страниц СМИ не сходят сообщения о совершенных злодеяниях: «нанесено 165 ножевых ран», «облили бензином и подожгли»... Так, в Пермском крае в последние месяцы зафиксировано несколько случаев преступлений против личности, вызвавших большой общественный резонанс. В начале июня 2023 года в Пермском цирке сотрудники частного охранного предприятия, ворвавшись в цирковую гостиницу, избили дрессировщика верблюдов. Он получил удар дубинкой по голове, упал, после чего его продолжили избивать. Из-за нанесенных серьезных травм артист находится в коме. «По факту умышленного причинения тяжкого вреда здоровью следователем отдела полиции возбуждено уголовное дело», – сообщил референт отдела информации и общественных связей Главного управления МВД России по Пермскому краю Вячеслав Баяндин. В июле 2023 года в Октябрьском районе Пермского края на железнодорожных путях машинист грузового поезда увидел девочку. Он успел затормозить. Из одежды на девочке остались одни носки. Ее голова была в крови. Вокруг дымилась трава. Все тело было обожжено, «кожа сползала». Как позже выяснилось, ее облили горючим и подожгли. Здесь также было возбуждено уголовное дело об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью.

Что же входит в понятие «вред здоровью»? «Под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целости и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды»³. Хочется обратить внимание, что во всех случаях вред здоровью связан с факторами внешней среды, а значит, понятия «вред здоровью», «травма» и «телесные повреждения» являются идентичными.

Известно, что законодательство Российской Федерации выделяет тяжкий вред здоровью, вред здоровью средней тяжести и легкий вред – соответственно статья 111 («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, или повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, или вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не

³ Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ М-ва здравоохранения и социального развития Рос. Федерации от 24 апр. 2008 г. № 194н.

менее чем на одну треть или заведомо для виновного полную утрату профессиональной трудоспособности...»), статья 112 («Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в статье 111 настоящего Кодекса, но вызвавшего длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть...»), статья 115 («Умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности...») Уголовного кодекса РФ⁴. Однако содержание этих статей – набор медицинских терминов, в которых сотруднику правоохранительных органов самостоятельно трудно разобраться. Поэтому при расследовании подобных преступлений, согласно пункту 2 статьи 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в обязательном порядке назначается судебная экспертиза, а именно судебно-медицинская экспертиза, цель которой установление характера и степени вреда, причиненного здоровью⁵. Есть, впрочем, одно исключение: для установления наличия психического расстройства, которое является критерием тяжкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), должна быть назначена судебно-психиатрическая экспертиза. Хотелось бы заметить, что это две различные судебные экспертизы.

Поскольку основные вопросы определения тяжести вреда здоровью решаются исключительно судебно-медицинской экспертизой, на ней нам и хотелось бы остановиться. Начнем с определения. В соответствии с частью 1 статьи 58 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинской экспертизой является «проводимое в установленном порядке исследование, направленное на установление состояния здоровья гражданина, в целях определения его способности осуществлять трудовую или иную деятельность, а также установления причинно-следственной связи между воздействием каких-либо событий, факторов и состоянием здоровья гражданина»⁶.

---

⁴Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (ред. от 04.08.2023). Далее – УК РФ.

⁵Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 29.12.2023). Далее – УПК РФ.

⁶Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ: принят Гос. Думой 1 нояб. 2011 г.: одобрен Советом Федерации 9 нояб. 2011 г. (ред. от 24.07.2023).

Судебно-медицинская экспертиза по определению тяжести вреда, причиненного здоровью человека, регламентируется следующими основными документами: постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 года № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 года № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 года № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации».

Назначение и производство судебно-медицинской экспертизы можно представить в виде стадий, на каждой из которых последовательно решаются определенные задачи. Целесообразно выделить следующие стадии:

- 1) назначение соответствующего вида судебной экспертизы с составлением постановления;
- 2) определение наличия основания для назначения и формулирование вопросов, требующих разрешения;
- 3) определение экспертного учреждения и подготовка объектов, подлежащих направлению на экспертное исследование;
- 4) ознакомление подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя с постановлением о назначении судебной экспертизы и разъяснение им прав, предусмотренных статьей 198 УПК РФ;
- 5) направление постановления о назначении судебной экспертизы в экспертное учреждение; производство судебно-медицинской экспертизы живого лица по определению тяжести вреда, причиненного здоровью; оформление выводов судебно-медицинской экспертизы в виде заключения эксперта и отправка его следователю;
- 6) ознакомление заинтересованных лиц с заключением судебно-медицинской экспертизы.

Основанием для назначения судебно-медицинской экспертизы живых лиц является необходимость определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека. Судмедэкспертиза производится в Бюро судебно-медицинской экспертизы. Объектами, направляемыми на экспертное исследование, выступают живые лица и материалы, являющиеся вещественными доказательствами по уголовному делу (протоколы осмотра места происшествия, других следственных действий, амбулаторная карта, история болезни и другие медицинские документы).

При производстве судебно-медицинской экспертизы необходимо сформулировать вопросы, которые находятся непосредственно в компетенции судебно-медицинского эксперта. Эти вопросы не должны иметь правового характера, что отмечается в пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»: «Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место – убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается». В данном случае можно привести следующий пример: рассматривается уголовное дело об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью. Судебно-медицинская экспертиза живого лица назначена для определения степени тяжести причиненного вреда, и на разрешение экспертизы вынесен вопрос, связанный с превышением пределов необходимой обороны. Однако этот вопрос не является частью предмета рассматриваемой экспертизы и потому для своего решения не требует обращения к судмедэксперту.

При вынесении постановления о назначении и производстве судебно-медицинской экспертизы живых лиц по определению тяжести вреда, причиненного здоровью, следователь обязательно указывает:

- основания назначения судмедэкспертизы (краткое изложение обстоятельств, содержание которых говорит о необходимости применения специальных знаний);
- наименование экспертного учреждения, где должна быть проведена судмедэкспертиза, и (или) фамилию, имя, отчество эксперта, его образование, стаж, квалификацию;
- вопросы для разрешения судмедэкспертом.

После вынесения соответствующего постановления следователь знакомит с данным документом подозреваемых, обвиняемых, их адвокатов, потерпевших, их представителей и разъясняет им права, предусмотренные статьей 198 УПК РФ. Ознакомив с постановлением всех заинтересованных лиц, следователь направляет его в Бюро судебно-медицинской экспертизы.

Обратим внимание на некоторые особенности производства данного вида экспертизы. Одна из них связана с объектом исследования. Несмотря на указанный в названии судебно-медицинской экспертизы вид объекта исследования – «живой человек», экспертное исследование может быть проведено и в его отсутствие по медицинским документам. Вернемся

к вышеописанному случаю с нападением сотрудников ЧОПа на дрессировщика верблюдов в гостинице при Пермском цирке. Дрессировщик был помещен в больницу в состоянии комы и подключен к аппарату ИВЛ, так что доставить его в Бюро судебно-медицинской экспертизы не представлялось возможным. Однако экспертизу требовалось провести незамедлительно. И поскольку документы (история болезни) содержали полные и подробные сведения о всех повреждениях, то судебно-медицинская экспертиза была проведена без присутствия пострадавшего дрессировщика.

Производство судебно-медицинской экспертизы живых лиц для установления тяжести вреда здоровью начинается со знакомства эксперта с соответствующим постановлением. Следующее, что нужно сделать эксперту, – обязательно установить личность подэкспертного. Как правило, указанная процедура осуществляется по паспорту гражданина. Затем судмедэксперт приступает к проведению обследования. Изначально необходимо собрать анамнез, то есть подробно выяснить время, место и обстоятельства получения телесных повреждений, а также уточнить наличие каких-либо травм и заболеваний в прошлом. С этой целью может быть просмотрена амбулаторная карта подэкспертного (она содержит данные о ранее перенесенных травмах и/или заболеваниях), а также результаты инструментальных исследований невропатолога, хирурга, травматолога и иных специалистов (рентгенограмма, томограмма, электрокардиограмма и т.д.), данные лабораторных исследований (анализ крови, мочи). Далее подробно изучаются жалобы самого подэкспертного, их характер и время возникновения. Затем проводится объективный осмотр, включающий детальное описание всех имеющихся повреждений – их локализации, формы, размеров, состояния краев, границ повреждений и т.д.

Отметим, что все представленные медицинские документы должны содержать исчерпывающую информацию об объеме причиненных повреждений и течении патологического процесса, а также иные сведения, имеющие значение. При невозможности получить оригиналы медицинских документов допускается, по письменному разрешению следователя, назначившего экспертизу, изучение их заверенных копий.

Когда медицинские документы поступают в распоряжение судмедэксперта в достаточном объеме и надлежащем виде, он знакомится с ними и приступает к экспертному исследованию. Однако в некоторых случаях могут возникнуть проблемы, связанные с неполным представлением всех медицинских документов. Нередко это обусловлено тем, что пострадавший неод-

нократно обращался в различные медучреждения и центры для обследования и лечения. Тогда для сбора всей необходимой документации требуется значительно большее количество времени. Возможна и другая ситуация – когда копии медицинских документов оказываются оформлены с нарушением соответствующих требований (не заверены либо заверены ненадлежащим образом). Дополнительной проблемой является также невозможность понять содержание представленных медицинских документов. В настоящее время не все лечебные и диагностические учреждения ведут медицинскую документацию в электронном виде, она нередко заполняется авторучкой. Поэтому судмедэксперт не всегда может разобрать содержание документа. В подобных случаях медицинская документация возвращается следователю, назначившему судебно-медицинскую экспертизу, либо направляется в лечебное учреждение с требованием расшифровки, что неизбежно увеличивает сроки производства данной экспертизы. Заметим, однако, что обследуемые нередко отказываются от проведения дополнительных мероприятий из-за нежелания оплачивать соответствующие услуги. Это приводит к невозможности установить степень тяжести вреда, нанесенного здоровью человека, о чем судмедэксперт сообщает в своем заключении.

Завершив осмотр и обследование, судмедэксперт переходит к составлению заключения. По структуре это заключение состоит из трех частей: вводной, описательной (исследовательской) и заключительной (выводы).

В введении указывается, на основании чего была назначена судебно-медицинская экспертиза, ФИО эксперта, его должность, образование, специальность и стаж работы, уровень квалификации, ученая степень, звание; коротко излагается фабула дела и перечисляются вопросы, которые были поставлены перед экспертом.

В исследовательской части судмедэксперт дает подробное описание процесса исследования, а также всех обнаруженных при этом данных. Здесь перечисляются примененные методики и методы исследования, все телесные повреждения фиксируются в виде фотоснимков и схем с обозначением повреждений и указанием даты их исследования.

Судебно-медицинская экспертиза живых лиц для установления тяжести вреда здоровью требует подробного описания всех выявленных в процессе экспертного обследования объективных медицинских данных, поэтому перечисляются все обнаруженные повреждения (кровоподтеки, ссадины, раны), указывается их локализация, возможная давность повреждений, механизм и последовательность их образования. Кроме того, фиксируются все направ-

ления подэкспертного к другим врачам для консультаций, рентгенологических и иных исследований и обследований. Подробно описывается одежда и все повреждения, обнаруженные на ней; перечисляются объекты (например, мазки из влагалища для установления возможного заражения венерическим заболеванием), которые были направлены на лабораторное исследование, после чего излагаются результаты проведенных исследований.

В заключении указывается: 1) время и место судебно-медицинской экспертизы, данные эксперта (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, ученая степень и звание, занимаемая должность) и основания проведения экспертизы; 2) список присутствовавших при проведении экспертизы; 3) перечень использованных экспертом методик; 4) проведенные исследования; 5) поставленные перед экспертом вопросы и его мотивированные ответы. Если судмедэкспертом было обнаружено нечто, значимое для данного уголовного дела, а соответствующие вопросы не были поставлены, он обязан описать обнаруженное в исследовательской части и указать на это в своих выводах.

Вред, причиненный здоровью человека, определяется в зависимости от степени его тяжести (тяжкий, средней тяжести и легкий) на основании квалифицирующих признаков. Квалифицирующие признаки перечислены в пункте 4 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека⁷, и в приказе Минздравсоцразвития РФ «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

Заключение подписывается судебно-медицинским экспертом, который проводил единоличную экспертизу. Если судебно-медицинская экспертиза по каким-либо причинам была комиссионной или комплексной, то заключение подписывают все эксперты, участвовавшие в ее проведении. Если они не смогли прийти к единому мнению, то указывается мнение каждого из них. Судебный эксперт несет уголовную ответственность за разглашение тайны предварительного следствия и за дачу заведомо ложного заключения. Во всех остальных случаях (отказ от участия в судебно-медицинской экспертизе, ошибочные выводы и др.) эксперт несет административную ответственность.

Заключение эксперта оформляется в двух экземплярах: одну копию передают следователю, назначившему судебно-медицинскую экспертизу, другую – отправляют в архив. Получив заключение, следователь, в соответствии

⁷ Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: постановление Правительства Рос. Федерации от 17 авг. 2007 г. № 522.

со статьей 206 УПК РФ, предъявляет его потерпевшему, его представителю, подозреваемому, обвиняемому, его защитнику и сообщает им о праве просить о назначении дополнительной либо повторной экспертизы. Если судебно-медицинская экспертиза производилась в отношении свидетеля, ему также предъявляется заключение эксперта.

Как наглядный пример приведем реальный случай по Пермскому краю:

«Приговор № 1-408/2021 1-51/2022 от 8 февраля 2022 г.
по делу № 1-408/2021

город Чусовой

8 февраля 2022 года

Чусовской ... суд в составе

председательствующего... при помощнике судьи... с участием государственного обвинителя... подсудимого ФИО1, защитника... а также потерпевшего ФИО2,

рассмотрел в открытом судебном заседании уголовное дело в отношении ФИО1... обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 112, ч. 1 ст. 161 Уголовного кодекса Российской Федерации...

установил:

(дата, время) ФИО1 находился в районе торгового центра... (адрес), где после совместного употребления спиртного с Потерпевшим на почве личных неприязненных отношений между ними произошла ссора. В ходе ссоры у ФИО1 возник умысел на причинение средней тяжести вреда здоровью Потерпевшего, не опасного для жизни человека, осуществляя который ФИО1, будучи в состоянии алкогольного опьянения, нанес Потерпевшему несколько ударов кулаками в область грудной клетки, правой ключицы, голове и шее, а также ногами по телу, причинив потерпевшему физическую боль и, согласно заключению СМЭ (дата), не повлекшие вреда здоровью.

<...>

По делу исследованы следующие доказательства.

Из показаний Потерпевшего в судебном заседании и в ходе предварительного расследования (т. 1 л. д. 86–89, 127–129, 197–198) следует, что (дата) в течение дня он употреблял спиртные напитки со своим знакомым ФИО1. Когда они находились в лесном массиве за ТЦ... ФИО1 стал наносить ему удары по голове, лицу, в грудь. От первого удара в грудь он сразу почувствовал резкую боль, правая рука у него перестала действовать. Считает, что удары ФИО1 начал наносить ему беспринужденно; чтобы между ними происходили какие-то конфликты, он не помнит. Затем ФИО1 успокоился и пошел в сторону торгового центра... а он пошел в сторону дома. Пройдя какое-то расстояние, он понял, что ФИО1 его преследует. Он испугался, достал из кармана телефон, чтобы попросить кого-нибудь о помощи. ФИО1 догнал его и выхватил из руки у него мобильный теле-

фон... при этом побои он ему уже не наносил, требований никаких не выдвигал. События (дата) частично не помнит из-за алкогольного опьянения и испытанного стресса. После произошедшего рука сильно болела; он обратился за медицинской помощью, находился на стационарном лечении после операции по поводу перелома ключицы. До настоящего времени рука полностью не восстановилась, предстоит еще операция. Действиями ФИО1 ему причинен моральный вред, компенсацию которого оценивает в 100 000 рублей с учетом претерпевания физической боли от полученной травмы и в период лечения, а также с учетом изменения привычного уклада жизни...

Из показаний свидетеля К.Г. следует, что Потерпевший приходится ей сыном. (Дата) она вернулась домой после 10 часов вечера, увидела у сына на шее и на ушной раковине гематомы, а в области плеча установлены металлические кольца. Потерпевший пояснил, что его избили, забрали телефон. В дальнейшем выяснилось, что у Потерпевшего перелом ключицы, его оперировали, лечение до настоящего времени не окончено.

Аналогичные показания дала свидетель № 1 – сестра Потерпевшего, протокол допроса которой (т. 1 л. д. 98–100) оглашен в судебном заседании с согласия сторон.

Из рапорта (дата) (т. 1 л. д. 3), справки ГБУЗ «Чусовская больница им. В. Г. Любимова» (т. 1 л. д. 4) следует, что (дата, время) в медицинское учреждение обратился Потерпевший, ему поставлен диагноз: перелом правой ключицы со смещением отломков.

Из заключения эксперта (дата) (т. 1 л. д. 14–15)... м/д (дата) (т. 1 л. д. 50–51) следует, что у Потерпевшего имелся*, который мог возникнуть от одного прямого ударного действия тупого твердого предмета. Данное повреждение влечет длительное расстройство здоровья, квалифицируется как вред здоровью средней тяжести. Также у Потерпевшего имелись *, которые расстройства здоровья не влекут, как вред здоровью не квалифицируются.

В соответствии с протоколом осмотра предметов (дата) (т. 1 л. д. 181–183) осмотрен DVD-диск с записью камеры видеонаблюдения, изъятой при осмотре места происшествия. При просмотре файла установлено, что (дата) 17:47 из лесного массива по направлению к ТЦ... направляются ФИО1 и Потерпевший, оба приседают, ФИО1 пьет из пластиковой бутылки. Далее ФИО1 встает и направляется в сторону торгового центра. Потерпевший встает и говорит что-то вслед ФИО1. Тот возвращается и наносит множество ударов руками по лицу и верхней части тела Потерпевшего, пинает его ногой в верхнюю часть туловища. От ударов Потерпевший не падает, заходит в лес. ФИО1 идет за ним и наносит ему удары руками в верхнюю часть туловища. В 17:49 ФИО1 выходит из леса, но через несколько секунд возвращается. В 17:50 ФИО1 снова выходит из

ЛИ О. Ю. _____

леса, на ходу из левого кармана джинсов достает мобильный телефон и вынимает его из чехла.

На основании исследованных доказательств суд приходит к выводу о виновности ФИО1 в совершении инкриминируемых деяний...

На основании изложенного действия ФИО1 суд квалифицирует по ч. 1 ст. 112 УК РФ как умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в ст. 111 УК РФ, но вызвавшего длительное расстройство здоровья.

Руководствуясь ст. 307–310 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, суд приговорил:

ФИО1 признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 112, ч. 1 ст. 161 Уголовного кодекса Российской Федерации и назначить наказание: по ч. 1 ст. 112 Уголовного кодекса Российской Федерации в виде 1 года ограничения свободы, по ч. 1 ст. 161 Уголовного кодекса Российской Федерации в виде 2 лет 2 месяцев ограничения свободы...»⁸

Подводя итог, важно отметить, что знание следователем процесса организации, назначения и проведения судебно-медицинской экспертизы живого человека для определения тяжести вреда, причиненного его здоровью, а также возникающих при этом проблем позволит ему направить свои усилия на оптимизацию собственной деятельности и успешно, оперативно и эффективно расследовать преступление.

Ex jure

Информация для цитирования

Ли О. Ю. Организационные и процессуальные проблемы установления тяжести вреда здоровью // Ex jure. 2023. № 4. С. 121–132. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-121-132.

Li O. Yu. Organizational and Procedural Problems of Establishing the Severity of Harm to Health. Ex jure. 2023. № 4. Pp. 121–132. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-121-132.

---

⁸ Приговор № 1-408/2021 1-51/2022 от 8 февр. 2022 г. по делу № 1-408/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ltpcp3htVTP/?ysclid=lmdaxp7gee159322631>.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В ПРОЦЕССЕ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

К. В. Малыгин

Аспирант

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
6149068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Председатель пятого судебного состава
по рассмотрению уголовных дел
в апелляционном порядке

Пермский краевой суд
614990, Россия, г. Пермь,
ул. Екатерининская, 33

E-mail: malygink@mail.ru

Аннотация: рассматривается правовой статус электронных сообщений, передаваемых посредством сотовой связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также установленный законодательством Российской Федерации порядок доступа к ним со стороны правоохранительных органов. Анализируется правоприменительная практика, связанная с изъятием в ходе оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий электронных носителей информации; обращается внимание на то, что последующий осмотр находящейся в электронных носителях информации переписки, как правило, осуществляется в отсутствие разрешения суда. Делается вывод, что данная практика не учитывает положения законодательства, касающиеся правового режима, который обеспечивает реализацию права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

© Малыгин К. В., 2023

Ключевые слова: электронные сообщения; электронные носители информации; информационные технологии; уголовное судопроизводство

PROBLEMS OF ENSURING THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS IN THE PROCESS OF SEIZURE OF ELECTRONIC INFORMATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

K. V. Malygin

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Perm Regional Court
33, Ekaterininskaya st., Perm, 614990, Russia

E-mail: malygink@mail.ru

Abstract: the article deals with the legal status of electronic messages transmitted via cellular communications and the Internet, as well as the procedure for access to them by law enforcement agencies established by the legislation of the Russian Federation. Analyzing the current law enforcement practice related to the seizure of electronic carriers during investigative actions, the author draws attention to the fact that the subsequent examination of correspondence in electronic carriers usually is carried out without the permission of the court. At the same time, the author comes to the conclusion that this practice does not always take into account the provisions of the legislation concerning the legal regime that ensures the right to secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, telegraph and other messages.

Keywords: electronic messages; electronic data carriers; information technologies; criminal proceedings

Современное уголовное судопроизводство России, следуя общей тенденции цифровизации основных общественных отношений, подвергается модернизации, которая направлена на интеграцию информационных технологий в процесс отправления правосудия по уголовным делам. Целями данной деятельности, по утверждению исследователей, являются обеспечение существенной экономии ресурсов, упрощение совершения отдельных процессуальных действий, преодоление трудностей в раскрытии и расследовании преступлений при наличии электронных следов, способствование открытости и доступности информации судов общей юрисдикции и доступу

граждан к правоохранительным органам и правосудию¹. В то же время, как справедливо замечено в научной литературе, динамика совершенствования соответствующего правового регулирования отстает от других российских процессуальных законов, поскольку существуют опасения, в том числе по поводу возможных негативных последствий от использования новелл, влекущих ущемление или нарушение прав и законных интересов участников процесса².

В связи с постоянным расширением информационного пространства и практики взаимодействия между людьми с помощью сети Интернет и электронных устройств важным с позиции обеспечения раскрытия и расследования преступлений и защиты прав граждан направлением рассматриваемой модернизации выступает развитие правовых механизмов вовлечения цифровой информации, содержащей следы преступления, в уголовное судопроизводство. Особую актуальность здесь приобретает проблема определения правового статуса сообщений, расположенных на изымаемых правоохранительными органами электронных носителях информации и порядок доступа к ним.

Данная проблема проявляется при изъятии и последующем осмотре в рамках оперативно-разыскной деятельности или уголовного судопроизводства средств связи и других электронных носителей информации: мобильных телефонов, планшетных компьютеров, ноутбуков, иной компьютерной техники. Например, при рассмотрении уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств суды нередко сталкиваются с необходимостью оценки законности оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, связанных с осмотром изъятых мобильных телефонов и содержащейся на них информации в сообщениях, передаваемых посредством сотовой связи (СМС) или интернет-мессенджеров. Такие оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия проводятся, как правило, в отсутствие судебных решений. В то же время мобильные устройства являются сегодня источниками большого массива персональной информации. Этот массив включает не только переписку с другими абонентами сотовой связи или сети Интернет, но и сведения о передвижениях человека, его финансовых транзакциях, кон-

¹ Борисевич Г. Я. О развитии межотраслевого института, регулирующего применение электронно-информационных технологий в уголовном судопроизводстве России // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 611.

² Добровлянина О. В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 642.

тактах, входящих-исходящих соединениях и прочую информацию, доступ иных лиц к которой может быть крайне чувствителен и, по общему правилу, ограничен законом и требует судебного санкционирования.

При этом в доктрине уголовного процесса отмечается, что, несмотря на распространность указанной практики и реальность выявленной проблемы, «вопрос о том, необходимо ли сотруднику правоохранительного органа получать решение суда на исследование сотового телефона или иного портативного цифрового устройства задержанного, не получил ясного и последовательного решения в рамках отечественного уголовно-процессуального права»³.

Для разрешения поставленного вопроса необходимо определиться, распространяется ли на сообщения, которые хранятся в памяти цифровых устройств, правовой режим охраняемой федеральным законом тайны.

В соответствии с частью 2 статьи 23 Конституции Российской Федерации⁴ «каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения».

Конкретизируя содержание указанной конституционной нормы, Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» устанавливает, что «на территории Российской Федерации гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи. Ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, допускается только в случаях, предусмотренных федеральными законами» (ч. 1 ст. 63). «Осмотр почтовых отправлений лицами, не являющимися уполномоченными работниками оператора связи, вскрытие почтовых отправлений, осмотр вложений, ознакомление с информацией и документальной корреспонденцией, передаваемыми по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, осуществляются только на основании решения суда, за исключением случаев, установленных федеральными законами» (ч. 3 ст. 63).

---

³ Оконенко Р. И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3. С. 122.

⁴ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 2003 г. (с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.).

Воспринимая приведенные положения Конституции РФ и ФЗ «О связи», Уголовно-процессуальный кодекс РФ⁵ и Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» определяют порядок доступа к электронным сообщениям.

Прежде всего, в части 1 статьи 13 УПК РФ установлено, что «ограничение права гражданина на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений допускается только на основании судебного решения». Согласно части 7 статьи 185 УПК РФ «при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка».

В соответствии со статьей 8 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» проведение оперативно-разыскных мероприятий (включая получение компьютерной информации), которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии определенной информации, указанной в пунктах 1–3 данной статьи.

Судебная практика по конкретным делам чаще склоняется к тому, что для исследования (осмотра) переписки, находящейся на изъятых электронных носителях информации, судебное решение не требуется. При этом суды приводят различные доводы в обоснование данной позиции.

Например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отклонила доводы жалобы о нарушении следователями статьи 13 УПК РФ – тайны переписки, телефонных и иных переговоров. При этом было указано, что «данный принцип уголовного судопроизводства предусматривает необходимость получения судебного решения в тех случаях, когда в результате проведения следственных действий – контроля записи телефонных и иных переговоров, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – могут быть нарушены конститу-

---

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 04.08.2023). Далее – УПК РФ.

ционные права граждан на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Как установлено судом, переписка осужденных по данному делу лиц осуществлялась с соблюдением методов конспирации, с использованием вымышленных имен, через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет и с использованием технических устройств, позволяющих выходить в эту сеть: переносных персональных компьютеров (ноутбуков), планшетных компьютеров и смартфонов. При этом переписка касалась не их частной жизни, а обстоятельств совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств.

При таких обстоятельствах для проведения следственных действий, связанных с осмотрами технических устройств и электронных носителей, изъятых у осужденных в ходе обысков, в том числе «макбука», изъятого в квартире Е., а также для осмотра содержащейся в них информации не требовалось вынесения судебных решений»⁶.

По другому делу Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, отвечая на довод кассационной жалобы осужденного К. о незаконном, ввиду отсутствия судебного решения, проведении осмотра изъятого у него мобильного телефона, содержащего данные о его переговорах, отметила, что осмотр мобильного телефона, изъятого у К., проведен следователем в соответствии со статьей 176 УПК РФ и, вопреки утверждениям осужденного, для этого не требовалось судебного решения⁷.

Соблюдением порядка проведения осмотра мобильных телефонов обосновал законность доступа правоохранительных органов к содержащейся на них переписке и Восьмой кассационный суд общей юрисдикции, который посчитал, что разрешения суда на предмет установления содержимого телефонов, в силу статьи 165 УПК РФ, не требовалось⁸.

Первый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 23 сентября 2021 г. № 77-3256/2021 отметил, что «ссылка осужденного на нарушение части 7 статьи 185 УПК РФ при осмотре мобильного телефона основана

---

⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 авг. 2019 г. № 67-АПУ19-8.

⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 сент. 2014 г. № 55-О14-6.

⁸ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 4 мая 2022 г. № 77-1949/2022.

на неверном толковании норм уголовно-процессуального закона. Положения части 7 статьи 185 УПК РФ предусматривают обязательное получение судебного разрешения на выемку и осмотр почтово-телеграфных отправлений, содержащихся на электронном устройстве, передаваемых по сетям электросвязи, к которым мгновенные сообщения, передаваемые по информационно-телеинформационной сети Интернет и зафиксированные в телефоне осужденного, не относятся».

Аналогичные суждения – о том, что регулирование, предусмотренное частью 7 статьи 185 УПК РФ, касается содержащихся на электронном устройстве и передаваемых по сетям электросвязи почтово-телеграфных отправлений, к коим не относятся мгновенные сообщения, передаваемые по информационно-телеинформационной сети Интернет и зафиксированные в телефоне, – встречаются в практике Шестого и Восьмого кассационных судов общей юрисдикции, Новосибирского областного суда⁹.

Однако встречаются судебные решения, основанные на ином толковании приведенных положений закона, исходя из которого осмотр переписки, содержащейся в изъятых мобильных телефонах, в отсутствие согласия владельца телефона или судебного решения является нарушением статьи 23 Конституции РФ¹⁰. К. К. Клевцов и А. В. Квык приводят целый ряд решений районных судов г. Владивостока, которыми в порядке части 7 статьи 185 УПК РФ санкционировано производство осмотра электронных сообщений, содержащихся на изъятых мобильных телефонах¹¹. То есть суды в этих случаях признавали право граждан на тайну содержащейся на абонентских устройствах переписки и возможность его ограничения лишь в судебном порядке.

Конституционный Суд РФ рассматривал данный вопрос в определениях от 8 апреля 2010 г. № 433-О-О, от 25 января 2018 г. № 189-О, от 17 июля 2018 г. № 1955-О, от 28 ноября 2019 г. № 3205-О, но разрешил его через призму соответствия Конституции РФ статей 176, 177 УПК РФ, регламентирующих основания и порядок проведения следственного действия «осмотр».

---

⁹ Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23 марта 2022 г. № 77-1094/2022; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 нояб. 2021 г. № 77-4836/2021; Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 24 мая 2019 г. № 22-2351/2019.

¹⁰ См., например: приговор Няганского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 12 июля 2018 г. № 1-94/2018.

¹¹ Клевцов К. К., Квык А. В. Изъятие и осмотр информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств // Законность. 2020. № 12. С. 56–60.

Конституционный Суд РФ отметил, что проведение осмотра с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения. Лица же, полагающие, что проводимые соответствующие следственные действия и принимаемые при этом процессуальные решения способны причинить ущерб их конституционным правам, в том числе праву на тайну переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, могут оспорить данные процессуальные решения и следственные действия в суд в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ¹².

Таким образом, вопрос о том, насколько соответствует части 2 статьи 23 Конституции РФ осмотр переписки, содержащейся в памяти электронных носителей информации, при рассматриваемых обстоятельствах без получения судебного решения, остался открытым.

Представляется, однако, что складывающаяся судебная практика не в полной мере учитывает положения законодательства, касающиеся правового режима, который обеспечивает реализацию права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Анализируя указанную практику, прежде всего необходимо отметить, что в части 2 статьи 23 Конституции РФ право на тайну переписки гарантируется каждому независимо от способа и технических средств, используемых для передачи информации, при условии, что такие способы и средства не предполагают публичного доступа к информации, при котором информация доступна неопределенному кругу лиц и не является тайной, и за исключением случаев, когда лицо добровольно отказывается от данного права, предоставляя правоохранительным органам доступ к носителю соответствующей информации. Например, нет оснований говорить об ограничении права человека на тайну переписки, если сообщения размещаются им на открытом для публичного доступа ресурсе, а равно получаются правоохранительными органами от лица, которому данные сообщения были адресованы, поскольку, передавая сообщение, абонент сознательно раскрывает его содержание иному лицу, у которого отсутствует обязанность по сохранению конфиденци-

---

¹² См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габашвили Игоря Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью второй статьи 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28 нояб. 2019 г. № 3205-О.

альности сообщения. Исходя из изложенного, использование для целей передачи сообщений информационно-телекоммуникационной сети Интернет, ноутбуков, планшетных компьютеров и смартфонов, а также мер конспирации само по себе вряд ли можно считать основанием для ограничения указанного права и снятия с переписки режима охраняемой федеральным законом тайны.

Отсутствует в части 2 статьи 23 Конституции РФ и упоминание о предмете (содержании) переписки, ее связи исключительно с «частной жизнью». Поэтому, полагаем, сведения о наличии в переписке информации, имеющей значение для уголовного дела, в том числе о совершении преступления, не влекут автоматического лишения переписки статуса охраняемой федеральным законом тайны, но могут являться основанием для ограничения права на тайну переписки в установленном порядке. К тому же факт совершения преступления, равно как и виновность в нем конкретного лица, могут быть установлены, в силу части 1 статьи 14 УПК РФ, лишь вступившим в законную силу обвинительным приговором суда, а не правоохранительными органами в период осуществления оперативно-разыскной деятельности, проверки сообщения о преступлении или предварительного расследования, когда ими принимается решение об осмотре переписки, содержащейся на изъятых электронных устройствах.

Статья 176 УПК РФ, на которую ссылаются суды, аргументируя свою позицию, определяет общие основания для проведения осмотра и не регулирует порядок ограничения конституционных прав граждан при производстве данного следственного действия, предусмотренный специальными нормами – частью 5 статьи 177 УПК РФ (в отношении права на неприкосновенность жилища), частями 2, 3, 5 статьи 185 УПК РФ (в отношении права на тайну почтово-телеграфных отправлений), частью 7 статьи 185 УПК РФ (в отношении права на тайну электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений), статьей 450.1 УПК РФ (в отношении адвокатской тайны). В связи с этим соблюдение органами предварительного расследования и дознания положений статьи 176 УПК РФ не свидетельствует о возможности игнорирования приведенных выше специальных норм, в том числе в случаях, когда в процессе проводимого на общих основаниях осмотра обнаруживаются объекты, доступ к которым может ограничить конституционные права человека. Именно право на тайну переписки,

телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений охраняется частью 2 статьи 23 Конституции РФ, и это право может быть ограничено лишь при наличии предусмотренных законом оснований и в установленном законом порядке.

Встречающиеся в судебных решениях суждения о том, что положения части 7 статьи 185 УПК РФ касаются лишь почтово-телеграфных отправлений, к которым не относятся «мгновенные сообщения», передаваемые по информационно-телекоммуникационной сети Интернет и зафиксированные в телефоне, не вполне соответствуют диспозиции данной нормы закона. Регулирование ареста, осмотра и выемки почтово-телеграфных отправлений предусмотрено частями 1–6 статьи 185 УПК РФ, однако в части 7 данной статьи содержится порядок осмотра и выемки других объектов – электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений.

Для разрешения вопроса об отнесении к данным объектам сообщений, отправляемых посредством сети Интернет или мобильной связи, необходимо обратиться к Федеральным законам от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи». Понятие электронного сообщения содержится в пункте 10 статьи 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: это информация, «переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети». Интернет, в силу пункта 13 статьи 2 указанного федерального закона, относится к числу информационно-телекоммуникационных сетей. Согласно статье 2 ФЗ «О связи» под сетью связи понимается «технологическая система, включающая в себя средства и линии связи и предназначенная для электросвязи или почтовой связи» (п. 24); под электросвязью – «любые излучение, передача или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам» (п. 35). С учетом изложенного основания для исключения из объектов регулирования частью 7 статьи 185 УПК РФ информации (сообщений), передаваемой через сеть Интернет (в том числе интернет-мессенджеры) и по мобильной связи посредством мобильных устройств, компьютерной техники, отсутствуют, поскольку она обладает свойствами и признаками, составляющими понятие электронных сообщений и иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений.

В то же время конструкция статьи 185 УПК РФ, как справедливо отмечают некоторые исследователи, действительно не позволяет однозначно утверждать, что содержащееся в ее части 7 правовое регулирование относится к любым случаям осмотра и выемки электронных сообщений или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщений. В частности, А. И. Зазулин пишет, что «указанная статья предполагает наличие специального учреждения связи, которое осуществляет реализацию услуг по принятию и отправке почтовых сообщений»¹³. Данное утверждение, судя по всему, основывается на анализе положений частей 2–5 указанной статьи, которые регулируют производство процессуальных действий (наложение ареста, осмотр и выемка почтово-телефрафных отправлений) исключительно в учреждениях связи и не распространяются на случаи изъятия и последующего осмотра соответствующих отправлений, обнаруженных, например, в ходе личного досмотра.

В этой связи представляется, что для исключения противоречий в судебной практике и реализации принципа правовой определенности необходимо внести изменения в уголовно-процессуальный закон, направленные на урегулирование порядка доступа к электронным сообщениям, которые находятся не в организациях связи, а на абонентских устройствах пользователей. При этом в основе таких изменений должно лежать признание объектом охраны собственно конституционного права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений независимо от места расположения соответствующей информации и ее формы, поскольку статьи 2 Конституции РФ именно человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью.

До внесения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ указанных изменений единообразие в судебной практике по рассматриваемому вопросу может быть достигнуто путем включения разъяснений о порядке применения части 7 статьи 185 УПК РФ в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».

---

¹³ Зазулин А. И. Получение следователем информации, содержащейся в сообщениях, передаваемых посредством электронной почты и мессенджеров: проблемы процессуального регулирования // Российский следователь. 2018. № 5. С. 16–19.

Библиографический список

Борисевич Г. Я. О развитии межотраслевого института, регулирующего применение электронно-информационных технологий в уголовном судопроизводстве России // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 610–617.

Добровлянина О. В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 641–649.

Зазулин А. И. Получение следователем информации, содержащейся в сообщениях, передаваемых посредством электронной почты и мессенджеров: проблемы процессуального регулирования // Российский следователь. 2018. № 5. С. 16–19.

Клевцов К. К., Квык А. В. Изъятие и осмотр информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств // Законность. 2020. № 12. С. 56–60.

Оконенко Р. И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3. С. 120–124.

Информация для цитирования

Малыгин К. В. Проблемы обеспечения конституционных прав граждан в процессе изъятия электронной информации в уголовном судопроизводстве // *Ex jure*. 2023. № 4. С. 133–144. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-133-144.

Malygin K. V. Problems of Ensuring the Constitutional Rights of Citizens in the Process of Seizure of Electronic Information in Criminal Proceedings. *Ex jure*. 2023. № 4. Pp. 133–144. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-133-144.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ИНОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

П. С. Пастухов

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного
процесса и криминалистики

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Профессор кафедры публичного права
факультета внебюджетного образования

Пермский институт ФСИН России
614012, Россия, г. Пермь,
ул. Карпинского, 125

E-mail: pps64@mail.ru

Аннотация: рассматриваются вопросы оптимизации и рационализации уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности. Необходимость изменений в этой сфере вызвана технологической оснащенностью преступности, ростом преступлений в сфере компьютерной информации и преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что порождает все большее количество цифровых следов. Действующее уголовно-процессуальное законодательство и технико-криминалистическая деятельность должны быть адаптированы к работе со сложными информационно-технологическими устройствами и цифровыми следами. В этих целях необходимо ввести понятие криминалистического исследования документов, предметов и электронных носителей информации. Правом проводить криминалистическое исследование и составлять отчет по его результатам должен быть

© Пастухов П. С., 2023

наделен следователь (дознаватель). Однако при необходимости он, в соответствии с действующим законодательством, может привлечь специалиста, который по результатам криминалистического исследования должен составить заключение специалиста. Оптимизация уголовно-процессуальной деятельности будет обеспечена благодаря более стройной с точки зрения юридической техники правовой основы проведения любого исследования в рамках производства по уголовному делу.

Ключевые слова: криминалистическое исследование; иные процессуальные действия; цифровые следы; электронные носители информации; отчет следователя; заключение специалиста; формирование доказательств

FORENSIC INVESTIGATION AS ANOTHER PROCEDURAL ACTION IN THE SYSTEM OF MEANS OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

P. S. Pastukhov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Perm Institute of the FPS of Russia
125, Karpinskogo st., Perm, 614012, Russia

E-mail: pps64@mail.ru

Abstract: the article deals with the issues of optimization and rationalization of criminal procedure and forensic activities. The need for changes is caused by the technological equipment of crime, the growth of crimes in the field of computer information and crimes using information and telecommunication technologies, which generates an increasing number of digital traces. The current criminal procedure legislation and technical and forensic activities must be adapted to work with complex information technology devices and digital traces. For these purposes, it is necessary to introduce the concept of forensic examination of documents, objects and electronic media. The right to conduct forensic research should be vested in the investigator (inquirer), and based on its results, draw up a report. If necessary, the investigator may invite a specialist in accordance with applicable law. A specialist on the results of a forensic investigation should draw up a specialist opinion. Optimization of criminal procedural activity will be ensured due to a more harmonious, from the point of view of legal technique, legal basis for conducting any research within the framework of criminal proceedings.

Keywords: forensic investigation; other procedural actions; digital traces; electronic media; investigator's report; expert opinion; evidence formation

Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве состоит из двух взаимосвязанных частей: правовой и технической. Правовой аспект доказывания основан на полномочиях должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, правах иных участников уголовного процесса по собиранию и представлению доказательств, требованиях, предъявляемых к процессуальной форме доказательств. Технический аспект представляет собой технико-криминалистическую деятельность и заключается в применении технико-криминалистических средств для поиска, обнаружения, фиксации, изъятия материальных следов преступления, их исследования с целью извлечения доказательственной информации и формирования на ее основе уголовно-процессуальных доказательств. Ввиду того что при работе со следами в настоящее время применяются не только отдельные традиционные технико-криминалистические средства, а их совокупность, и более того, сложные комплексные технологии, компьютерные аппаратно-программные комплексы, различные виды учетов криминалистической регистрации, базы данных, автоматизированные информационно-поисковые системы, техническую часть правильнее именовать технологической основой доказывания.

Технологию работы с материальными следами преступлений и вещественными доказательствами в самом кратком виде можно выразить через несколько этапов.

На первом этапе происходит *обнаружение* следов в процессе поисковой деятельности, включающей в себя логические и технические приемы с применением технико-криминалистических средств и методов, выделение доказательственной информации из окружающей среды, отбор практических данных, могущих иметь доказательственное значение.

Второй этап – *фиксация* выявленных следов и вещественных доказательств в материалах уголовного дела, состоящая из описания в протоколе следственных действий, фотографирования, измерений, составления планов и схем, что придает обнаруженной информации фактологическую доказательственную силу. При этом указываются средства и методы фиксации. Фиксация необходима для сохранения доказательств в целях их исследования, оценки и использования.

Сущность третьего этапа составляет *изъятие* следов для дальнейшего изучения. На данном этапе вещественные доказательства изымаются целиком в натуре, а следы, в зависимости от их вида, – вместе с объектом-носителем или его частью. В случае если изъять вместе след и объект-носитель (часть его) невозможно, изымаются копии следа или его модели (слепки).

Четвертый этап состоит в принятии мер по *сохранности* доказательств и их источников при уголовном деле. Такая деятельность заключается в использовании специальных приемов и средств упаковки и консервации следов для обеспечения их неизменяемости в процессе транспортировки и хранения.

На пятом этапе происходит *исследование*, то есть извлечение доказательственной информации из материальных следов и объектов и ее изучение. Исследование может быть предварительным (доэкспертным) – осуществляется следователем и специалистом при производстве осмотра места происшествия или иных следственных действий, и эксперты – проводимым по постановлению о назначении экспертизы экспертами.

Вышеперечисленные этапы технологии доказывания содержатся в различных уголовно-процессуальных нормах, но в концентрированном виде эта концепция выражена в части 6 статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹. Названная норма устанавливает возможности и полномочия должностных лиц по применению технических средств для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств при производстве следственных действий.

Уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие исследование материальных следов и вещественных доказательств, закреплены в пункте 19 статьи 5 УПК РФ, описывающем правовое содержание и особенности неотложных следственных действий. Приведенная норма выделяет цели неотложных следственных действий – обнаружение, фиксию следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и *исследования*. На этапе предварительной проверки (ст. 144 УПК РФ) установлены полномочия должностных лиц по производству осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствованию, получению образцов для сравнительного исследования, производству документальных проверок, ревизий, *исследований* документов, предметов, трупов и, что немаловажно, привлечению к участию в этих действиях специалистов.

Наиболее полноценное исследование материальных следов и вещественных доказательств, основанное на научно-технических достижениях, предусмотрено главой 25 УПК РФ, где регламентируется производство судебной экспертизы, но оно не является предметом исследования данной статьи.

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. (ред. от 04.08.2023). Далее – УПК РФ, УПК.

Итак, исследование, наряду с обнаружением, фиксацией, изъятием, сохраниением, представляет собой финальный этап технико-криминалистической деятельности, определяемой понятием «собирание доказательств». В ходе исследования должностные лица, осуществляющие судопроизводство, специалисты и эксперты извлекают доказательственную информацию из следов преступлений и вещественных доказательств, то есть устанавливают фактические данные, составляющие основу для познания обстоятельств совершения преступления.

Если с технологической точки зрения процесс исследования вещественных доказательств и следов преступлений представляет собой применение специальных технических знаний сведущими лицами, то с правовой стороны исследование как понятие представляет собой довольно сложную проблему.

Выявленная проблема является многоаспектной и многоуровневой ввиду того, что исследование может проводиться *на месте обнаружения* криминалистических объектов на основе их видимых свойств и признаков, а также с использованием экспертно-криминалистических, оперативно-справочных, справочно-вспомогательных учетов и современных баз данных. Исследование может проводить традиционный специалист-криминалист, состоящий в штате полицейских органов, или иной приглашенный специалист на этапе предварительной проверки до возбуждения уголовного дела, а также в ходе предварительного расследования или в процессе судебного разбирательства. Исследование может быть непроцессуальным, то есть предварительным и осуществляется в рамках оперативно-разыскной деятельности, или процессуальным, реализуемым в стадии возбуждения уголовного дела, предварительного расследования. Не менее важно процессуальное оформление результатов исследования, которое влияет на допустимость доказательств. Наиболее сложной здесь представляется проблема заключения, подготовленного специалистом, и разграничение его с экспертным заключением, из которой возникает ключевой вопрос: возможно ли представить суду заключение специалиста, выполненное вне уголовно-процессуального производства?

Названные проблемы побуждают искать пути их разрешения. Поэтому задачи, поставленные в настоящей статье, – раскрыть потенциал криминалистического исследования во всем многообразии вариантов применения специальных знаний при производстве по уголовному делу, обосновать оптимальную процессуальную форму результатов исследования в системе средств доказывания. Конечной же целью автора является обоснование необходимости

сти введения понятия «криминалистическое исследование» в уголовно-процессуальное законодательство и включение его в систему иных процессуальных действий как перспективного способа и средства доказывания.

Решение названных проблем видится в повышении эффективности криминалистического исследования за счет расширения круга субъектов исследования, использования современных информационно-технологических средств, компьютерной информации и баз данных, во внедрении понятной и прозрачной процессуальной формы отражения результатов криминалистического исследования, в устраниении проблем правового регулирования.

Анализ выявленных проблем для достижения поставленной цели настоящей статьи следует начать с изучения содержания и сущности исследования. В кратком изложении криминалистическое исследование представляет собой раздел криминалистической техники, и зачастую с применением специальных знаний иных отраслей науки, который изучает закономерности возникновения и движения криминалистически значимой информации, заключенной в свойствах следов, материалов, веществ и изделий. По мнению В. Д. Грабовского, исследование следов – это познание лицом, ведущим дознание, следователем, экспертом, прокурором, судом их информационного содержания, проверка полученной информации, установление ее согласованности со всеми остальными доказательствами по делу. Иначе говоря, исследование – это процесс извлечения информации о преступлении и его участниках из материальных следов (вещественных доказательств)².

В научной литературе отдельные ученые предварительное исследование следов (объектов) называют «оперативным», «внеэкспертным», «доэкспертным», «досудебным», «первичным»³. Чаще всего предварительное исследование проводится в стадии возбуждения уголовного дела для выявления признаков преступления, которые обусловливают дальнейшие действия (возбуждение уголовного дела либо отказ в таковом).

Процесс исследования начинается с изъятия в ходе осмотра места происшествия или иных следственных действий следов, предметов, документов, электронных носителей информации, которые должны быть осмотрены и по возможности оперативно исследованы для извлечения имеющейся в них

---

² Грабовский В. Д. Криминалистическая техника: курс лекций. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003.

³ Анищенко И. А., Галезник М. В. Предварительное исследование следов (объектов) при расследовании преступлений // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2012. № 13. С. 200.

доказательственной информации, подтверждающей либо опровергающей выдвинутые следствием версии. Но вот здесь и возникает главная проблема российского уголовного процесса – в придании доказательственного статуса информации, полученной в ходе неэкспертного исследования. Дело в том, что следственная модель российского уголовного судопроизводства, основанная на детальном письменном оформлении доказательственной информации, при необходимости применения специальных знаний для установления обстоятельств дела сводится к назначению и производству экспертиз и приобщению заключения эксперта к материалам уголовного дела как наиболее детально разработанного источника уголовно-процессуального доказательства. Поэтому по изъятым следам, предметам, документам, электронным носителям информации обычно назначаются соответствующие судебные экспертизы.

Представляется, что практика производства экспертных исследований является затратной с материальной и процессуальной точки зрения, а потому неэффективной. Здесь возникает закономерный вопрос: как обеспечить наиболее рациональные и оптимальные способы установления обстоятельств расследуемого преступления, если требуется применение специальных знаний, выходящих за рамки общеизвестных или юридических познаний должностных лиц, осуществляющих судопроизводство? Такая постановка вопроса имеет под собой многочисленные основания, среди которых, как было отмечено выше, возможность и необходимость привлечения большего количества сведущих лиц, снижение временных затрат, привлечение научно-технических достижений, углубление принципа состязательности, снижение материальных и процессуальных издержек. Более конкретное решение видится в *правовом закреплении понятия «криминалистическое исследование» и его разграничении с экспертым исследованием*.

Далее приведены аргументы в пользу выделения криминалистического исследования в качестве иного процессуального действия в системе средств доказывания с приданием ему статуса самостоятельного доказательства.

Во-первых, усложнение технологической основы общества, использование преступными элементами современных технологических, информационно-технологических устройств для совершения преступлений свидетельствуют о необходимости исследования большего количества материальных объектов, имеющих отношение к преступлению. Традиционный следственный осмотр следов, предметов, документов или назначение и производство экспертиз не позволяют органам расследования получать объективную и полноценную криминалистически значимую информацию в минимальные

сроки оптимальным путем. Неэффективность экспертных исследований показывает, что они становятся «узким горлышком», препятствующим сокращению сроков расследования и разрешения уголовных дел. А традиционный следственный осмотр не дает совершать поисковые действия по изучению сложных информационно-технологических устройств, раскрывать совокупность использования взаимосвязанных аппаратно-программных устройств, их комплексов. Важно особо подчеркнуть неэффективность следственного осмотра в современном информационно-технологическом обществе, так как он не позволяет познавать причинно-следственные связи действий, событий, явлений для установления не одного, а совокупности фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Во-вторых, введение в уголовно-процессуальное законодательство заключения специалиста⁴ как самостоятельного доказательства не оправдывает себя. Такое заключение является проблемным ввиду множества нерешенных вопросов, а предварительное исследование не имеет однозначного доказательственного значения. В этой связи важно пересмотреть взгляды на правовую природу заключения специалиста и гармонизировать его с криминалистическим исследованием, о чем подробнее будет сказано ниже.

В-третьих, многообразие различных видов исследований, предусмотренных УПК РФ и приказами МВД России, порождает трудности у правоприменителя в части формы, содержания и доказательственного значения результатов исследования. Поэтому важно выработать универсальный правовой механизм проведения криминалистического исследования с целью привлечения специальных знаний более широкого спектра, увеличения количества участвующих субъектов и получения доказательственной информации в качестве допустимого уголовно-процессуального доказательства.

Четвертый аргумент связан с возможностью использовать понятие «криминалистическое исследование» как более общее по отношению к «экспертному исследованию». Внося это предложение, мы исходим из общепринятого понимания криминалистики как науки о закономерностях механизма преступления и следообразования, как науки о формировании закономерностей в деятельности следователя по применению средств и методов раскрытия и расследования преступлений. Поэтому криминалистическое исследование направлено на получение криминалистически значимой инфор-

---

⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ: принят Гос. Думой 21 июня 2003 г.: одобрен Советом Федерации 26 июня 2003 г. (ред. от 29.12.2010).

мации из следов, вещественных доказательств, современных информационно-технологических устройств, связанных с преступной деятельностью.

В-пятых, более широкое, по сравнению с экспертным, толкование и использование криминалистического исследования позволит в режиме онлайн проводить диагностические исследования вещественных доказательств, следов, современных баз данных, распознавание причинно-следственных связей, что кардинально сократит сроки установления обстоятельств совершенного преступления.

В-шестых, введение в законодательство понятий «идентификатор», «идентификационный модуль», «электронный носитель информации», «IP-адрес», «MAC-адрес», IMEI, «файл», «лог-файл», «логин», «пароль», «абонентский номер» и других позволяет их идентифицировать при изъятии в ходе следственных или иных процессуальных действий в кратчайшие сроки.

В-седьмых, в современных условиях имеется возможность использовать цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений⁵. Этому направлению криминалистического исследования способствуют существующие автоматизированные поисковые системы, автоматизированные банки данных, нейронные сети, искусственный интеллект, созданное межведомственное информационное взаимодействие через идентификаторы информационно-технологических устройств, позволяя автоматизировать процесс созиания и проверки доказательственной информации.

В-восьмых, рассматривая процессуальную форму доказательства, полагаем, что криминалистическое исследование, в ходе которого было получено данное доказательство, необходимо определять как иное процессуальное действие в системе средств доказывания в уголовном процессе, предусмотренных статьей 86 УПК РФ. Ранее мы уже отнесли исследование к иному процессуальному действию, подчеркнув, что «создаваемое единое информационное пространство является хранилищем потенциально значимой доказательственной информации при расследовании почти всех уголовных дел» и что «произошедшие изменения приводят к пониманию необходимости оптимизации способов созиания доказательственной информации»⁶. Признание криминалистического исследования как иного процессуального

⁵ Зайцев О. А., Пастухов П. С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 281–308.

⁶ Абшилава Г. В., Пастухов П. С. Иные процессуальные действия в системе уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 1. С. 14.

действия способно потеснить традиционные следственные действия за счет скорости получения информации, объективности, а следовательно, эффективности и результативности.

В-девятых, наделяя следователя (дознавателя) или иное должностное лицо правом проводить криминалистическое исследование и принимая во внимание, что указанные должностные лица не обладают специальными знаниями, важно выделить *критерии его проведения*: 1) обладание следователем информационными компетенциями; 2) доступность, читаемость и понятность исследуемой информации; 3) существование объективного способа фиксации хода исследования и полученных результатов; 4) способность следователя объяснить сущность, вид, местонахождение, взаимосвязь, значение доказательственной информации.

В-десятых, наделяя полномочиями проводить криминалистическое исследование следователя, дознавателя, оперуполномоченного, в следственной модели российского уголовного процесса необходимо решить еще один вопрос, связанный с оформлением результатов криминалистического исследования. Полагаем, что оптимальным решением будет наделение следователя и дознавателя правом составлять отчет, а специалиста – правом составлять заключение.

Отчет следователя (дознавателя) – это инновационное предложение. Ввиду того что криминалистическое исследование объединяет осмотр, обыск и исследование нескольких устройств, программ, приложений, аккаунтов и других источников информации, а также возможное копирование информации, должностное лицо обязано указать результаты этого сложного комплексного процессуального действия. Отчет следователя должен отличаться от традиционного осмотра не только указанием обнаруженного, но и описанием действий, связанных с поиском информации, использованием технологических устройств и программных средств.

В-одиннадцатых, результатом законодательного закрепления понятия криминалистического исследования станет его доказательственное значение, что позволит принимать уголовно-процессуальные решения для производства следственных действий и применения мер принуждения при наличии более объективной информации.

В-двенадцатых, результаты криминалистического исследования всегда можно проверить путем сопоставления их с результатами других следственных действий, фактов, версий. В случае необходимости может быть назначена и проведена экспертиза по аналогии с уже апробированным законода-

тельным решением в пункте 3 части 3 статьи 226.5 УПК РФ при сокращенном дознании. Закон разрешает «не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении», за исключением отдельных случаев: когда выводы специалиста ставятся под сомнение или производство экспертизы обязательно в силу прямого предписания закона (ст. 196 УПК РФ). Наиболее важным средством проверки результатов криминалистического исследования может стать допрос специалиста на этапе предварительного расследования или в суде с предупреждением его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения или показаний.

Приведенные аргументы свидетельствуют о перспективном подходе к оптимизации и гармонизации уголовно-процессуальной деятельности и технико-криминалистической деятельности, что очень актуально в усложняющемся современном информационно-технологическом обществе.

Включая криминалистическое исследование в систему средств доказывания в качестве иного процессуального действия, мы решаем правовую проблему «заключения специалиста». В 2003 году⁷ законодатель ввел в УПК РФ такой вид доказательств, как заключение специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74), оставив при этом традиционное заключение эксперта (п. 3 ч. 2 ст. 74). Ключевое отличие этих видов доказательств состоит в том, что заключение специалиста – это «суждение», а заключение эксперта – это «исследование».

В научной литературе изменения в возможностях специалиста вызвали неоднозначную реакцию. Одни ученые с воодушевлением встретили введение новой нормы, а другие развернули дискуссию о различиях в заключениях специалиста и эксперта. Многочисленные вопросы были связаны с правовой природой заключения специалиста и его местом в системе средств доказывания⁸. Так, профессор И. Овсянников, по сути, отождествляет заключение специалиста и заключение эксперта, не проводя между ними различия и отмечая, что «исследование объекта, проводимое специалистом, по глубине, полноте и всесторонности может не уступать исследованию, проводимому экспертом, или даже превосходить его»⁹. А. Н. Петрухина разграничивает компетенцию эксперта и специалиста по степени сложности проводимых ими исследований,

⁷ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ...

⁸ См., например: Лазарева Л. В. Некоторые вопросы заключения и показаний специалиста // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 1. С. 242.

⁹ Овсянников И. Заключение и показания специалиста //Законность. 2005. № 7. С. 35.

указывая, что «разграничение заключения эксперта от заключения специалиста должно осуществляться с учетом характера и объема проводимых исследований» и что «судебные экспертизы проводятся во всех случаях необходимости идентификационных исследований и сложных диагностических исследований, проводимых после возбуждения уголовного дела»¹⁰. В. М. Быков, придерживаясь более узкого толкования закона, считает, что «специалист, как правило, основывает свое заключение только на своем профессиональном опыте и внешнем осмотре представленного на заключение объекта, *полного исследования* объекта специалист *не проводит*. Ограничиваюсь внешним осмотром представленных ему объектов – документов, предметов и веществ, специалист свои специальные познания и профессиональный опыт использует только для формирования своего суждения и мнения о сущности и отдельных признаках объекта, которые представляет в своем заключении. Практически для принятия следователем обоснованного решения о возбуждении уголовного дела этого заключения специалиста бывает вполне достаточно»¹¹. По мнению В. Ю. Стельмаха, компетентность эксперта и специалиста при разрешении поставленных перед ними вопросов изначально должна признаваться равной. По крайней мере, нигде в законе не сказано, что специалист каким-то образом уступает эксперту в квалификации, опыте, объеме знаний и прочих подобных факторах¹². Поэтому ученый полагает, что различия между экспертом и специалистом нельзя проводить по «глубине» владения ими специальными знаниями, то есть по уровню компетентности.

Определенный итог данной дискуссии подвел Верховный Суд РФ в постановлении от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», признав заключение и показания специалиста доказательствами по делу (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). В то же время Пленум Верховного Суда РФ указал, что *специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение* по вопросам, поставленным перед ним сторонами. В случае признания необходимости проведения исследования и формирования на его основе определенного вывода (выводов) должна быть произведена судебная экспертиза.

---

¹⁰ Петрухина А. Н. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в современном уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8.

¹¹ Быков В. М. Новый закон о порядке рассмотрения следователем и дознавателем сообщения о преступлении // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 27.

¹² Стельмах В. Ю. Заключение специалиста в уголовном судопроизводстве: правовая природа и перспективы использования в доказывании// Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 4. С. 80.

Аналогичную позицию неоднократно занимал Конституционный Суд РФ. В своих многочисленных определениях он отмечал: «...специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами; заключение специалиста не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу»¹³; «Никаких иных полномочий специалиста, в том числе по оценке экспертных заключений, проведению схожих с экспертизой исследований, УПК не предусматривает»¹⁴; «Специалист лишь высказывает свое суждение по заданным ему вопросам как в устном виде (что отражается в протоколе судебного заседания), так и в виде заключения (которое приобщается к материалам дела). Заключение специалиста не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу. Если из устных разъяснений или заключения специалиста следует, что имеются основания назначить дополнительную или повторную экспертизу, суду по ходатайству стороны или по собственной инициативе следует обсудить вопрос о назначении такой экспертизы (пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»)¹⁵.

Позиция автора данной статьи заключается в том, что используемое законодателем понятие «суждение», а не «исследование» при характеристике заключения специалиста как самостоятельного уголовно-процессуального доказательства является крайне неудачным. Чтобы специалист дал обоснованное и объективное заключение, ему необходимо изучить признаки и свойства исследуемого объекта, доступные ему сведения, имеющуюся литературу, современные базы данных и иные источники информации. Допускаемая законом дача заключения без исследования, только на основе умозаключений специалиста, вызывает серьезные сомнения в их относимости, допустимости и достоверности. Для установления истины намного важнее проводить углубленное исследование любых обстоятельств дела, чем огра-

¹³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яковлева Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 172.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24 февр. 2022 г. № 262-О.

¹⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 февр. 2012 г. № 4-О12-06.

¹⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сведенцева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 26 окт. 2021 г. № 2177-О.

ничиваться суждением. С этой точки зрения трудно постичь логику и объяснить позицию законодателя, который признает доказательством результаты заключения специалиста, основанные лишь на умозрительном представлении последнего.

Настаивая на том, что специалист должен проводить исследование, нужно поддержать позицию Е. П. Гришиной, которая предлагает использовать заключение специалиста в доказательственной деятельности как способное заменить предварительное исследование объектов, проводимое за рамками процесса и, как правило, до возбуждения уголовного дела¹⁶. По той же причине следует согласиться с позицией С. Н. Еремина, считающего, что «имеются все основания для утверждения, что суждение специалиста (его заключение) должно быть результатом проведенного им исследования»¹⁷.

Убеждение автора статьи в том, что «исследование» намного эффективнее «суждения», основывается на сущностном понятии доказательства, *предназначенного устанавливать факты*, как их понимает наука, закон и судебная практика (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). Поэтому правомерно Верховный Суд РФ в упомянутом постановлении указывает, что заключение специалиста должно обладать «обоснованностью суждения». Именно «обоснованность суждения» предполагает в структуре заключения специалиста наличие описательно-мотивированной, или исследовательской, части. В противном случае стороны защиты и обвинения, а также суд не смогут проверить и оценить «обоснованность суждения».

Только в ходе исследования специалист может и должен обратиться к определенным аргументам в виде *научных выводов, стандартов, технических условий, методик, ГОСТов, нормативно-правовых, технических требований и др.* Использование конкретных данных способно указать на признаки, выявить свойства исследуемого объекта, а значит, подтвердить факты и обосновать их. Таким образом, ключевым элементом проводимого специалистом исследования является способность устанавливать доказательственные факты. Исходя из этого процессуальная форма заключения специалиста должна предусматривать описательно-мотивированную, или исследовательскую, часть, которая будет указывать на полученные факты и станет предметом исследования в судебном разбирательстве.

---

¹⁶ Гришина Е. П. К вопросу о доктринальных и правовых положениях относительно заключения и показаний специалиста в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2019. № 4. С. 18–23.

¹⁷ Еремин С. Н. Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 154.

Во избежание получения недостоверных сведений о фактах следует предупреждать специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения¹⁸, а для этого разъяснить специалисту его права и обязанности и истребовать заключение. Учитывая сказанное выше, В. Ю. Ткач предлагает ввести в УПК РФ главу «Заключения и показания специалиста», в которой изложить порядок, основания и поводы назначения предварительного исследования, права и обязанности сторон уголовного процесса при назначении исследования, требования к содержанию и форме заключения специалиста¹⁹, а кроме того, дополнить статью 307 УПК РФ частью, где специалист, так же как и эксперт, предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложной справки об исследовании.

В заключение сделаем некоторые выводы по проведенному исследованию, призванные решить ряд проблем.

Во-первых, внедрение в практику криминалистического исследования в качестве иного процессуального действия объединяет возможности нескольких следственных действий, а потому снимает современную проблему поисковых действий при получении информации из информационно-технологических устройств, когда требуются функции таких процессуальных и следственных действий, как следственный осмотр, обыск, выемка, применение специальных знаний, копирование, изъятие, истребование, представление и др.

Во-вторых, законодательное закрепление проведения криминалистического исследования привлечет больший круг лиц, обладающих специальными знаниями и способных получать криминалистически значимую доказательственную информацию, а значит, расширит возможности применения в практической деятельности научно-технических достижений, которые позволяют получить объективную доказательственную информацию из сложных информационно-технологических источников.

---

¹⁸ На необходимость дополнения статьи 307 УК РФ указанием на ответственность специалиста за заведомо ложное заключение указывают: Семенов Е. А. Заключение специалиста как источник доказательств // Российский следователь. 2009. № 19. С. 10; Шапиро Л. Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 32; Коновалов А. И., Сидоров А. С. О некоторых проблемах оценки и использования заключений и показаний специалиста в уголовном процессе // Вестник криминалистики. 2010. Вып. 3. С. 90; и др.

¹⁹ Ткач В. Ю. Место происшествия как объект криминалистического исследования (проблемы научно-технического и организационного обеспечения): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.

В-третьих, унификация любых доэкспертных (неэкспертных) исследований в рамках криминалистического исследования, на этапе ли возбуждения уголовного дела или в стадии предварительного расследования, снимает правовые споры между их различным пониманием и доказательственным значением.

В-четвертых, оптимальной процессуальной формой могут стать два вида оформления результатов криминалистического исследования. Первым видом необходимо ввести отчет следователя (дознавателя), как наиболее рациональный и оптимальный способ фиксации доказательственной информации. Вторым видом должно стать заключение специалиста, как менее затратный способ собирания доказательственной информации. Различие между этими двумя видами связано со сферой специальных знаний, которыми обладает каждый из участников криминалистического исследования.

В-пятых, криминалистическое исследование сократит сроки получения криминалистически значимой доказательственной информации (проведение судебно-экспертных исследований требует более длительного времени), снимет нагрузку на экспертные подразделения, а весь процесс доказывания сделает более рациональным.

Внедрение в практическую деятельность перечисленных выше предложений позволит создать более стройную с точки зрения юридической техники правовую основу проведения любого исследования в рамках производства по уголовному делу, которая обеспечит оптимизацию всей уголовно-процессуальной деятельности.

Библиографический список

Абшилава Г. В., Пастухов П. С. Иные процессуальные действия в системе уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 1. С. 5–15.

Анищенко И. А., Галезник М. В. Предварительное исследование следов (объектов) при расследовании преступлений // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2012. № 13. С. 200–202.

Быков В. М. Новый закон о порядке рассмотрения следователем и дознавателем сообщения о преступлении // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 24–30.

Грабовский В. Д. Криминалистическая техника: курс лекций. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2003.

Гришина Е. П. К вопросу о доктринальных и правовых положениях относительно заключения и показаний специалиста в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2019. № 4. С. 18–23.

Еремин С. Н. Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

Зайцев О. А., Пастухов П. С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 281–308.

Коновалов А. И., Сидоров А. С. О некоторых проблемах оценки и использования заключений и показаний специалиста в уголовном процессе // Вестник криминалистики. 2010. Вып. 3. С. 84–90.

Лазарева Л. В. Некоторые вопросы заключения и показаний специалиста // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 1. С. 242–244.

Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7. С. 32–35.

Петрухина А. Н. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в современном уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

Семенов Е. А. Заключение специалиста как источник доказательств // Российский следователь. 2009. № 19. С. 8–11.

Стельмах В. Ю. Заключение специалиста в уголовном судопроизводстве: правовая природа и перспективы использования в доказывании // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 4. С. 77–92.

Ткач В. Ю. Место происшествия как объект криминалистического исследования (проблемы научно-технического и организационного обеспечения): дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014.

Шапиро Л. Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008.

Информация для цитирования

Пастухов П. С. Криминалистическое исследование как иное процессуальное действие в системе средств доказывания в уголовном процессе // Ex jure. 2023. № 4. С. 145–161. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-145-161.

Pastukhov P. S. Forensic Investigation as Another Procedural Action in the System of Means of Evidence in Criminal Proceedings. Ex jure. 2023. № 4. Pp. 145–161. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-145-161.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В EX JURE

Представленная статья должна быть оригинальной, не публиковавшейся ранее, соответствующей тематике научной специальности 12.00.00 – юридические науки.

Объем текста статьи (без учета метаданных и библиографического списка) – от 20 до 30 тыс. знаков (15–20 стр.). Страницы нумеруются. Шрифт Times New Roman. Межстрочный интервал – полуторный. Размер шрифта (кегль) для основного текста – 14, для сносок – 12. Сноски проставляются постранично, нумерация сквозная.

Правовые акты, упоминаемые в тексте, должны содержать дату принятия, номер и полное официальное наименование. Источник опубликования актов не приводится ни в сносках, ни в библиографическом списке.

Статья должна быть представлена единственным файлом и иметь следующую структуру.

1. Метаданные на русском и английском языках:

- название;
- ФИО автора; ученая степень и звание, должность и место работы;
- юридический адрес организации – места работы автора;
- адрес электронной почты автора;
- аннотация: 100–150 слов;
- ключевые слова: 5–7 слов.

2. Текст статьи

3. Библиографический список (оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008). Список литературы должен включать только те работы, которые упоминаются в тексте. Рекомендуем обратить внимание на статьи, смежные с тематикой автора, опубликованные в журнале «Вестник Пермского университета. Юридические науки» (www.jurvestnik.psu.ru); ссылки на эти статьи очень приветствуются.

Образцы оформления сносок:

Сырых В. М. История и методология юридической науки. М.: Норма, 2012.

Кузнецова О. А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2(28).

Червяков К. К. Основания возникновения и прекращения родительских правоотношений по советскому семейному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971.

Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. статей / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2016.

Файл статьи в формате «doc» прикрепляется к сопроводительному письму и направляется на адрес электронной почты редакции: ex-jure@mail.ru.

Несоблюдение правил оформления статьи является основанием для отказа в принятии ее к рассмотрению.

Статья, отвечающая требованиям к оформлению, подлежит обязательному анонимному рецензированию членом редакционного совета или редакционной коллегии или привлеченным специалистом в области тематики статьи, с целью ее экспертной оценки. При выборе рецензента главный редактор руководствует следующими критериями: рецензент должен являться квалифицированным специалистом по тематике рецензируемой рукописи и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Срок рецензирования составляет 2–3 месяца. Копии рецензии или мотивированный отказ направляются автору. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования РФ при поступлении соответствующего запроса.

Всем научным статьям присваивается DOI.

Плата за рецензирование, публикацию статей и присвоение DOI не взимается.

RULES OF SUBMISSION AND PUBLICATION SCIENTIFIC ARTICLES IN EX JURE

The presented article should be original, not previously published, corresponding to the subject of scientific specialty 12.00.00 – Legal Sciences.

The volume of a text (excluding metadata and references) – from 20 to 30 thousand characters (15–20 p.). The pages are numbered. Times New Roman Font. Line spacing is 1,5. The font size for the main text is 14, for footnotes – 12. Footnotes are given page by page, numbering should be continuous.

The legal acts mentioned in the text must contain the date of adoption, the number and the full official name. The source of publication of legal acts is not given either in footnotes or in the references.

The article should be presented as a single file and have the following structure.

1. Metadata in Russian and English languages:

- article title;
- name of the author; academic degree and title, position and place of work;
- legal address of the organization—the author's place of work;
- author's email address;
- abstract: 100–150 words;
- keywords: 5–7 words.

2. Text of article.

3. References (drawn up according to GOST 7.0.5-2008). The references should only include works that are cited in the text. We recommend to pay attention to the articles related to the subject of the author, published in the journal "Perm University Herald. Juridical Sciences" (www.jurvestnik.psu.ru). References to these articles are highly welcome.

Sample design footnotes:

Sirih V. M. History and methodology of legal science. Moscow, 2012.

Kuznetsova O. A. The guilt of an electric power supply organization in case of illegal interruption in power supply // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2015. № 2(28).

Chervyakov K. K. Grounds for the emergence and termination of parental relations under soviet family law: synopsis of a thesis by PhD in law. Saratov, 1971.

Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Civil Thesis Research Purpose // Methodological Problems of Civil Researches: Collection of Scientific Articles / Eds. in Ch. A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, 2016.

The article file in the doc format is attached to the cover letter and sent to the editorial e-mail address: ex-jure@mail.ru.

Failure to comply with the rules of submission and publication is the basis for refusal to accept it for consideration.

The article that meets the rules of submission and publication is subject to anonymous mandatory review by a member of the Editorial Board (or Editorial Staff) or by a specialist in the field of the article subject for the purpose of its expert evaluation. When choosing a reviewer, it is guided by the following criteria: the reviewer should be a qualified expert on the subject of the reviewed article and reported to have published on the subject of the reviewed article for the last 3 years.

The review period is 2–3 months. Copies of the review or a reasoned refusal are sent to the author.

Reviews are kept in the editorial office for 5 years.

The Editorial Board undertakes to send copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

All scientific articles are assigned a DOI.

Fee for peer review, publication and the assignment of a DOI is not charged.

Научное издание

Ex jure
2023. № 4

Редактор
Т. И. Ускова
Корректор *М. И. Иванова*

Дизайн обложки,
компьютерная вёрстка *Т. А. Басовой*

Подписано в печать 24.10.2023
Дата выхода в свет 25.10.2023. Формат 70x100/16
Усл. печ. л. 13,33. Тираж 150 экз. Заказ 125

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
+7 (342) 239 66 36
Отпечатано в типографии ПГНИУ
+7 (342) 239 65 47

Распространяется по подписке и бесплатно

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8671870/?sphrase_id=396144
Подписной индекс 83987

